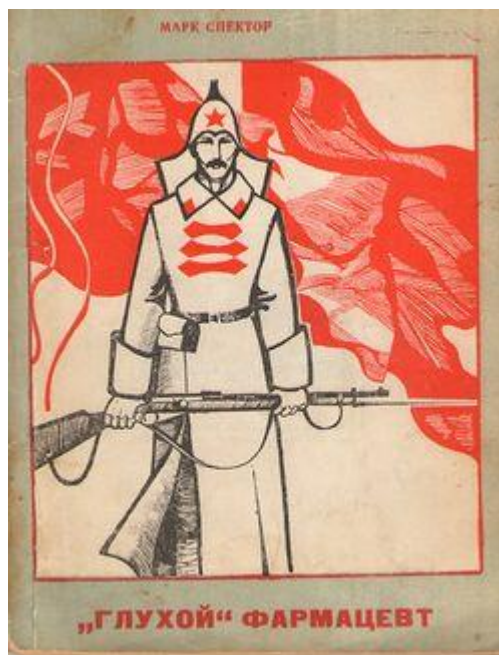

Марк Борисович Спектор «Глухой» фармацевт

1. ОСВОБОЖДЕНИЕ

На рассвете остались позади улицы Николаева. Трое продолжали скакать галопом в белом тумане.

Скакавший первым парень в серой каракулевой кубанке и кожаной куртке, перехваченной офицерской портупеей, попридержал коня и перешел на рысь.

– Ты что, Матвей? – спросил его спутник, тоже одержав лошадь. Он удобно сидел в седле; буденовка с опущенными отворотами и длинная кавалерийская шинель шли к его худощавому лицу и крупным блестящим глазам.

– Они, должно быть, близко, – ответил чубатый парень в кубанке.

– Скорее бы... – сказал третий в пальтеце, подбитом ветром, очках и кепчонке, – скорее бы добраться до наших.

– На передовое охранение наскочить можем. В таких случаях не особенно церемонятся. Пальнут, а потом уж подумают спросить, кто мы и зачем тут.

– Ну-у... – протянул глазастый хлопец в буденовке. – Чего им бояться?

– Это мы с тобой знаем, что деникинцы бегут из города. А наши про то еще не знают.

– Так мы и едем их предупредить, – не унимался хлопец в буденовке.

– Они могут, принять нас в тумане за белый разъезд... – тряхнул чубом парень в кожанке.

Тем временем вдали над туманом взошло солнце.

Серые волокнистые клочья, полупризрачные, побелели и вроде поплотнели. Легкий заревой ветер гнал их от Днепровского лимана на восток, навстречу идущему дню.

– Уж больно осторожен ты, Матвей... – проговорил парень в буденовке.

– Это еще никому не мешало, – мирно ответил чубатый.

Разговаривать на тряской рыси было трудно, и они замолчали. Слышалось только чавканье копыт в дорожной слякоти. Туман поредел, и сбоку открылась панорама города.

– Скоро водопой... Наших все нет... – не выдержал молчания третий. Может, его раздражало ёканье в лошадином брюхе?

– Выедем из тумана... Выше его поднимемся, тогда и увидим, – спокойно ответил Матвей.

Но они столкнулись с колонной конников раньше, чем предполагали. Из белесой мглы появился сначала один всадник – командир, потом они увидели первый и второй ряды кавалерии.

– Стой! – крикнул командир. – Кто такие?

Был он в замызганной короткополой пехотной шинели и смушковой солдатской папахе. О том, что он высок ростом, можно было догадываться по низко опущенным стремянам да мословатым коленям, обтянутым кожаными галифе.

Матвей подъехал первым, вытащил из-за пазухи мандат, протянул командиру.

– Мы от подпольной городской организации, – сказал он, пока командир разворачивал бумагу. – Я, Матвей Бойченко, и Саша Троян – из города, а Костя Решетняк – из Слободки, – чубатый кивнул в сторону парня в буденовке.

– Спасибо, хлопцы, за добрые вести! – сказал, выслушав их рапорт, командир и обернулся к бойцам.

– Товарищи! Слащевцы оставляют город, не принимая нового боя! Драпают отборные деникинские части! Вся эта Антанта крепко получила от нас по мордам. Еще напор – и Одесса будет наша! Еще усилие, товарищи, и всю эту гидру контрреволюции мы вышвырнем в Черное море.

Ребята были счастливы: вот они, дорогие товарищи, рядом! Пусть лошадки их неказисты, а шинелишки на рыбьем меху. Пусть. Не в этом суть. Сумели ведь они, стремительно наступая из-под Орла, надвое рассечь белогвардейские полчища Деникина. Красноармейцы дрались с вышколенными офицерскими полками дроздовцев, корниловцев, марковцев и алексеевцев – цветом Добровольческой – неизменно побеждали!

Минуту назад, когда они только встретились с головным отрядом, на лицах бойцов лежала серая, казалось, неистребимая пелена усталости. Они поеживались в седлах под промозглым ветром. А теперь в их глазах светилась радость.

«Драпают! Драпают деникинцы!», «Херсон наш, а теперь и Николаев!», – пронеслось по рядам, – «Одессу осталось освободить!», «Братцы, да уж ведь мы до моря дошли!», «Каюк, «драп-армии!»!»

Ветер усиливался, рвал туман, и теперь бесформенные его клочья поднимались все выше. И по мере того, как солнце освещало слякотную землю, отчетливее становилась слышна далекая оружейная пальба, такая далекая, что ее могло разобрать, пожалуй, лишь опытное ухо солдата.

Теперь, глядя на дорогу, Матвей видел, что они встретились сразу с основными силами Красной Армии, а не с разведкой, как показалось сначала. Далеко-далеко по дороге виднелась колонна конников по четыре в ряд.

Привстав во весь рост в стремянах, командир крикнул ломким от простудной хрипоты голосом:

– По-олк! По-о-эскадрон-но! Рысью! Ма-а-арш!

– Простите, товарищ командир... – сказал Матвей.

– Простите... гм... гм... В гимназии, значит, учился? Из сынков, значит?.. – прищурившись и глядя вперед, проговорил командир.

Матвей смутился. Но тут на помощь пришел Сашка Троян. Он поправил очки и рассмеялся:

– Нет, товарищ командир. Не из сынков. Его отец – корабелом на «Навале»¹. Золотые руки! В гимназии Матвейка и не обучался, он в художественном училище был. Бесплатно, конечно. Отцу его не под силу деньги за учебу платить. У него семья большая. А рисует парень хорошо, – несколько покровительственным тоном закончил Сашка Троян, польщенный молчаливым вниманием командира.

– Ладно, дело ваше, – с ленцой ответил командир. – Только гимназеры в большинстве –

¹ Николаевский судостроительный завод

контра...

Сашка Троян хотел было и дальше защищать Матвея, но тот прервал его:

– Чего мы рысью, а не галопом? – обратился он к командиру.

– Ты посмотри на своих коней. Запарили вы их совсем. До сих пор бока у них ходят. Ну, пойдем мы галопом, а хошь наметом... На каких же лошадях в бой двинем? Конь – не паровоз. Это тому в топку дров подбросили и – гони. А что солдата с марша, что коня после скачки в бой гнать негоже. Можно, конечно, но в случаях исключительных. Война штука сложная, хоть ее в гимназиях не изучают.

– Разве тут не исключительный случай? – вмешался опять Саша Троян, – У Варваровского моста рабочие бьются.

– Не бьются, – поправил командир, – а мешают отходу противника. И мы поспеем пощипать обозы белых. Основные-то их силы, верно, еще ночью оставили город. К Одессе подались, к войскам генерала Шиллинга.

Они снова замолчали. Матвей прислушался к разговорам бойцов за спиной.

– ...Аж всю германскую прошел, потом с немцем под Питером дрался, потом его с Украины гнал. А такого, что эти изверги деникинцы творят, не привелось видеть. И сохрани бог. А ведь они – русские. А вешать да стрелять – хлебом не корми. Человека погубить, али хату ли, село спалить для буржуев этих треклятых что плюнуть да растереть.

– Это точно, – в тон солдатскому баску начал молодой тенорок. – Ежели свой, ну, русский или украинец, продался Антанте, та он завсегда хуже самого германца или грека. Видел я, что и те творили. Темный народ. А тут христолубивое, те в душу, воинство такого наломало... Особо Слащев енерал. Вешателем его недаром прозвали... Что ни на есть лютейший враг рабочего и хлебороба. Ничего, хватит еще енерал горячего до слез!..

«Да уж, что верно, то верно, – думал Матвей, – слащевцы свирепствовали всюю». Ему вспомнилась страшная городская площадь, на которой валялись истерзанные и порубленные слащевцами рабочие. Там были коммунисты и комсомольцы – подпольщики, беспартийные, обвиненные в сочувствии большевикам... И несколько дней по углам улиц, выходявших на площадь, дежурили конные головорезы из «наивернейших». Они выполняли приказ генерала – не разрешали хоронить замученных. А другие – гнали к площадь рабочих и обывателей, чтобы те, посмотрев на изуродованные трупы, прониклись страхом и трепетом.

Но, как всегда бывает, бессмысленная жестокость и изуверство пробудили ненависть даже в душах слабых, а сильные давали здесь молчаливую клятву драться с белыми до последнего дыхания. И лишь только в их руки попадало оружие, они держали свое слово. Рабочие николаевских заводов, насколько хватало сил, мешали белякам переправиться через наплавной Варваровский мост. В дело шли отбитые у деникинцев пулеметы и пушки. Судостроителям не привыкать было переходить от станка к станковому пулемету, орудию лафету. Еще в восемнадцатом году николаевские рабочие – жители единственного на Украине города – три дня сдерживали натиск регулярной кайзеровской армии, отчаянно сопротивляясь приходу оккупантов, благословленных Центральной радой...

Едва по мостовой зацокали копыта красных конников, как, несмотря на ранний час, из домов на улицы повысыпали жители. Слободка первой встречала освободителей: у обочин толпились старики, женщины, дети. Мужчин почти не было видно, они находились на другой стороне города, откуда слышалась стрельба. Бой у Варваровского моста не затихал. Хозяйки, встававшие спозаранок, подбегали к бойцам и совали им в руки кто пирожки, кто кринку теплого молока с аппетитной рыжей пенкой... И потом женщины подолгу стояли у обочины, глядя вслед бойцам и уголками платков вытирали слезы.

Из рядов кричали:

– Гражданочка! Будь ласка! Добеги до Девятой Слободской, дом семнадцать. Нечипоренко спроси. Скажи, что Гриша здесь. Вместе с Красной Армией вернулся!

Менялись адреса, но просьбы оставались прежними. Ушедшие отстаивать Советскую власть возвращались победителями.

Колонны конников сменили шеренги пехоты. Вступившие в город красные войска

направлялись к площади Коммунаров. Там меж заводскими воротами «Рассуд» и мрачного вида зданием флотского полуэкипажа² стояла наскоро сколоченная трибуна, украшенная алыми флагами и транспарантами. Площадь была наполнена народом.

Седой рабочий-судостроитель, сжав кепку в руке, громко кричал с трибуны слова приветствия.

– Товарищи красноармейцы! Освободители наши! Большое вам спасибо от всего рабочего класса! Здесь, вот на этом месте, совсем недавно, в ночь на двадцатое ноября, были замучены коммунисты, комсомольцы, беспартийные труженики – шестьдесят один человек! Остановитесь, бойцы революции! Почтим память павших коммунаров минутой молчания!

И по приказу командиров, эскадроны, батальоны останавливались, чтобы почтить память тех, кто отдал жизнь за правое дело. И шли дальше, через центр города в сторону Варваровского моста, чтобы вступить в бой.

Перед выходом на площадь трое всадников отделились от эскадрона, отъехали в сторону. Но Саша Троян слишком вжился в роль бойца. Тараща и без того большие, чуть навывкате, близорукие глаза, он теребил повод разгоряченного коня:

– Хлопцы! Чего мы тут прозябать будем? Айда с этим эскадроном на фронт! Там веселее! Чего бы и нам не рубать беляков?!

Вид у Саши был взъерошенный. Давно не стриженные волосы патлами торчали из-под кепки. Он часто снимал очки и протирал стекла засаленной подкладкой своего выдавшего виды головного убора. Тогда Саша замолкал, и на лице его появлялось беспомощное выражение.

Костя Решетняк, красовавшийся в кавалерийской шинели и буденовке, снисходительно поглядывал на своего воинственно настроенного товарища и помалкивал. Уж больно не походил Сашка на бойца. Но Троян не унимался:

– Хлопцы! Ну пошли вместе с ними!

– Нам велено быть в городе, – твердо сказал Матвей. – Ты приказ Грозы помнишь?

– Мы же – на фронт!

– Даже если и на фронт уйдем – будем считаться дезертирами. Ты же комсомолец, должен знать, что такое дисциплина. Или комсомол тебе не указ? Теперь по домам, а в шесть вечера – собрание актива. Федя Гроза сказал, что соберемся в здании Страхового общества. Угол Потемкинской и Глазенаповской.

– Знаем... – с ленцой ответил Костя.

– До встречи! – кивнул Матвей и пустил коня вскачь.

Но домой Матвей Бойченко не поехал. Он отправился в центр города, на Большую Морскую улицу, где и до прихода деникинцев помещалась губчека.

В доме странной и довольно безвкусной архитектуры с пристройками, венецианскими башенками, а также круглыми и полукруглыми окнами было оживленно, у входа стоял часовой. Матвею живо припомнился тот день, когда он впервые пришел со своим двоюродным братом Володей Шицаваловым к бывшему председателю ЧК. Тогда он получил особое задание, которое определило его жизнь на несколько лет. И то особое задание еще не выполнено до конца.

Подъехав к зданию, Матвей соскочил с лошади и привязал повод к стволу каштана.

– Эй, хлопец! – крикнул ему часовой. – А ну, проезжай отсюда!

Бойченко не ответил и быстро поднялся по лестнице.

– Тебе чего? – недоверчиво глядел на него часовой.

– Вызовите дежурного. Мне надо видеть председателя губчека,

– Кто ты такой?

– Вот это я ему и объясню.

– Катился бы ты отсюда...

² Воинская часть

– Не раньше, чем поговорю с председателем.

– А фамилию-то ты его знаешь?

– Нет. Вы же только вошли в город.

– Иди отсюда! – гаркнул часовой.

Очевидно, на его голос открылась дверь. Часовой стал по стойке «смирно».

– С кем ты тут балакаешь? – спросил мужчина в кожаной кепке и кожанке, перехваченной ремнем, с наганом на боку.

– Вот, рвется, товарищ Каминский. Председателя требует.

– Т-требует? – несколько взволнованно переспросил Каминский.

– Не требую, а прошу. Мне необходимо ему представиться.

– П-предс-тавиться? – запинаясь, переспросил Каминский. – П-предс-седателю?

– Да, товарищ Каминский.

– Ну-ну-ну... Пропустите этого т-товарища.

– Проходи! – часовой метнул дулом взятой наизготовку винтовки.

Бойченко вошел в дом. Золоченые, обитые бордовым атласом кресла, тяжелые шторы. Все тут оставалось по-старому, когда анархисты – махновцы и григорьевцы, спровоцировав бунт во флотском полуэкипаже, ворвались в здание губчека, убили, а потом изрубили председателя товарища Абашидзе.

Привычно свернув налево, Матвей направился к кабинету Абашидзе. Он решил, что более удобной комнаты в доме нет. Сопровождавший его Каминский подтвердил предположение.

– Подожди, я доложу. – И дежурный прошел в кабинет.

Матвей оглядел приемную. И здесь все было по-прежнему.

Только стол дежурного стоял на другом месте, ближе к окну. «Видимо, у этого Каминского, или его товарища слабое зрение», – подумал Бойченко.

– Проходи, – появляясь в дверях, кивнул Каминский.

Посередине кабинета стоял невысокий худощавый человек в гимнастерке, галифе и хромовых сапогах. У него был такой вид, точно он остановился на минуту и сейчас начнет снова ходить по комнате. Небольшие серые глаза на строгом лице с пушистыми бровями оглядели Матвея быстро и цепко.

– Слушаю. Что ты хочешь сказать?

– Моя фамилия Бойченко.

– Буров... Председатель губчека. Да ты садись, Бойченко. Садись. – И Буров зашагал по кабинету.

Присев на стул, Матвей начал свой рассказ о получении особого задания еще от Абашидзе и о ходе его выполнения.

– И что ж ты смотался от Махно?

– Я не смотался. Связь была потеряна. Анархисты конфедерации «Набат» по приказу Махно оставили батьку. Ведь они числятся легальной организацией, а Махно объявлен вне закона.

В кабинет вошел человек странного для чекиста обличья; был он в аккуратном синем костюме, белой сорочке и даже при галстуке. Высоколобый, чистовыбритый и тщательно причесанный, с аккуратными усами, он в первый момент производил впечатление человека случайного здесь, если не чужого.

– Товарищ Горожанин! – приветствовал его Буров. – Давай, давай, заходи! Вот хлопец один объявился. Говорит, что наш. Говорит, что выполнял особое задание Абашидзе. Проник в анархистскую конфедерацию «Набат», а потом вместе с этими набатовцами у Махно был. Но потерял связь.

Горожанин сел на стул против Матвея.

– Продолжайте, пожалуйста.

Не отдавая себе полностью отчета почему, Бойченко ощутил, что сидеть при этом человеке в шапке неудобно и стянул с головы кубанку.

– Связь у меня была с Клаусеном...

– С Клаусеном? – переспросил Буров. – Это проверить проще пареной репы. Давай дальше.

Спокойно и обстоятельно Матвей объяснил, что после ликвидации «культпросветотдела» при штабе Махно у него было два пути: временно вернуться домой, в Николаев, ждать пока его не найдут свои, или втереться в ряды махновцев. Второй путь он посчитал для себя неприемлемым,

– Ваши люди остались там? – спросил Горожанин.

– Один в штабе. Другой в сотне «Не журишь».

– Кто? – резко повернулся к Бойченко Буров.

– Об этом знает Клаусен... – неопределенно ответил Матвей.

– А ты – парень-жох! Знаешь, где раки зимуют, – весело рассмеялся, довольный собой и Матвеем, Буров. – Нам такие нужны. Как ты считаешь? А? – повернулся он к Горожанину. Можем мы его пока подключить к работе?

Тот кивнул, и обратился к Матвею:

– Вы комсомолец?

– Член партии.

– Нам нужны люди, товарищ Буров. Может быть, попросим Матвея Бойченко повнимательнее присмотреться к своим друзьям по подполью. Наверняка есть среди них отличные ребята.. Не торопитесь. Мы даем вам неделю. Согласны? – обратился он уже к Бурову.

– Конечно. Но лучше бы побыстрее. – И спросил Матвея: – Сможешь?

– Смогу. – твердо сказал Матвей.

– Но имей в виду, – Буров предостерегающе поднял палец. – Отвечать за них будешь как за самого себя. Нам надо двух парней. И машинистку – дозарезу! Понимаешь, грамотную комсомолку, которая умела бы печатать на машинке.

– Трудно, – признался Матвей. – Но попробую..

– Не «попробую», а найди, – твердо сказал Буров.

– Постараюсь, товарищ Буров.

– Значит, договорились, – рассмеялся Буров. – Оставь адрес у дежурного. Может, понадобится.

– Мое имя и отчество – Валерий Михайлович, – сказал Горожанин и поднялся со стула. – Очень трудно было?

Бойченко кивнул:

– Как и всем, Валерий Михайлович.

– Вы, наверно, голодны? Пойдите в столовку и пообедайте.

В столовой Матвею выдали четвертушку хлеба и пшеничный суп из селедки, а на второе – пшеничную кашу-размазню. Обед был царский. Суп и кашу он съел, а хлеб сунул за пазуху – младшим сестренкам. На углу Сенной и Глазенаповской, неподалеку от вокзала, Бойченко заглянул во двор дома и увидел своих сестричек. Они очень обрадовались ему и тут же с превеликим аппетитом съели гостинец. Отец был дома. В подвал, где обитала его семья, Бойченко не пошел. Вот уже три года как они поссорились с отцом, требовавшим от сына слепой покорности: бросить заниматься политикой и рисованием. И то и другое, считал отец, не дело рабочего человека, ученика разметчика на заводе. Что делать, если Матвей думал иначе? Пришлось перебраться к двоюродному брату. Владимир был старше Матвея, но на жизнь оба смотрели одинаково. Это еще больше сближало их.

Поиграв во дворе с сестренками, Матвей около шести вечера отправился по Глазенаповской улице к зданию Страхового общества, где собирался комсомольский актив. Пришло человек тридцать и говорили недолго. Секретарь горкома Федя Гроза объявил, что есть директива ревкома – без его ведома никому и никуда из города не отлучаться. Всех комсомольцев и сочувствующих следовало оповестить, что с завтрашнего дня они должны начать занятия по военной подготовке. Руководить ими будет он, Гроза, и Хусид. Собираться

всем в здании Страхового общества в шесть утра.

– Кто из комсомольцев где будет работать, кто пойдет на фронт – объявим дополнительно.

Ребята зашумели.

– Поймите, товарищи! Комсомольцы нужны всюду! И на фронте, и здесь, в городе, на заводах! – закончил Гроза.

После собрания Бойченко подошел к Феде и рассказал о своем посещении губчека.

– Нелегкую задачу тебе дали, – покачал головой Гроза. – Как следует подумай. Через несколько дней на собрании обсудим твои кандидатуры.

По натиском Красной Армии 12 декабря 1919 года белые вынуждены были поспешно оставить Харьков. Через три дня из Москвы в тогдашнюю столицу Украины прибыла группа чекистов. Они были назначены на руководящую работу в украинские губернии, которые еще предстояло освободить от деникинцев.

Несколько раз подряд Валерий Михайлович Горожанин, будущий заместитель председателя ЧК Николаевщины, под разными предлогами навещал начальника Донецкой дороги. Но, судя по настроению Горожанина, безуспешно. Человек, которого он надеялся там увидеть, не появлялся.

Лишь недели через полторы Горожанин случайно встретил на перроне начальника дороги.

– Простите, ради бога, Валерий Михайлович, – всплеснул начальник руками, – но я должен удалиться по неотложному делу. Зайдите пока ко мне в кабинет. Познакомьтесь с интересным человеком – инспектором железных дорог юга Украины. То, что он расскажет, – кошмар.

Так, четыре месяца спустя, после отступления Красной Армии с Украины, Горожанин наконец смог лично встретиться со своим человеком, инженером-путейцем, долгие годы работавшим инспектором железной дороги. Отлично зная Левобережье, инженер, через специального сотрудника ЧК Клаусена передавал ценные сведения о перебросках деникинских войск, оружия и снаряжения. Но не это было главным. Через этого человека Горожанин поддерживал связь с бывшим преподавателем Академии Генерального штаба. Этот генерал по роду своей службы в штабе Главкома в должности заместителя начальника транспортного управления почти полностью знал разработку планов оперативного отдела. В коллегии Чрезвычайной комиссии генерала звали «Виктория», что, как известно, означает «Победа».

Многие генералы были слушателями Академии Генштаба и с особым уважением относились к этому старому, заслуженному преподавателю. Пошел он работать к белым после долгих уговоров самого Деникина.

Горожанин познакомился с генералом случайно. В 1919 году, к концу германской оккупации, решением зафронтового бюро ЦК КП(б) Украины Валерий Михайлович был направлен в Одессу со специальным заданием.

Горожанин навестил своего давнишнего приятеля по университету, с которым они вместе в 1911 году окончили юридический факультет. Приятель стал довольно известным присяжным поверенным и при любой власти спокойно работал в своей конторе.

– Поехали, Валерий, на дачу в Люстдорф, – предложил он. – У тестя сейчас живет кухня с мужем. Он старенький генерал, замечательный собеседник, энциклопедист, ума палата. Не пожалеешь.

Старый генерал оказался довольно крепким мужчиной и, действительно, интересным человеком.

– Не понимаю, – обратился он к Горожанину. – Кто же так делает, Валерий Михайлович? Прожить столько лет в Париже и в самую смуту плюхнуться в Россию, где каждый день меняется власть. Вот сейчас мы, батюшка, уже под германцем ходим. А то ли еще предстоит!

– Думаю, это ненадолго, – сказал Горожанин. – И не по всей России каждый день так

меняется... власть. Возьмем, к примеру, Питер, Москву... Да и вы от этой смуты не уезжаете за границу... Как некоторые...

– За границу?! Мне? Никогда! – воскликнул генерал. – Россия – моя Отчизна.

– Почему же вы, русский генерал, не защищаете Отчизну?

– А как же ее защитить? Идет братоубийственная война. Большевики – ироды. Я еле удрал от них. Все уговаривали меня пойти на службу в Красную Армию. Куда же я пойду? Я их совершенно не понимаю. И потом... я – военный преподаватель.

– Однако, я слышал... – начал было Горожанин, но старый генерал покосился на него довольно многозначительно, и Валерий Михайлович счел за лучшее промолчать о том, что еще в марте 1918 года В. И. Ленин внес предложение о реорганизации бывшей царской военной академии. И вот уже год как основана Академия Генштаба РККА.

– В белую армию я тоже не могу идти, – продолжал генерал. – С ними – значит помогать иноземцам. И вообще, батюшка, я стар и болен. Я свое отслужил. Да-с.

Прощаясь, генерал просил Горожанина заглядывать в Люстдорф. Вскоре Валерий Михайлович убедил генерала, что стоять в стороне от борьбы человеку военному нельзя. Вот тогда бывший преподаватель академии и дал согласие Деникину пойти на службу в его штаб.

...Валерий Михайлович и инженер-путеец тепло поздоровались.

Инженер, казалось, был несколько смущен встречей. Он то бледнел, то вдруг краснел до ушей, и глаза его, не мигая, сосредоточенно всматривались в лицо Горожанина.

– Как видно, новостей у вас целый ворох, – выждав, произнес Горожанин, – начинайте с более важного, по вашему мнению. Долго, как видно, нам не удастся беседовать, начальник дороги обещал скоро вернуться.

– Валерий Михайлович, – начал инженер. – Вам докладывал Юрий Карлович о моих неприятностях? Я сейчас, как говорят, слуга двух господ. На два фронта. Иного выхода у меня не было. И «Виктория» советовал дать согласие.

– Ну и правильно сделал, – успокоил его с веселой улыбкой Горожанин. – Таким образом начальник контрразведки белых полковник Астраханцев укрепил ваше положение. Сейчас вы для них честнее папы римского. Товарищ Клаусен мне все доложил. А какую информацию передавать Астраханцеву, мы с вами продумаем. Нас будет интересовать агентура, которую белые оставляют после отступления.

– Вы считаете, Валерий Михайлович...

– Уверен. Так вот – эта агентура нас и будет интересовать прежде всего.

– Но это не по профилю... Ведь...

– Знаю. Однако придется постараться. Уверен, что glavком и особенно присные его не уйдут, не хлопнув дверью. А надеясь вернуться, оставят целые группы: резидентов, агентов, диверсантов, террористов и прочую сволочь...

Тут вошел начальник Донецкой дороги, разговор перешел на другое.

2. ПО ПУТЕВКЕ КОМСОМОЛА

В феврале, вскоре после изгнания деникинцев, состоялось первое легальное собрание комсомольцев Николаева. Большой зал в помещении Страхового общества был полон. А перед зданием на улице толпились сочувствующие, так называли тогда молодежь, еще не вступившую в комсомол, но помыслами и делами бывшую вместе с комсомолом.

Первым выступил Федор Гроза.

– Товарищи! Я много говорить не буду. Времени мало. А дел у нас по горло. Вы все были вчера на митинге, когда на заводе «Наваль» выступил представитель политотдела сорок первой красной дивизии, освободившей наш город. Товарищ точно и ясно охарактеризовал политическое положение. Мировой капитализм хотел задушить нашу революцию. Но ничего у него не вышло. Провалилась австро-германская авантюра, лопнул второй поход Антанты. Этой Антанте, как сказал Владимир Ильич Ленин на седьмой Всероссийской конференции РКП(б), придется скорее убрать свои войска из России и с

Украины.

Власть Советов настолько окрепла, что никакие контрреволюционные банды – внутренние и международные – нам не страшны. Наш рабочий класс с мозолистыми руками добьется полной победы. В третий раз устанавливаем мы в городе Советскую нашу власть – и теперь уже навечно!

Но в наследство нам остались разруха, голод, тиф. Не сложила оружия внутренняя контрреволюция. Поэтому всюду нужна наша помощь, помощь комсомольцев, сочувствующих. И на этом фронте мы победим!

После здравицы в честь Красной Армии и партии коммунистов в зале прокатилось мощное «ура!».

Потом выступила Лиза Мураховская. Она недавно перенесла сыпняк, была подстрижена под машинку и выглядела очень бледной, изможденной. Громко говорить она не могла. Все напряженно прислушивались к ее слабому голосу.

– Теперь, ребята, о комсомольских делах. Первое. Мы должны провести перерегистрацию и открыть запись в комсомол для сочувствующих. Прежде всего, из рабочей молодежи. Во-вторых, имеется постановление губревкома об организации власти на местах и борьбе с контрреволюцией. Уже есть требование из губчека о направлении туда трех комсомольцев. Военком просит комсомольцев для организации охраны нашей границы. Губпродком ходатайствует о выделении пятерых. Нужна молодежь для работы в губнаробразе, политпросвете, профсовете, а главное, на селе. Будем решать, кто куда пойдет.

Из зала послышались голоса:

– А в Красную Армию? На фронт!

– И про фронт не забудем. Не беспокойтесь, – ответила Лиза. – Начнем с ЧК. Говори, Матвей, кого ты наметил.

Бойченко считался среди своих ребят старым чекистом. Они знали, что еще весной 1919 года председатель ЧК Абашидзе направил Матвея на задание, правда, не знали точно на какое, но Бойченко почти на год исчез из города. Значит, дело было нешуточное. Знали ребята и другое: в марте 1918 года Матвей сражался на баррикадах против германцев, а в октябре того же восемнадцатого, еще при оккупантах, одним из первых вступил в комсомол.

– Председатель губчека товарищ Буров требует трех наших ребят. И чтобы среди них одна была комсомолка, грамотная и умела печатать на машинке.

На лицах девушек, сидящих в зале, Матвей увидел разочарование. Девушки не задумываясь пошли бы в огонь и в воду, они умели стрелять и перевязывать раны, были среди них и грамотны, но чтоб еще и на машинке печатать... Редко кто из них и машинку -то видел.

– Я предлагаю послать на работу в ЧК Костю Решетняка из Слободки... Сашку Трояна и Валю Пройду.

– Сашку?! – раздался на весь зал удивленный голос. – Не годится! Он близорукий! Слепой! Ничего без очков не видит!

– На контру я не слепой! Контру я насквозь вижу! И вообще ты, Пашка, заткнись! – бросил Троян в сторону сомневающегося Пашки. – Не ты, Пашка, для меня судья.

– Я уверен, что Сашка Троян оправдает доверие товарищей, – громко сказал Бойченко.

– А кто эта Валя? – спросила Матвея Мураховская. – Я такой не помню.

– Валька... Валя Пройда, – оказал Матвей, – она сочувствующая.

– Но в заявке ясно сказано: направить комсомольцев, – недовольно заметила Мураховская.

– Так мы сегодня примем в комсомол, – сказал Матвей. – Она же сочувствующая. И листовки помогала расклеивать при Слащеве. И на машинке умеет печатать. Эй, хлопцы, позовите, там, на улице, Валю, – крикнул Бойченко.

К столу президиума подошла хрупкая девушка лет шестнадцати в накрахмаленной белой блузке из мадаполама и юбке из мешковины, выкрашенной луковичной шелухой словно под цвет ее огненно-рыжих волос. И лицо ее было усеяно крупными рыжими

веснушками. Она уставилась на Мураховскую широко раскрытыми светло-кариими глазами.

– Что ты вытаращилась на меня, Валя? – несколько смутилась Мураховская. – Ты сочувствующая? Хочешь в комсомол? Происхожденья ты какого?

– Какое там происхождение! Видишь – барышня, белоручка! И такую в ЧК? – раздался беспокойный голос из зала.

Резко повернувшись, Валя огрызнулась:

– Сам ты – «барышня»! – А потом, потупившись, ответила Мураховской: – Отец мой от тифа умер. Работал он на «Рассуде». Он большевиком был. Товарищи его, коммунисты, подтвердить могут. Брат, он старше меня, сейчас служит на финской границе. А мама-портниха. Перешивает людям разное старье. Я ей помогаю.

– Ты листовки расклеивала?

– Расклеивала не я. Я только их клейстером мазала. А клейстер мама варила.

Лиза Мураховская, все еще улыбаясь, сказала:

– Ну, тогда пиши заявление. Да, а где и когда ты на машинке научилась печатать?

– Мой брат чинил кому-то. А когда сделал, оказалось, что ее хозяин уехал. Машинка у нас осталась. Вот я и научилась.

– Хорошо печатаешь?

Валя засмушалась, махнула рукой:

– Где там... Но могу.

– Клопов давить! – опять послышался голос беспокойного парня из зала.

– Клопов?! А четыре странички за час не хочешь? – снова отпарировала Валя.

– Жаль тебя отпускать, – сказала Лиза. – Нам самим такая девушка нужна. Но требование есть требование... Вот напишешь, Валя, заявление, а в конце собрания мы и решим вопрос о приеме в комсомол.

И, конечно же, Валю Пройду приняли. Прямо с собрания ребята во главе с Бойченко отправились в ЧК.

Ответственный дежурный – Яков Каминский с удовлетворением остановил свой взгляд на Косте Решетняке, одетом в кавалерийскую шинель и буденовку, а вид Сашки Трояна – сутулого, очкастого, с патлами, торчащими из-под кепки, восторга у него не вызвал. На Валю он взглянул мельком, и в глазах его можно было ясно прочесть: «Барышня, как барышня...».

Почесав затылок, Яков Каминский на правах старшего товарища заметил Матвею негромко:

– М-да... А ты хорошо знаешь этих хлопцев? Работа у нас, сам знаешь, опасная. Тут и смелость нужна и чтоб язык за зубами Ты предупредил их?

– Конечно. Хлопцы – что надо. В восемнадцатом оба были в рабочих дружинах, били германцев вместе со взрослыми. – Матвей отвечал Каминскому громко, чтоб ребята слышали.

– Чего-то он такой нежный? – не унимался Каминский, указывая на Сашку. – Вроде бы хлипкий интеллигент. Учти, нам крепкие ребята нужны.

Сашка нахмурился, – сколько можно тыкать человека интеллигентом?! Но ответил сдержанно: – Я болел испанкой. Вот отойду скоро, поправлюсь. А что до интеллигента, так я, товарищ Каминский, три года в аптекарском складе пятиведерные бутылки таскал, да ящики.

– Пятиведерные? – переспросил Каминский. – Это три пуда?

– Без пяти фунтов, – заметил Сашка.

– Ну, а стул вот этот за переднюю ножку оторвешь от пола одной рукой?

Сашка подошел к стулу, оглядел его оценивающим взглядом. Мебель в особняке была тяжеловата и сработана на совесть. Стул Каминского был с довольно высокой спинкой, сиденье обшито кожей. Не какая-нибудь сосновая табуретка, поднимая которую за одну ножку, мальчишки мерились силами.

Матрос, сидевший в дальнем углу комнаты и чистивший наган, едва речь зашла об этом эксперименте, откинулся в кресле и стал внимательно следить за тем, что будет дальше.

– Вот этот стул? – переспросил Сашка, еще больше ссутулившись.

– Этот, этот, – с покровительственной насмешечкой закивал Каминский. – Да тут другого и нет. Остальные – кресла. Не видишь, что ли?

– Вижу, вижу, – сказал Троян. – Так...

Сашка вытащил из кармана фланельку, снял очки и стал протирать стекла, словно именно от их чистоты и прозрачности зависело, сумеет или не сумеет он поднять этот злополучный стул.

Троян стал на одно колено.

Тут моряк, сидевший в дальнем углу комнаты, поднялся, и, полируя ветошью ствол нагана, подошел к Сашке. Каминский подмигнул ему:

– Будь свидетелем, Касьян. Моряк с удовольствием согласился.

Сашка поудобнее взял ножку и стал медленно, как положено, а не рывком, поднимать стул.

И это ему удалось! Правда, на одну-две секунды, потом стул с грохотом опрокинулся на пол.

– Вот! – воскликнул Каминский. – Что я г-говорил!

– Нет, Яша, выиграл у тебя очкарик! – твердо сказал Касьяненко. – Ведь вы не договаривались, сколько он продержит стул. А этот Сашка – молодец!

Каминский не ожидал подобного от сослуживца, но раз он сам назначил его судьей, то спорить было бесполезно.

– Так ты, Касьян, думаешь, подойдут нам хлопцы?

Сдвинув кожаную фуражку дулом нагана с затылка на лоб, «Касьян» пожал плечами:

– Что тут скажешь? Камса как камса... Но я такую детвору к себе в оперативную группу не возьму. Мне братва нужна.

– Вот и я про то же, – воздохнул Яша, понимая, что решение зависит не от него. И он продолжил разговор уже в другой плоскости: – Как с жильем? Нужно, чтобы все жили вместе. Если понадобится, надо мигом быть здесь.

– С этим худо, – сказал Матвей. – Сашка вместе со мной ночует в комсомольском клубе. А вот Костя Решетник живет у родителей на Слободке.

Каминский выслушал короткое сообщение Матвея, затем стал рыться в столе. Наконец он нашел клочок серой оберточной бумаги, что-то написал на нем, вынул из наружного кармана гимнастерки завернутую в тряпочку печать, аккуратно ручкой смазал ее чернилами, подышал на печатку и приклепнул к бумажке.

– Вот тебе, Матвей, ордер на комнату. На Спасской улице, рядом с гостиницей «Лондонская». Найдите дворника, он вам покажет комнату на втором этаже. Он знает, там деникинские офицеры жили. Но... хлопцы, учтите, дворник – сволочь. Сейчас он, конечно, за революцию, однако членом «Союза Михаила Архангела» был. Послушай, Касьяненко, сходи ты с ребятами. Обдурить он их может.

– Кого? Матвея? Его, пожалуй, обдуришь! – усмехнулся Касьяненко. – Впрочем, ладно. Вот только председателю доложу.

Пока шел разговор, Валя Пройда стояла в сторонке и искренне завидовала мальчишкам.

Из соседней комнаты в дежурку стремительно вошел Буров. Крепко сжатые губы делали его лицо строгим. Он быстро цепким взглядом окинул каждого и каждому пожал руку.

– Твои комсомольцы, Матвей?

– Да, вот направление.

– С охотой идете к нам работать? Вечером явиться на совещание. Придут еще товарищи по путевкам горкома партии.

– Мы здесь будем. Вот только насчет комнаты смотаемся. Посмотрим, что там да как – и обратно. Полчаса – не больше, товарищ Буров.

Сказав это, Матвей повернулся к ребятам и заметил, как напряженны стали их лица, а глаза, очевидно, помимо воли уставились на невысокого худощавого человека по фамилии

Буров. Бойченко не сразу понял, в чем дело, а потом сообразил: по городу уже расползались обывательские слухи, впрочем, может, и не обывательские, просто – вражеские, что «из самой Москвы в Николаев прибыл самый страшный чекист Буров».

– Идемте, хлопцы, – сказал Матвей, обнимая ребят за плечи, – а то глаза сломаете.

Буров, очевидно, понял, в чем дело, и улыбнулся:

– До встречи, хлопцы! Устраивайтесь! – суровое лицо его мгновенно преобразилось, глаза с искринкой стали чуть хитроватыми, добрыми.

А Валентина все стояла поодаль, по-прежнему обойденная вниманием присутствующих. От обиды она раскраснелась и едва сдерживала слезы. Буров подошел к ней.

– Что, курносая, нахмурилась? Сама виновата, что в сторонке стоишь. У хлопцев локти сильнее? Так ты видом бери. Как фамилия?

– Пройда. Валя Пройда.

– И с такой фамилией позади хлопцев стоять?! – Буров, продолжая улыбаться, легонько хлопнул вконец засмущавшуюся девушку по плечу. – Давно в комсомоле? Печатать умеешь?

Покраснев до того, что в глазах проступили слезы, Валя ответила сбивчиво:

– В комсомоле? Вчера приняли...

И она рассказала, что была сочувствующей, помогала расклеивать листовки, что отец ее недавно умер от тифа, брат служит на финской границе, а мать шьет на дому, больная она.

– Валя, – серьезно спросил Буров, – твоя мама знает, что ты будешь работать у нас?

Посерьезнела, перестала смущаться и Валя, сказала просто:

– Про комсомол мама знает. Про ЧК – кет.

– Вот что. Валя, ты обязательно скажи маме, что будешь работать у нас секретарем. Поняла?

– Да, товарищ Буров.

– Обязательно скажи... Товарищ Каминский, – повернулся Буров к дежурному и распорядился: – Вызови коменданта, пусть выдаст Валентине Михайловне Пройде пшена и подсолнечного масла, что положено на трехдневный паек бойцу.

– Есть! – отчеканил Яша. Буров снова улыбнулся девушке:

– Работа у тебя, так сказать, и умственная и физическая... Да исхудала ты, Валя Пройда. Этак скоро насквозь просвечиваться будешь. Ну и обмундируем тебя. Чего в мешковине щеголять?!

К последнему замечанию Бурова Валя отнеслась довольно равнодушно:

– Сейчас все так ходят. А то еще комсомольцы «барышней» задразнят.

– Ну относительно этого с тобой Валерий Михайлович потолкует, – сказал Буров. – Значит, обо всем договорились?

– Договорились, товарищ Буров... – по-деловому ответила Валя, решив, что необязательно быть мальчишкой, чтобы с тобой разговаривали по-серьезному.

3. БУДНИ ЧК

В гостиницу «Лондонская», куда пришли Касьяненко и комсомольцы, все комнаты, кроме одной, оказались занятыми.

Красномордый бородатый верзила-дворник, приведший их посмотреть комнату, окал и разводил руками:

– Вот осталась одна комнатенка. Прошу, товарищи комиссары.

«Комнатенка» оказалась просторной, с высоким лепным потолком. Посредине на дорогом узорчатом паркете был прибит большими гвоздями ржавый лист жести, на котором стояла и пузатая «буржуйка». Жестяная труба от нее тянулась к люстре с хрустальными подвесками. Там ее колено было привязано проволокой к бронзовым украшениям люстры, и труба уходила в форточку, тоже заложенную жестянойкой.

Матвей поглядел на «буржуйку», потом на красивую изразцовую печь, выдававшуюся

из стены.

– Дров сжигает видимо-невидимо, – пояснил дворник, перехвативший взгляд Бойченко, – может, конечно, вы дровишек достанете...

Возле «буржуйки» валялись обломки резного орехового книжного шкафа, гнутые спинки и подлокотники кресел красного дерева. Рядом с окном у стены приткнулся, накренившись, словно полузатопленный корабль, большой диван без подлокотника и двух ножек. Из сиденья был вырезан порядочный клочок кожи. Рядом с печкой, соперничая с ней в белизне, стоял рояль с позолотой.

Лондонская гостиница

– А это что за фисгармонь? – опросил Касьяненко, тыкая пальцем по клавишам.

Звук рояля был красивый и сильный.

– Нет, не фисгармония это, товарищ комиссар, – солидно заметил дворник. – Рояля, извольте знать. Фисгармонии в костелах стоят. А роялю мы уберем, не извольте беспокоиться. Она из другой залы дома.

– Стол-то есть какой-никакой? Табурет, койка? – заложив руки за спину и покачиваясь с пяток на носки, поинтересовался Касьяненко.

– Стол? Табуретку? Койку? – дворник оглядел комнату, словно эти вещи могли расползтись по щелям в паркете, и развел руками. – Всю мебель большевики, что понаехали, разобрали. В другие, стало быть, помещения.

– Ладно... – мрачно констатировал Касьяненко. – Можешь идти.

Дворник, подловато улыбаясь, удалился из комнаты задом, точно боялся, что морячок проводит его пинком. Едва красномордый прикрыл дверь, Касьяненко зло сплюнул и выругался:

– Фу ты, сволочь какая! Прямо по роже видать – контра! Чистая контра! – И, чуток отойдя, добавил: – Вот что, камса, я, пожалуй, к вам переберусь. Веселее будет. А то впихнули меня в келью при кирхе, на Глазенаповской. Стены – каменные, пол – каменный, а

у меня от сырости еще на службе ревматизм завелся.

– Это здорово! – за всех ответил Матвей. Костя и Сашка топтались на паркете, больно красив был, и ходить по такому жалко, а больше всего Решетняка и Трояна смущал рояль цвета слоновой кости с позолотой.

– Можно мне пальцем в него потыкать? – спросил Сашка, обращаясь к Матвею.

– Тычь, была б охота! – ответил за него Касьяненко. – Гидре всякой можно, а нам нельзя?!

Но Троян продолжал вопросительно смотреть на Матвея.

– Попробуй, – сказал Матвей. – Только кулаком по роялю не грохай. Хоть он и принадлежал контре, а сделал его мастеровой человек и теперь он принадлежит рабочим.

– Ишь ты, – широко улыбнулся Касьяненко. – Недаром тебя дворник-контра комиссаром назвал. Ты, может, и Карла Маркса уже читал?

– Читал, – ответил Матвей. – «Капитал». Мы вместе с двоюродным братом, с Володей. Одному бы мне, пожалуй, не осилить.

– А кто это «двоюродный брат Володя?»

– Рабочий с «Наваля».

– Сейчас кто?

Троян неуклюже взмахнул длинными руками и хлопнул себя по бедрам:

– Ты что, Шицевалова не знаешь?

– Погодь, погодь... Это председатель уездчека Елизаветграда?³ ...Тогда понятно, почему ты такую книгу осилил.

– И ты осилишь, – сказал Матвей. – Скоро занятия по политучебе начнутся, вместе заниматься будем.

– Да, хлопцы, видать по всем статьям, надо мне к вам перебираться, а то кирха эта меня совсем доконает.

Касьяненко в тот же день переехал к комсомольцам. Он появился в комнате веселый, в бушлате нараспашку, держа в одной руке гитару с широченным голубым бантом, а в другой – самодельный чемоданчик из фанеры, покрашенный коричневой краской. Устроился Касьяненко на кожаном диване с прорехой. Сбежал во двор за четырьмя кирпичами, подложил их под сиденье вместо ножек и был очень доволен собой.

Решив, вероятно, сразить наповал «комсомолят», он откинул крышку полупустого фанерного чемоданчика, на внутренней стороне которой был наклеен выдранный, наверно, из какого-то журнала портрет киноактрисы Веры Холодной. Щелкнув пальцем по томному облику знаменитости, Касьяненко изрек:

– Вот это камей, стоящая вещь! Кто понимает. Только не вашего ума дело...

Потом они пошли на совещание. С докладом выступил Буров. Молчаливый Решетняк и подвижный Сашка, что называется, рты поразинули, и даже считавший себя опытным чекистом Бойченко был несколько удивлен обилием контрреволюционных выступлений в городе и уездах Николаевщины, перечисленных председателем ЧК. Активно действовали разрозненные петлюровские, махновские и просто кулацкие банды и группы. В разных волостях совершали налеты на села банды Завгородского, Колючего, Кваши, Грома, Яблочки, Кибеца, Штиля, Гриценко... Они убивали коммунистов, советских активистов, продагентов, работников милиции, ЧК, устраивали поджоги, насильничали, грабили население.

В городах контрреволюционеры действовали более скрытно. Это были формирования белых офицеров, специально оставленные в тылу Красной Армии контрразведкой второго армейского корпуса генерала Слащева, Белогвардейские агенты без разбора использовали для своих целей банды любой политической окраски, устанавливали контакты с петлюровцами, искали помощи и совершали диверсии, подготавливая почву для нового

³ ныне – Кировоград

наступления деникинцев.

Говорил Буров негромко, сдержанно – приводил тезис и подкреплял свою мысль горой фактов.

Неожиданно его прервал Каминский. Он прошел к столу Бурова и сказал ему несколько слов на ухо. Глаза Бурова сузились, он в свою очередь пошептал что-то Яше. Тот быстро ушел.

– Товарищи! В любой операции будьте внимательны, наблюдательны, бдительны. Присматривайтесь к каждой мелочи, к каждому человеку. У любого врага, каким бы безобидным он ни прикидывался, может оказаться в руках ниточка, которая приведет к раскрытию всей контрреволюционной сети деникинцев. Враг разбит, но не уничтожен. Он попытается любыми средствами подло вредить нам! – Буров перевел дыхание и более спокойно заключил:

– А теперь оперативная группа и новые товарищи, коммунисты и комсомольцы отправятся на судостроительный завод «Наваль». Тем рабочие-дружинники из охраны завода около эллинга обнаружили подозрительные ящики. Во всяком случае в одном, который они вскрыли, – динамит.

Матвей был доволен заданием, ему впервые пришлось участвовать в подобной операции. Он хотя и имел опыт чекистской работы, находясь в логове Махно, но ему больше нравилась открытая схватка с врагом, без забрала.

– Выходы с завода перекрыты? – спросил Касьяненко в проходной.

– Мышь не прошмыгнет!

– Когда обнаружили ящик с динамитом?

– Полчаса назад. Сразу позвонили вам, – ответил рабочий. – Там не один. Да таскать побоялись. Кто знает, может, там адская машина с часами. И куда девать эти ящики, не знаем.

– А если до взрыва осталась минута?

– Куда девать ящики-то? Куда?

Касьяненко длинно, со знанием дела выругался по-моряцки, задиристо, и остановился, чтобы задать следующий вопрос:

– Что ж, ящики так под открытым небом и лежали? Куда вы смотрите, охрана?!

– Не валялись, товарищ. Под хлам у стены их запрятали. Я потому и заметил. Гляжу – вся эта металлическая ветошь будто на дрожжах поднялась.

– За сколько дней?

– Не знаю. Я позавчера туда обрезки от штамповки кидал. А сегодня пришел, гляжу – они под низом. Как там очутились? Не нарочно, не без дела кто-то кучу перерывал. Позвал своих. Посмотрели, решили проверить. Вот и нашли пять ящиков.

– Пять?

– Да. Если они шибанут, то от самого нашего крупного эллинга рожки да ножки останутся...

Отряд быстро пошел к эллингу, где закладывались и строились суда. Несколько рабочих стояло поодаль, кучкой. Сразу чувствовалось, что им не по себе от соседства с динамитом.

Касьяненко спросил:

– Рабочих из эллинга вывели?

– Догадались. Из соседних цехов – тоже.

Кто-то принес фонарь. Желтое пятно света вырвало из темноты развороченную груду металлического хлама. У самой стены эллинга стояло пять светлого теса ящиков.

– Переставляли ящики? – спросил Касьяненко.

– Нет, не трогали. Только один вон, сбоку. Дощечку на крышке оторвали. И все.

– Костя! Решетняк! Давай до меня, – приказал Касьяненко и скинул бушлат, засучив рукава робы. Костя тоже скинул шинель и засучил рукава рубашки. И Касьяненко и Костя не очень хорошо знали минное дело, но иного выхода не было. Никто не думал о себе. Даже

если чекисты и рабочие отойдут на сотню-другую метров, взрыв такого количества динамита на заводе разнесет не один эллинг. Надо было разминировать склад во что бы то ни стало.

Они подошли к ящикам. Поставив на один из них фонарь, Касьяненко тщательно ощупал соседний. Затем, ловко пользуясь обрезком трубы, отодрал крышку и стал вытаскивать из него, ощупывать и осматривать кусок за куском взрывчатку, обернутую в промасленную бумагу. Тем временем Костя Решетняк принялся за другой.

Потом Бойченко увидел, что Касьяненко набросал обратно в ящик взрывчатку и, взломав крышку, стал ощупывать третий ящик, изредка вытирая пот со лба, хотя с Бугского лимана тянул пронизывающий ветер.

Наконец был выпотрошен и последний, пятый ящик.

Тогда Касьяненко сел на него, достал из кармана клочок газеты и кисет с махоркой. Но пальцы плохо слушались его.

– Эй, хлопцы, дайте самокрутку, руки, сволочи, дрожат.

К моряку подбежало несколько человек. Остальные тоже подошли поближе.

– Не успели, гады, запал подложить, – услышал Матвей голос Касьяненко. – А без детонатора – это просто труха. Тащите ящики в машину. Увезем.

– Кто же это мог сделать? – словно сам себя вслух спросил рабочий, встретивший чекистов у заводских ворот.

– У вас спросить надо! – резко ответил Касьяненко. – Хлопаете ушами. Охраняете завод – с вас и спрос. А я не цыганка, гадать не умею. Пять ящиков динамита! Это ж не зажигалку в цехе сделать. Их внести надо было! И откуда они взялись?

Смачно затягиваясь, Касьяненко говорил теперь в охотку, много. Не остановился он и тогда, когда рабочие перетаскали ящики в телегу и та отъехала подальше от кучи металлического хлама, а чекисты еще раз перебрали вою груду хлама, внимательно осматривая каждый кусок трубы, каждый подозрительный предмет, но ничего, не нашли.

История с динамитом на заводе «Наваль» наделала много шума в городе. Она лишняя раз показала рабочим, что враг не сложил оружия, что он действует, и действует расчетливо и коварно.

Для Матвея, Кости Решетняка и Саши Трояна дни и ночи словно смешались. Они редко ночевали в своей комнате. Чаще устраивались на диване или в кресле в здании губчека, потому что оперативная группа Касьяненко была не а силах справиться со всеми делами: розысками и ликвидацией складов оружия, обнаруженных в различных концах города; борьбой с анархистами, грабившими квартиры; выступлениями подпольных организаций меньшевиков и эсеров, украинских националистов. На ЧК возлагалась и борьба со спекуляцией, саботажем, распространением ложных и панических слухов, на которые обыватели были удивительно падки.

Если и выдавалась свободная минутка, то надо было провести у населения сбор белья для красноармейцев, идти на субботник по отгрузке зерна для голодающих рабочих Питера и Москвы, участвовать в заготовке дров или очистке площадей и дворов от завалов многолетнего мусора. Близились лето, и антисанитарное состояние города грозило эпидемиями.

С центрального аптекарского склада пропала шестидесятиведерная бочка со спиртом, несколько килограммов йода в кристаллах и несколько пудов перевязочных материалов. Во всем этом крайне нуждались наши раненые бойцы. Но, значит, в этом же нуждались и враги. Настораживал не только сам факт исчезновения: пропажа обнаружилась «случайно». Управляющий складом, возглавлявший его еще при деникинцах, был смещен. Новый управляющий при приеме дел обнаружил недостачу.

Буров отнесся к пропаже спирта и прочего как к обычному воровству. Но Горожанин сразу увидел в нем нечто большее. Между ним и Буровым произошел такой разговор:

– Не понимаю, что ты, Валерий Михайлович, увидел особенного в этом деле? Ну, возможно, диверсия. Могли пробить гвоздем дырку в бочке – спирт вытек. Перевязочные материалы и йод мало-помалу растащили.

– Вы, Михаил Никитич, не обратили внимания на некоторые обстоятельства. Пропал не спирт, а бочка со спиртом. Кристаллам йода на рынке не торговали и не торгуют. И еще пропала не марля, которую можно было продать, а перевязочный материал.

– Ты хочешь взяться за это дело?

– Да, Михаил Никитич.

– Но ведь народу у нас не хватает.

– Мне достаточно комсомольцев.

– Саша Троян свободен. А Матвей и Решетняк включены в группу по ликвидации банды в Богоявленске.

– Я думаю подключить к этому делу Вальо Пройду. И Александр Троян мне как раз подойдет.

– Как знаешь. – сказал Буров.

Ликвидация банды в Богоявленске была делом необходимейшим. В конце марта с несколько запоздавшей оказией губчека получила сообщение от спрятавшегося во время налета председателя сельрады⁴, что на Богоявленск наскочила необычная банда. Командовал ею, судя по записке председателя, белогвардейский подполковник. Он же должен был возглавить восстания как в самом Богоявленске, так и в Покровском, Кисляковке и в других селах. Сигнал спасшегося председателя вызвал большую тревогу. Эти села располагались в ближних тылах Красной Армии.

Бойченко уже не раз выезжал с Касьяненко на ликвидацию банд, но Решетняку моряк неизменно говорил: «Рано еще. Пообвыкни на городских делах. Потом на стрельбу пустим». Что же касается Трояна, то Касьяненко, относясь к Сашке хорошо, и слышать не хотел о зачислении «интеллигентного очкарика» в свою опергруппу. На Богоявленскую операцию Решетняка Касьяненко все же взял.

Вечером оперативная группа вместе с отрядом из чекистов батальона выехала на розыск банды, орудовавшей по левому берегу низовья Бугского лимана. Солнце еще только собиралось закатиться за Варваровку, горбом торчащую на правой стороне Буга.

К чекистам, как и было условлено, присоединился боевой отряд горкома партии. Численность банды оставалась неизвестной, а в таких случаях сил лучше иметь побольше.

Впереди на буланом боевом коне ехал сам Петр Касьяненко, Следом, в первом ряду, Матвей и Костя Решетняк. Товарищи знали, что ребята квартировали вместе с начальством, да и удаль Бойченко в схватках к тому времени была известна многим. Им в нарушение некоторых неписаных правил и разрешили следовать сразу за командиром.

Сводный отряд отправился в сторону того же хутора Водопой, где полтора месяца назад Матвей с товарищами встречал передовую часть 41-й дивизии Красной Армии. Вскоре они миновали Слободку и кладбище, осталась в стороне роща – дачное место. Хорошо прогретая за день весенним солнцем степь пахла серебристой молодой полынью, бархатно светила ковылем.

Не доезжая до железнодорожной станции, отряд свернул по дороге на юг, к хутору Широкая балка.

Едва закатилось солнце, как тут же, почти без сумерек, на землю накинута ночь. Ехали молча. Костя Решетняк был не очень разговорчивым спутником, а Касьяненко ехал несколько впереди и по всему было видно: ждал кого-то, кто вот-вот появится на белесой в лунном свете пыльной дороге.

Вдали сквозь ночную темень блеклыми звездочками проступали огоньки. Отряд подъезжал к селу Богоявленскому. И тогда от одной из скирд, стоявших в степи, отделилась темная фигура. Неимоверно длинная, распластавшаяся по стерне. Матвей не сразу догадался, что видит не самого человека, а его тень. Сам же человек в серой смушковой солдатской папахе и длинной шинели оказался маленьким, хромым с винтовкой на плече.

⁴ сельсовета

– Касьяненко? – спросил человек, подойдя к Петру. – Лозовой я. Председатель совета.

– А-а. – Касьяненко слез с лошади, пожал человеку руку. – Что тут у тебя?

Лозовой принялся негромко и быстро рассказывать. Из его сбивчивой речи Бойченко понял: банда большая, а с кулацкими сынками да подкулачниками, примкнувшими к ней, и того более.

– Вот только что свой человек пришел, – пришепetyвая говорил Лозовой. – Сказал, совещание у бандитов будет этой ночью.

– Кто соберется?

– Главари банды, местные кулаки Богоявленские, да Копаньской и Кисляковской волостей.

– Где?

– В Ефимовке, в Ефимовке. В крайней хате со стороны Кисляковки.

– Выходит... – как бы размышляя вслух, проговорил Касьяненко. – Поедем над берегом лимана. Добре. Там и овражки есть. А вдруг засада?

– Ни. Мой человек сейчас оттуда. Сведения точные. Охрана только у хаты.

– Ладно. Проверим. Ну, поехали.

– А заводных коней у вас нема? – спросил председатель.

– Имеются.

– Шестеро незаможников со мной. А коней нет. Как возьмешь со двора? Вмиг догадаются, подлюги. Они ни жинку, ни детей не милуют. А так – вроде в городе болтаемся.

Касьяненко распорядился дать крестьянам заводных лошадей и выслал вперед разведку, которую возглавил Лозовой.

Обогнули балкой Богоявленское. И тут, когда до Ефимовки оставалось версты четыре, Матвей приметил вдали всадника, наметом скакавшего по степи. Дорога здесь делала петлю, а всадник Мчался, срезая путь,

– Касьяненко! Смотри! – крикнул Бойченко.

– Давай! Перехвати! – приказал командир опергруппы.

Матвей и Костя пришпорили коней и взяли с места в карьер. Бросились наперерез. Местность была незнакомая, и они рисковала поломать лошадям ноги или сами угробиться в какой-нибудь прикрытой темнотой и обманчивым лунным светом ложбинке.

Сжав зубы, заломив кубанку, Бойченко торопил и торопил коня. Стрелять было нельзя. Плохо, если и всадник откроет пальбу. А разведка спустилась в балочку и не видит человека, который наверняка хотел предупредить бандитов и кулачье, собравшихся на совещание, о появлении чекистов.

Расстояние между всадником и чекистами сокращалось. Матвей видел надувшуюся парусом рубаху парня, который голыми пятками подгонял неоседланного и невзнузданного коня. Бойченко знаком послал Костю вперед и наперерез, а сам пустил свою лошадь прямо на всадника.

«Только бы он не стал палить! Только бы не поднял стрельбы!» – шептал Матвей. Уравнявшись со всадником на скаку, Бойченко ринулся к оскаленной лошадиной морде, заставил лошадь свернуть и лишь тогда сшибся, ухватил парня за ворот рубахи, бросил его наземь.

Подоспевший Костя Решетняк стал ловить невзнузданного коня, чтобы тот, чего доброго, без седока не отправился в Ефимовку и не поднял там тревогу. Бойченко подъехал к парню и соскочил с лошади. Подошел к тому осторожно. Оружия в руках не было. Парень тихо и злобно подвывал:

– Батя... Батя... – и вдруг вскочил, зверем кинулся на Бойченко. Подавшись вперед, Матвей двойным ударом сбил парня с ног. Тот снова упал.

К ним подъехал Касьяненко и несколько бойцов. Кто-то кинул веревку, чтобы связать парня. Тому скрутили руки, поставили на ноги.

– Зачем скакал в Ефимовку? – низким злым басом спросит Касьяненко. – В обоз его. Теперь сомнения нет – сборище у них в Ефимовке. Как пить дать.

Они присоединились к отряду и у выезда из балки встретил свою разведку.

– Дальше всем нельзя. Они охрану, поди, выставили. – Касьяненко отдал приказ окружить село и со своей оперативной группой начал скрытно подбираться к первой у дороги хате, где, как сообщил Лозовой, проходило совещание главарей банды и местного кулачья.

Вся Ефимовка была погружена в темноту. Лишь в этой хате, сквозь прикрытое рядом окно, пробивался слабый свет.

– Видишь? – тихо спросил Касьяненко, ползком подбирившийся к хате рядом с Матвеем.

– Вижу, – ответил Бойченко.

Перед хатой с винтовкой стоял часовой, в тени дерева он был едва заметен. С боков тоже прохаживались бандиты.

– Крепкая охрана. По-военному поставлена. Видать, в банде офицеры есть. Тихо снять надо. Чтоб не пикнули. Потом – я к двери, вы – к окнам. И по моему сигналу...

– Товарищ командир... – проговорил один из незаможников, – я – цюго визьму, у дороги. Вин Мараманова сын, самого богатого куркуля. К девкам в Кисляковку вместе ходили.

– Ладно, – согласился Касьяненко. – Бери этого чертова сына. Ты, Матвей, с ним пойдешь. Я с тем, что справа, управляюсь. А Костя, тот левого прищучит.

Снова поползли по-пластунски. Только лозовский незаможник, выбравшись из балочки, что была метрах в ста от часового, двинулся, пошатываясь, прямо на дорогу. Хоронясь за каждым бугром, вдыхая пряный запах весенней земли, Матвей едва поспевал за парнем. А тот шел себе и шел, метрах в десяти от часового остановился, будто только увидел, поздоровался, спросил табаку.

Часовой гмыкнул понимающе:

– Ишь как ты, Микола, нахлестався. У Параськи був? – И, приставив винтовку к дереву, полез в карман за табаком. – На, бери.

Но не договорил, боец из опергруппы приставил к затылку часового дуло карабина, прошипел:

– Пикнешь, мозги вылетят!

А Матвей тем временем закрутил снятой с бойца обмоткой рот часового. Под лапищами Касьяненко тот опал у двери. Только со стороны огорода еще слышалась возня Кости. Как он потом говорил, мужичонка попался хлюпкий, но со страху вился и бился змеей, кусался и царапался по-бабьи. Еле-еле удалось с ним справиться.

По знаку Касьяненко бывшую охрану оттащили подальше от дома. Затем он и Матвей снова подкрались к хате и заглянули в окна. Матвей увидел лишь край стола и семерых бандитов. Но в комнате их было больше. Через густую сизую пелену махорочного дыма, в свете неяркой горящей лампы трудно разглядеть лица. Все смотрели на горбоносого бритоголового человека с насупленными бровями и выдвинутой вперед нижней челюстью. Его рука короткими четкими взмахами рубила воздух: он давал наставления.

– Не деревенский, сразу видать, – прошептал Касьяненко над ухом Матвея. – Он заводила. Я на свое место, а ты тут смотри.

Командир оперативной группы подошел к низкой двери хаты и забарабанил в нее рукояткой нагана:

– Открывай! А то сам открою!

Тут же в ответ в хате грохнули выстрелы, зазвенели стекла. Свет в комнате погас.

Матвей видел, как Касьяненко своим пудовым сапогом вышиб дверь и швырнул в сенцы гранату. Раздался грохот, пламя вырвалось из дверного проема и тут же затрещало под ударами переплеты рам. Из окон, паля куда попало, выскакивали бандиты. В проем ближнего окна пытались выбраться сразу двое, Матвей выстрелил из парабеллума, но тут же почувствовал, будто саблей саданули по плечу, и согнулся от боли. Тем временем второй пролезавший в окно бандит, выкинув убитого, выпрыгнул из хаты и огромными скачками,

по-заячьи, кинулся к огороду и исчез за плетнем.

Перестрелка шла уже на задах сельских дворов. Пойманных бандитов сводили к дереву перед хатой. Их оказалось десятка два. Несколько были ранены, и санитар отряда возился с ними. Потом два бойца принесли тело убитого товарища и положили его на подъехавшую подводку. Еще одного раненого чекиста нашли в огороде.

Боль в плече у Матвея вроде прошла. Он попытался отойти от стены хаты, но закружилась голова и уже по ладони потекли теплые струйки крови, а пальцы стали липкими, и их покалывало, будто рука занемела. Подошедший Касьяненко поглядел на Бойченко. крикнул санитару. Тот чиркнул зажигалкой, спросил:

– Куда тебя?

– В плечо.

– Жалко кожанку резать, – сказал санитар. Матвей стиснул зубы: «Потерплю».

– Кость цела. А мясо заживет! – привычно балагурил санитар, обрабатывая рану. – Кость – главное. Недели через две ты этой рукой гидров будешь приглаживать не хуже прежнего.

Бойченко вместе с санитаром поехал в тачанке. Касьяненко и Костя рысью на конях – рядом.

– А тот, бритый, ушел, гад, – раздумчиво проговорил Касьяненко. – Жаль. Самая крупная рыба.

– Теперь встретимся, – не прощаясь, – сказал Матвей. – Если он – главарь, не миновать ему пути в город.

– Тоже верно, – согласился командир опергруппы.

Копыта коней мягко ступали по пыли. Серая под луной ковыльная степь была молчалива. Слева серебрились воды лимана.

4. «ГЛУХОЙ» ФАРМАЦЕВТ

Председатель губчека Буров вызвал Сашку Трояна и Валю.

Троян входил в кабинет с решением сказать Бурову такие слова: «Если очки мешают мне быть настоящим чекистом, то, наверное, Матвей ошибся, когда рекомендовал меня в ЧК».

Что касается Вали, то она посчитала этот одновременный вызов чистой случайностью.

Кроме Бурова, в кабинете находился Горожанин, как всегда в выутюженном костюме, белой сорочке и при галстук. Трудно было представить себе людей более не подходящих по внешности друг к другу.

– Садитесь, ребята, разговор есть, – кивнул им Буров и подошел к подоконнику, на котором стоял полуведерный чайник с заваркой из сушеной моркови.

Валя подалась было помочь ему, но Буров остановил ее:

– Иди, садись, курносая. Не чай подавать я тебя вызвал. Дело есть серьезное.

Услышав слова председателя, Сашка – ушки на макушке, и начисто забыл про жалостливый разговор, который собирался вести с Буровым. Непонятно было лишь, при чем здесь Валя? О чем серьезном можно говорить с Валькой, девчонкой, которую даже в казаки-разбойники играть не принимали?!

Горожанин привычно поднялся навстречу комсомольцам и вежливо пожал руки. Валя с некоторым недоумением глянула в его светлые глаза, намереваясь угадать необычную причину вызова, но увидела в них лишь приветливую лукавинку:

– Садитесь, садитесь, Валя. И вы, Саша, возьмите стул. Прихлебывая чай из кружки, Буров прошел к своему столу, сел и начал разговор:

– Так вот что, ребята. Вы знаете, с базы аптекоуправления исчезла бочка спирта, йод и перевязочные материалы. Пропажу обнаружила ревизия губздрави при назначении нового заведующего. Йод, перевязочный материал, да и спирт – вещи дефицитные. Для лечения раненых они необходимы, как хлеб. Даже больше. Ты, Саша, как раз работал на этой базе

еще до прихода Деникина. Народ там тебе известен. Сходи туда, разузнай неприметно, кто из старых работников остался. Кто новый, что за народ. Новых на базе много, говорят. А откуда они, кто их рекомендовал – неизвестно. Вот список, посмотри.

– Из старых двое осталось. Уборщица Клавдия Ивановна Ключко. Ее просто Ивановной зовут. Да старик фармацевт Исая Аронович Гольдфарб.

– Достаточно и двоих. Вот и навести их, поговори, поспрошай. Настойчивым чересчур не будь. Лучше лишний раз сходить туда, чем кого-либо спугнуть. Дело тонкое.

– Понимаю, товарищ Буров.

Шустрые глаза Вали перебегали с Сашки Трояна на Бурова, она никак не могла сообразить: зачем же понадобилась и она. Наконец, не выдержав, Валя подтянула к себе бумагу и карандаш:

– Мне записывать?

– Не надо ничего писать, – сказал Буров. – Ты пойдешь вместе с Трояном. Станешь делать, что он скажет. Будешь ждать на улице. Ты, Троян, внимательно смотри. Если кто покажется подозрительным, пусть Валя пойдет за ним. Тебе, Валя, надо запоминать адрес или адреса, куда станет заходить тот человек. Понятно?

– Понятно, товарищ председатель, – покорно ответила Валя, несколько обиженная тем, что попадает под опеку Трояна.

– Кстати, Валя, вы, пожалуйста, снимите вашу красную косынку, – заметил, мягко улыбаясь, Горожанин. – А то ведь сразу догадаются, что вы – комсомолка. Впрочем, и без косынки вам нельзя.

– Почему, Валерий Михайлович?

– Волосы у вас приметные, красивые. Подберите другую косынку, нейтрального цвета.

– Неприметную? А если мамин темный платок?

– Пожалуй, подойдет.

– Нам сразу можно идти туда? – почему-то негромко спросил Троян.

– Нужно! – шепотом ответил Горожанин. И они рассмеялись вместе с Буровым. Потом Валерий Михайлович добавил:

– Только на базе ведите себя свободно, будто затем только и пришли, чтоб провести старых знакомых. Никакой таинственности на себя не напускайте. Главное, чтоб Валу там никто не видел. Будьте осторожны.

Сашка Троян в смущении принялся протирать стекла очков.

– Я понимаю, Валерий Михайлович.

– Вот и хорошо.

Из здания ЧК на Большой Морской Сашка и Валя отправились на базу. Правда, пришлось сделать небольшой крюк: Валя зашла домой и передела платок. На Черниговской улице Сашка приказал ей погулять поблизости, а сам прошел в здание. Нигде не задерживаясь, потому что никто из «старых» грузчиков здесь не работал, Троян прошел в провизорскую – светлую комнату со столами, уставленными колбами и флаконами, фаянсовыми ступками и банками, на которых в черных, будто траурных рамках четкими буквами были обозначены по латыни названия лекарств.

Уборщицы Ивановны он не увидел, зато за столом у окна склонилась сутулая, совсем горбатая фигура Исая Ароновича в пенсне на кончике великолепного тонкого носа. Отвлеченный от дела, Гольдфарб несколько мгновений всматривался в стекла других представших перед его взором очков, затем радостно всплеснул руками. И как всегда при встрече двух бывших сослуживцев, речь зашла о том, где сейчас их старые знакомые, хороши ли новые товарищи, да и кто они, кстати.

Поводя то ли пенсне, то ли носом, Исая Аронович как бы представлял Трояну фармацевтов: раньше они работали в различных аптеках города, которые теперь оказались закрытыми.

– Разве есть чем торговать? – И Исая Аронович покачал пенсне из стороны в сторону. – Медикаментов нет! Все на самом строгом учете. О бинтах и вате даже говорить не

приходится. Где в городе найдешь хоть клочок нестиранного настоящего бинта?

– Не найдешь, – согласился Сашка.

– Конечно, не все местные. Вот барышня – беженка из Вознесенска. Хороший фармацевт, интеллигентная, милая девушка, – Гольдфарб кивнул в сторону дальнего угла, где сидела хорошенькая смуглянка.

Поправив очки, Троян принялся ее разглядывать. Брюнетка, как бы почувствовав его взгляд, приподняла длинные ресницы и посмотрела на Сашку томными с поволокой глазами.

Сашка смутился и услышал лишь конец фразы, произнесенной Исаем Ароновичем:

– ...глухой, совсем глухой.

– Кто? – переспросил Троян.

– Другой фармацевт. Солидный, положительный человек. Не пьет. Собrania все до конца отсиживает. Правда, со слуховой трубкой, глухой он. Чего он слышит, если ему в трубку по два раза приходится повторять...

«Ну, – подумал Сашка, – кому глухой пень нужен? А вот барышня, сразу видно, – интеллигенция. Гимназию, видно, окончила. Может, даже институт благородных девиц в Киеве. Оттуда только «белые» и выходят. За ней надо присмотреть».

Пообещав Исаю Ароновичу непременно заглянуть еще на базу, Троян простился. Подойдя к Вале, сказал, чтобы посмотрела, куда отправится глухой фармацевт, а сам он пойдет за «барышней».

– Как же я его узнаю? – забеспокоилась Валя.

– Узнаешь. Нос у него такой вздернутый. Похлеще, чем у тебя.

– Ну! Ты это, Сашка, брось!

– И веснушки у него тоже. И очки еще. Дешевенькие такие и за уши тесемочками прицеплены.

После окончания работы смуглянка вышла первая. Троян отправился за ней. А неказистый, курносый человек в очках на тесемочках появился позже. Он долго брел по улицам, выбирая какие побезлюдней, но Валя чутьем уловила общее направление его пути и быстро выходила ему наперерез, не мозя глаза преследованием.

Глухой фармацевт отправился не на квартиру, где проживал, а на Сухой фонтан. Там вошел в дом № 12, но пробыл недолго, сел в трамвай и поехал к Яхт-клубу. Возле него фармацевт встретился со стройным мужчиной, в манере держаться которого чувствовалась военная выправка. Они довольно долго разговаривали, прогуливаясь по верхней аллее, потом разошлись.

Валя растерялась: за кем же ей пойти? За глухим фармацевтом или посмотреть, куда направится его знакомый.

Было уже довольно поздно. Не станет же глухой гулять по городу всю ночь. Да и место жительства и работы его известны. «Пойду за этим стройным!» – решила Валя.

«Стройный» прошел к трамвайной остановке, Валя – за ним. Они проехали через весь город в сторону больницы. Выйдя из трамвая, «Стройный» отправился на 3-ю Военную улицу и вошел в дом № 6.

Погоуляв с полчаса по улице, идущей перпендикулярно к 3-й Военной, и не дождавшись появления своего подопечного, Валя вернулась в ЧК. В приемной у дежурного сидел грустный Сашка Троян.

– Ты что такой смурной? – спросила Валя.

– А... Проводил «барышню» до дома, она там и засела. У тебя что?

Валя хотела ответить, но дежурный попросил ее пройти к Горожанину, который ждал ее возвращения. Валерий Михайлович, не торопя и не перебивая, выслушал рассказ Вали и сказал:

– Прекрасно. У вас хорошая смекалка. Очень важно, что глухой фармацевт встретился с человеком, у которого военная выправка.

Тут Валя, покраснев так, что веснушки на ее лице стали выглядеть бледными пятнышками, схватила ладонями за щеку.

– Вспомнила что-то?

– Одну минуточку, Валерий Михайлович... Одну минуточку...

– Не спешите. Постарайтесь быть спокойной. Так легче вспоминается.

Открыв глаза, Валя помотала головой, словно отгоняя последние сомнения:

– Валерий Михайлович, когда фармацевт и этот стройный мужчина разговаривали в верхней аллее у Яхт-клуба... фармацевт не доставал слуховой трубки. Он разговаривал как все... как мы с вами, без всякой трубки. А Саша мне сказал, что он глух, как пень. Как же так?

Откинувшись на спинку стула, Горожанин побарабанил пальцами по столу:

– «Как же так» – спрашиваете? Значит, он не глухой. Он притворяется.

Валя недоуменно смотрела на Валерия Михайловича. Значит, притворявшийся глухим фармацевт был враг...

– Вы просто молодчина, Валя! Вы представить себе не можете, какая вы молодчина! В наши руки попала крепкая ниточка из путаного вражеского клубка!

Вернувшись домой после разговора с Горожаниным, Валя полночи проворочалась с боку на бок, припоминая поведение глухого фармацевта и человека, с которым он встретился на верхней аллее у Яхт-клуба. Ей казалось, что она не рассказала Валерию Михайловичу еще нечто важное. А утром ее захлестнули другие события. Возвратившийся с операции Костя Решетняк сказал, что Матвей Бойченко ранен в схватке с бандитами. И она и Саша Троян допытывались у Кости, опасное ли ранение и как все произошло, но Решетняк хмуро мял в руках буденовку, пожимал плечами и слова из него приходилось точно клещами тащить.

– Ну, что говорить? Сидели они в хате. Мы их окружили. Касьяненко бросил бомбу в дверь.

– Что же, дверь открыта была? – прищулив зеленые глаза, любопытствовала Валя.

– Зачем открыта? Касьяненко шибанул ее ногой, она и открылась. Ну, рвануло. Пальба поднялась. Наши палят, они палят. Пятерых бандюг наповал. Одного из наших тоже. А Матвея ранило в руку.

– Сашка, айда к Бойченко в госпиталь. Идешь? – предложила Валя.

– Не пропустят вас к нему. Точно, – сказал Решетняк.

– Тебя, Костя, с твоим умением разговаривать точно не пустят. Мы сами пойдем, без тебя.

...Солнце притекало по-весеннему, деревья одевались в зеленую листву, и даже не метенные с осени улицы с полуразрушенными домами выглядели теперь нарядными.

Морской госпиталь

– Ты, Сашка, только смелее. Будто нам положено, – просила Валя Трояна, подходя к госпиталю.

Но полнотелая санитарка, разбросав руки, заслонила вход:

– Не велено! Не пушу!

– Как не велено?

– Сам начальник госпиталя приказал: не пущать!

Видя, что сопротивление громогласной санитарки им не преодолеть, Валя скомандовала:

– Аида к начальнику!

Им оказался хрупкий щупленький старичок. Он выслушал ребят со скучающим видом:

– Не могу, дети мои. Карантин. Тиф косит, испанка не улеглась А вы сестренка Бойченко?

Вперед выступил Троян и произнес торжественно:

– Мы вместе с Матвеем в ЧК работаем.

– Вы... в ЧК? – начальник госпиталя вздернул брови, подался вперед. – Ну, что ж, дети мои, если так – на пять минут разрешаю.

В длинном узком коридоре На койках, на матрацах, положенных прямо на пол, лежали раненые. Удушливо пахло карболкой. Раненые стонали в бреду и полузабытьи; кто поздоровее перебрасывался негромкими словами, выздоравливающие гоняли «козла» в вечное домино. Ребята всматривались в лица бойцов, если их можно было разглядеть меж серых много раз стиранных бинтов, стараясь увидеть Бойченко. Но его среди них не было.

И вдруг из дальнего конца коридора раздался голос Матвея:

– Валя! Саша!

Ребята подошли к Бойченко, Валя протянула ему банку с компотом: – Держи. Мама сварила.

– Вот спасибо. – Покачав головой от предвкушения удовольствия, он взял банку здоровой рукой, и, не отрываясь, выпил, а потом стал сосредоточенно вытаскивать сливы и

редкие изюминки, очевидно, еще дореволюционного урожая.

Ребята молча наблюдали за пиршеством.

– Очень больно? – спросила Валя, когда Матвей, отставив банку, весело глянул на товарищей и погладил себя по животу.

– Да так, ерунда.

– Скоро тебя выпустят? – поинтересовался Сашка.

Тогда Матвей притянул его за шею поближе и стал нашептывать на ухо. Тут появилась грузная санитарка, и, фыркнув, словно паровоз, велела им уходить. Сашка Троян почему-то подчинился ей беспрекословно. За ним неохотно последовала и Валя. Уже на улице она спросила Сашку, чего это Матвей шептал ему на ухо.

Оглядевшись по сторонам, Троян сообщил шепотом:

– Завтра побег Матвею устроим. Он просил достать ему штаны.

– Вот здорово! Повязки я сама менять буду. Нечего ему на полу в госпитале валяться.

Ребята стали оживленно обсуждать план вызволения Матвея, но вдруг Троян остановился:

– Пошли, Валька, обратно.

– Зачем? – недоумевала Валя.

– Дело есть. Может, начальник госпиталя что-то знает о хищении на аптекарском складе. Столько раненых, а перевязочного материала и медикаментов не хватает.

Но начальник госпиталя показал им только копии одиннадцати требований на базу.

– Вот – одни бумажки. За полтора месяца этот Дахно, бывший управляющий базой, не дал госпиталю ни одного бинта, ни клочка ваты, ни склянки йода! Положение у нас критическое – сами видели. Я в отчаянии. Совсем не знаю, что он за человек, этот Дахно. Помогите получить для госпиталя перевязочный материал и медикаменты.

А тем временем Горожанин разговаривал с «Ивановной» – уборщицей аптекарского склада. Он зачитал ей выдержки из показаний арестованного Дахно. Ивановна возмутилась:

– Ах он сучий сын, – так; упредев руки в бока, она начала свои объяснения. – Ангелок какой: другие тащили, все таскали, а он, ангелочек, смотрел, как тащут? Сам, сволочь, давал рабочим спирт на продажу. Это все еще при деникинцах. Меня на базар с сахарином, смешанным с сахарной пудрой, посылал. А как наши пришли – дулю я ему в рыло сунула. И то сказать, сколько еще при белых на базар я перетаскала бинтов, да марли, да ваты, да сахарина родственничку его – не сосчитать.

– Какому родственнику? Как его зовут, Клавдия Ивановна? Фамилию этого родственника знаете? – спокойно и негромко спросил Горожанин.

– Он этому Дахно двоюродный брат. И фамилия его тоже Дахно. Андреем звать. Отчество вот не помню. В Большой Коренихе живет. Сам он на базу ни ногой. Знать, не велено.

– Клавдия Ивановна, вспомните, когда вы последний раз носили этому Андрею Дахно товар, может, и устно передавали ему какое-либо поручение, просьбу от брата?

– Это еще при деникинцах в прошлом году. Жить-то надо было. Хлеба не давали. Ребятишки голодные. Как наши пришли, управляющий, значит, приутих. Испугался, что ли? Да и рабочие со склада на фронт ушли, одно дело – у буржуев тащить, а теперь наша рабоче-крестьянская власть. Чего ж у своего брать! Точно, точно, при Деникине я последний раз брату его Андрею сахарин носила, а потом – дудки.

– Благодарю вас, Клавдия Ивановна. Вы нас извините, пожалуйста, за беспокойство. Но на работе, я вас очень прошу, никому не говорите, что мы вас вызывали.

– Понимаю. Не маленькая, – с достоинством ответила Ивановна. – Чего же мне зря языком трепать.

Горожанин проводил Клавдию Ивановну до двери, тепло простился. Его заинтересовали сведения об Андрее Дахно – двоюродном брате бывшего управляющего базой. Однако, если утечки медикаментов и перевязочных материалов на рынок за последнее время не было или она могла быть крайне незначительной, то куда же исчезло четыре

килограмма кристаллического йода? Это же восемьсот литров йодовой настойки! Пуды марли, бинтов и ваты, не говоря уже о шестидесятиведерной бочке спирта! Шестьсот литров спирта! Ведь после освобождения города на базе проходила инвентаризация.

Из сопоставления этих фактов получалось, что спирт вряд ли попал на рынок. Он, видимо, оказался нужен именно для получения настойки йода, крепкой, какой пользовались в госпиталях. Следовательно, тот, кому нужен был йод и перевязочные материалы, – не барышники, не спекулянты, а люди с дальним прицелом, предусмотрительно готовившие самое необходимое для подпольных или полевых госпиталей. А кто, кроме врагов, мог подумать о подобном в обход учреждений Советской власти?!

Вот как оно получалось.

Однако бывший управляющий базой Дахно молчит. Ему выгодно молчать. Он хочет считаться, ну, самое большое, халатным руководителем. А он – враг.

Горожанин попросил вызвать Трояна.

– Вот что, товарищ дорогой, – сказал он Сашке. – Надо поехать в Большую Корениху. Там живет Андрей Дахно, двоюродный брат бывшего управляющего базой. Узнайте о нем как можно больше, но стороной, не обращаясь в сельсовет, не будьте и настырным. Переодеться вам, конечно, придется. – Увидев на лице Трояна некоторую растерянность, Валерий Михайлович посоветовал: – Вы пойдите, подумайте, как лучше это сделать. Потом обсудим. Но выехать надо поскорее: сегодня вечером или завтра утром. Ясно? И еще, Троян. Сегодня вы, как и обещали, наведайтесь в аптекарский склад и побеседуйте с Исаем Ароновичем. И обязательно посмотрите, куда сегодня после работы пойдет «глухой» фармацевт.

Сашка Троян часа через четыре ворвался в кабинет Горожанина и доложил, что «глухой» фармацевт уволился с аптекарского склада, сказав, будто уезжает к родным в деревню. Но пока вроде и не собирается уезжать из Николаева. Он лишь переселился на другой конец города. Вот и его новый адрес.

– Благодарю вас, Троян. Мы за ним присмотрим. А вы готовьтесь серьезно и тщательно к поездке в Большую Корениху.

5. САШКИНА МИССИЯ

Удрать Матвею из госпиталя не пришлось. Горожанин поговорил по телефону с начальником, и Бойченко отпустили долечиваться в «домашних» условиях. Его устроили по-царски, на колченогом диване, а Валя Пройда приняла на себя обязанности сестры милосердия.

Она появлялась перед вечером, сразу после работы и делала перевязку. В это время и остальные обитатели квартиры бывали на местах. Касьяненко устраивался на полу, на старом матрасе. Закинув ногу за ногу и нежно прижимая к груди гитару с пышным голубым бантом, он перебирал струны, небрежно переходил от одной мелодии к другой. Получалась, как он говорил, «солянка». Решетняк использовал для лежания рояль цвета слоновой кости, постелив на него хилый матрасик. Костя устраивался на рояле в позе мадам Рекамье, какой она была изображена на знаменитой картине, и штудировал «Капитал». Городской комитет партии открыл первые партийные курсы, обязательные для всех коммунистов и актива комсомольцев. Учебников, кроме первоисточников, книг Маркса, Энгельса и Ленина, не было.

Валя почему-то задерживалась, а когда появилась, Матвей встретил ее ворчанием:

– В госпитале все делали вовремя...

Став на колени около дивана, чтобы удобнее было делать перевязку, Валя быстро затараторила:

– А ты поговори, поговори. Для него стараются, а он еще и выговаривает. Может, я задержалась потому, что бинт новый у нашего фельдшера выпрашивала.

Стараясь не смотреть на свое плечо, Матвей только постанывал когда Валя отдирала

слой марли от запекшейся раны. Но тут Валя с силой отдернула присохшую подушечку.

– Ой! – вскричал Бойченко. – Не можешь, не берись, гидра ты пятнистая!

Зыркнув на Матвея зеленым глазом, Валя рассердилась:

– Чего тебе мои веснушки дались? Неженка! О-ой! Еще чекист, комсомолец называется! Кочубей ты патлатый, вот кто.

Бросив играть, Касьяненко от души захохотал. Не остался в стороне и Костя Решетняк. Потом он сел, свесив ноги с рояля, и отложил толстый том:

– Ну как тут серьезные вещи учить? Послезавтра занятия на курсах, а вы тут лагаетесь, Касьяненко из гитары душу мотает... А тема – прибавочная стоимость! Самая сложная.

– Чего страшного? – постарался удивиться Матвей. – Пришел мастерской к хозяину-сапожнику: «Дай работы». Договорились – плата рубль в день. Проработал – получил.

– Больно много, рубль, – заметил Костя. – Если, конечно, по царским временам судить.

– Я для примера. Рабочий сшил сапоги за шесть часов. За вычетом стоимости сырья, инструмента, стоимость труда составит рубль, входящий в стоимость товара. Но мастерской до конца рабочего дня сошьет еще одни сапоги. Однако хозяин второго заработанного рубля сапожнику не отдает. Договорился – рубль в день и все. Так же платил наш завод «Наваль», предположим, за половину работы, сделанной любым рабочим. Деньги, полученные от прибавочного труда, являются прибавочной стоимостью. Ведь продаются сапоги по стоимости, будто и за вторую пару рабочему заплачено, а прибыль-то за неоплаченный труд останется у хозяина в кармане.

Гитарным аккордом Касьяненко словно подвел черту.

– Голова у тебя хорошо пришвартована. А у меня вся эта наука никак в фарватер не входит, рыскаю от банки к банке... Деньги большие – у буржуев. Деньги маленькие – у рабочих. Чтоб у буржуев больших денег не было, я беру свой «Капитал», – тут Касьяненко выразительно похлопал по деревянной коробке маузера, – уничтожаю всю эту мировую буржуазию с ее большими деньгами... Ведь при коммунизме денег не будет. Так? И никакие деньги нам не потребны. Так! Призрак бродит по Европе. И замечь, братва, призрак-то в тельняшке.

Тут спор перешел в другое русло и все зашпорило ожесточенно. Матвей волновался больше всех, пока не заметил, что в комнату тихо вошел Троян и сел на подоконник, не вступая в перепалку. Это Троян-то! Бойченко потихоньку поднялся с дивана и подошел к нему.

– Что у тебя такая задуренная физиономия? Случилось что?

Сашка рассказал о задании Горожанина.

– Знакомых у тебя в Большой Коренихе нет? – спросил Матвей.

– Нет.

– А у меня есть! – Матвей был рад помочь товарищу. – Сын дьячка, Николай. Мы с ним в вечерней художественной школе занимались. Сначала его на богомаза учили, он, в школу «Верещагина» подался. Парень хороший. В бога не верит, деникинцев не любит. Еще при немцах, а потом и при деникинцах прятались у него в доме наши ребята. И сам я три дня там отсиживался. Скажешь ему, что от меня. Родители его знают, что он со мной вместе рисованием занимался. Он для тебя все узнает. Ясно? Если понадобится что передать – пришли его. Нужный парень.

– Вот спасибо, Матвей! А то у меня, словно у Касьяненко, мысли никак в фарватер не входили.

Саша отправился в Большую Корениху в тот же вечер. Впрочем, куда он исчез, знал лишь Матвей. В комнате никто об этом и не спрашивал. Такой уж был порядок. Бойченко волновался за товарища; не напутал бы чего Сашка, не полез бы с вопросами к другим.

А утром пришел к ним дворник. Он частенько наведывался к «чека». Кресло плетеное приволок, потом табуретку. Подлаживался. И на этот раз приволок какую-то скамеечку.

– Вот тебе пока, товарищ матрос.

Обращался дворник только к Касьяненко, комсомольцев будто и не замечал.

– Спасибо... Только ведь у нас и водочки нет, чтоб угостить тебя, – сказал Касьяненко.

– Откуда она у вас, – расплылся в улыбке дворник и хитро мигнул в сторону ребят.

– Ишь ты, – засмеялся Касьяненко и, видимо, решил пойти навстречу настойчивому желанию дворника познакомиться поближе. – Как же тебя звать-то?

– Окрестили Ферапонтом. А по-уличному – Филя.

– Филя? Может, Филей за филерничество прозвали. Филерничал, поди, по долгу службы?

Дворник сокрушенно развел руками:

– Шутишь, товарищ матрос. По филеру как мне работать? Безграмотный.

– Какая тут грамота? Глаз хороший нужен.

– Хлопчика, видишь, поранило? – поинтересовался Ферапонт, поглаживая, бороду.

– Бревном придавило, – буркнул Матвей.

– В городе? Аль где? А, може, не бревном? Ай-яй-яй... Крепко тебя зацепило, раз валяешься целыми днями. Провианту, опять побольше нужно. Вы, ребятки, кожу-то с дивана остальную ободрали бы и на базар. А то и я могу подсобить. Ведь мебелью все одно стопить придется. Не годящая..

Дворнику никто не ответил, Он попятился к двери, раскланялся и ушел.

– Ну и зануда этот тип, – сказал Костя с высоты своего лежбища.

– Чистая контра. Душой чую, – озлобился Касьяненко.

– Присматривает он за нами... – заметил Бойченко.

– Я ж говорю: контра!

А Сашка Троян тем временем побывал в Большой Коренихе. Во второй половине дня он уже докладывал Горожанину о поездке. Рассказал, что по совету Матвея Бойченко связался с Николаем. Тот сообщил о родиче бывшего управляющего аптекарским складом много интересного. Числился Андрей Дахно середняком, а вообще барышник, спекулянт. Скупает у селян продукты, возит в Николаев или в Одессу на базар. Не так давно один знакомый немецкий колонист Шульц проговорился Николаю, что купил у этого Андрея Дахно шесть совершенно новеньких покрышек для своего «Индиана» – мотоцикла с коляской. А когда Николай заинтересовался и мотоциклом и покрышками, Дахно наведился к нему и, словно невзначай, сказал, что, мол, знает человека, который хочет продать мотоцикл, правда, подержанный, нуждающийся в небольшом ремонте.

– И что вы, Саша, посоветовали Николаю? – спросил Горожанин.

– Зайти к барышнику. Узнать, как обстоят дела с мотоциклом. Николай обещал. Дня через два он сам приедет в город. Матвея хотел навестить.

– Отлично, – похвалил Сашку Горожанин. – Подход к этому Дахно вы нашли, по-моему, правильный. Когда появится Николай, скажите Бойченко, чтобы он вместе с ним зашел ко мне. А пока идите, отсыпайтесь. Ночь у нас будет тревожная.

Саша отправился в столовую, где неожиданно встретил Матвея.

– Нечего разлеживаться! – объяснил свое появление здесь Бойченко.

– А Костя где? – поинтересовался Троян.

– Дома. Я потихоньку ушел. Зубрит Костя.

Но когда они вместе с Касьяненко возвратились на Спасскую, Решетняка в квартире не оказалось. Матвей глянул на диван и глазам не поверил: кожа с сиденья была срезана.

– Дворник! – воскликнул Бойченко.

– Ну, я покажу этой контре! – не выдержал и Касьяненко. Сашка кинулся было за Ферапонтом, но в дверях столкнулся со смущенным Костей Решетняком. В руках тот держал узелок из наволочки.

– Смотри, что Филя наделал! – крикнул Троян, кивая на ободранный диван,

– Это я, – потупился Костя, – Я кожу срезал...

– На базаре со спекулянтами якшаешься!

– Не-ет. Я не якшался. Я к Кочубееву букинисту пошел. Объяснил, хочу, дескать,

подкормить Матвея. Сначала старик ни в какую. Потом сходил – выменял.

– Так... – Касьяненко взял у Решетняка узелок и выложил из наволочки на рояль две буханки хлеба, большой кусок сала, лук, чеснок и три банки рыбных консервов. – Осваиваешь, значит, политическую экономию?.. И правильно сделал! – он грохнул кулаком по жалобно отозвавшемуся инструменту, и, взяв одну из банок, стал читать этикетку: – «Так... «Д» плюс «Т» равняется «Бычки в томате».

– Безобразие, – возмутился Бойченко. – А еще чекист. Комсомолец! Шкурничество это! Не стану я ничего этого есть, – и отошел к окну.

Хлеб был свежий, пахучий, а сало цвета бледной зари так аппетитно, что говорить Матвей больше не мог – слюна забила. Касьяненко снова бухнул кулаком по крышке рояля.

– Какое там шкурничество? Мебель – негодная. А Филя все одно содрал бы, черт ему в печенку! И жрать это, Кочубей, ты станешь. Ясно?

Матвей зло огрызнулся:

– Не буду один!

– Это другое дело. Отличная, братва, еда! А тебе, Матвейка, з самый раз сальца погрызть.

Вечером, когда ребята ушли на задание, Бойченко, лежа на матерчатой оранжевой подкладке дивана, думал, что спать стало даже лучше – раньше кожа холодила, а теперь спине теплее, сытый желудок охотно «поддерживал» подобную версию.

Через несколько дней с дивана исчезла стараниями того же Кости оранжевая подкладка, потом добротная парусина. Нетронутой осталась лишь последняя оболочка – мешковина, зато энергии у ребят стало хоть отбавляй.

Диван «обглодали» за неделю, а Николай, сын дьяка, из Большой Коренихи все не появлялся. Горожанин сказал Трояну, что, если тот не приедет через два-три дня, Сашке придется самому навестить его. Но Николай ворвался утром в квартиру на Спасской, вытащил из корзины большой пирог с мясом – подарок от дьячихи хворому Матвею. Обитатели комнаты отдали дань кулинарным способностям Николаевой матери с великой радостью.

Потом они с Сашкой отправились к Горожанину.

Задержал приезд Николая очередной вояж Андрея Дахно в Одессу, на базар. А потом Николай помог ему перепрятать покрышки в более надежное место – под старую копну, в тайник. За это Дахно обещал Николаю продать пару покрышек по льготной цене. Конечно, когда Николай купит мотоцикл.

– Ну и скряга же ваш благодетель, – посмеялся Валерий Михайлович. – И много у него покрышек?

– Сорок четыре.

– С шестью проданными Шульцу – пятьдесят, значит. Где же он их приобрел?

– Говорит, у какого-то дядьки. А тот подобрал их в брошенном обозе, когда еще греки бежали из Николаева.

– Что же он так встревожился теперь? Перепрятывать их вздумал. Вы не интересовались?

– Жаловался, что в городе у него родственника арестовали. Но кого именно, я не спрашивал. Неудобно.

– Резонно... Так вы, Николай, при первой же встрече поинтересуйтесь у Дахно про мотоцикл. Как до дела дойдет, свяжитесь с Трояном или Бойченко. С кем будет удобнее. Кто-либо из них к вам и заедет.

Едва за Николаем закрылась дверь, как нетерпеливый Троян предложил:

– Валерий Михайлович, вот бы нам все это и прихлопнуть!

– Не торопитесь, Саша, – сказал Горожанин.

Троян не знал, что днями Каминский доложил: «глухой» фармацевт, который и не думал уезжать из города, встретился на Варваровском мосту с человеком из Заречья, с той стороны Буга, где находится Большая Корениха и богатые немецкие колонии. Свидание

состоялось под вечер, когда мост наводнен рыболовами, и | «глухой» был тут же с удочкой. Он сидел на бревнах наплавного моста, сначала в одиночестве, потом к нему подсел мрачноватого вида человек в военной форме. По описанию он не походил на того, с кем «глухой» виделся, когда за ним присматривала Валя.

А тут еще сигнал – Андрей Дахио беспокоится о покрышках. Это уверило Горожанина в правоте его рассуждений о том, что бывший управляющий аптечным складом не может не знать о покрышках. Если же он о них знает, то подобное обстоятельство заставит его быть до конца откровенным по делу о хищении медикаментов и перевязочных материалов.

– Вызвать арестованного Дахно, – распорядился Горожанин.

– Мне идти, Валерий Михайлович? – опросил Троян.

– Нет, Саша, оставайтесь. Вы сейчас поймете, почему не надо торопиться с арестом барышника.

В комнату ввели бывшего управляющего аптечной базой Дахно. Он нервно теребил измятую шляпу, испуганно оглядывался по сторонам, будто впервые попал в этот кабинет.

– Садитесь, Дахно, сюда, поближе, – предложил Горожанин. – Надо кончать канитель. Вот вам бумага, карандаш. Пишите всю правду. Кому вы продали спирт и медикаменты?

– Что писать, начальник? Я сам удивляюсь, куда это все могло подеваться? Тут просто ошибка в описи... Часть, может, рабочие растащили.

– Рабочие, которых вы заставляли продавать спирт, ушли в Красную Армию. После установления Советской власти вы больше не поручали Ивановне продавать сахарин.

– Это вам, значит, Ивановна... Верно. Так это же было при белых. Все равно деникинцы чуть ли не каждый день брали спирт на складе. Тогда я сам по доверенности хозяина, который находился за границей, мог распоряжаться всей фирмой. А теперь... При нашей-то власти, чтобы я хоть грамм взял... – ожившее лицо Дахно с маленькими плутоватыми глазками выражало спокойствие.

– Значит, сами не брали и не хотите сказать, кто взял.

– Вот Христом богом клянусь, чтоб я на этом месте...

– Погодите, погодите, – прервал его Горожанин. – Сколько раз вы христом богом клялись? Что ж, еще раз запишем: не брали. И передадим дело в Революционный трибунал. Некогда нам с вами возиться.

– Пусть трибунал, – пожал плечами Дахно. – Все равно расстрела не будет. Говорят, Дзержинский отменил расстрел...

– Во-первых, не Дзержинский, а Советское правительство по предложению Дзержинского. Во-вторых, к нашему городу Николаеву это пока отношения не имеет. Мы находимся в прифронтовой полосе.

– Значит, могут и расстрелять? – приуныл было Дахно, но тут же выпрямился: – Против меня никаких улик. Ведь правда?

– Улик хватает, – сказал Горожанин. – Но вы сами должны честно обо всем рассказать. Конечно, если хотите выглядеть перед трибуналом полностью раскаявшимся человеком.

– Но я ничего не знаю! Что мне говорить? Я ничего не сделал...

– Можете для начала хотя бы рассказать о покрышках для мотоциклов. Где вы их достали?

– Какие покрышки?

– А те, что припрятали у Андрея в Большой Коренихе.

– Вы знаете... – задохнулся Дахно и побелел. На лбу у него проступили капельки пота.

– Товарищ Троян, налейте ему воды.

Дрожащей рукой, расстегнув ворот, Дахно медленно выпил всю кружку.

– Не могу... не могу, гражданин начальник. Писать не могу, Руки, вот, не слушаются. Вы уж, пожалуйста, сами, – и Дахно стал говорить.

В декабре, когда прошел слух, что красные освободили Харьков, в Николаеве среди белых офицеров поднялась паника. Дахно вызвали в контрразведку генерала Слащева и предложили уволить по причине неблагонадежности двух фармацевтов: пожилого мужчину

Стасенко и женщину Гринберг. Вместо них велели пока никого не принимать. Потом их арестовали. А после нового года их трупы среди других нашли у кладбища за 9-й Слободской улицей. Всего расстреляли тогда шестнадцать человек.

Вскоре Дахно опять вызвали в контрразведку и приказали принять новых фармацевтов. Но так, чтоб никто не знал, кем они посланы, – иначе расстрел. У Дахно взяли подписку о неразглашении тайны. На следующий день на базу пришла молодая, очень красивая женщина Благоволина, сказала, что беженкой из Вознесенска.

– Она и сейчас работает? – уточнил Горожанин.

– Да, – подтвердил Дахно.

Через несколько дней, перед самым отступлением белых, к Дахно пришел еще один фармацевт Красков. Интеллигентный внешне человек, тихий, послушный, но в фармацевтике мало что понимает и к тому же совершенно глухой. По просьбе этого Краснова, уже после ухода белых, Дахно несколько раз оставался вечерами, чтобы научить его обращаться с лекарствами.

– Если бы вы знали, каких трудов мне стоило все время кричать ему в трубку! Однажды Красков передал чей-то приказ: «Для дела нужен спирт, йодистый калий в кристаллах и перевязочный материал».

Красков назвал такое количество, что мне даже страшно стало, – продолжал Дахно. – Я взмолился. – «Не сделаешь, тебе капут». Так и сказал. «Подписку, мол, дал?» «Завтра, говорит, к концу работы на повозке приедет красноармеец с документами и ты все отпустишь по закону. А сторожа надо на это время сбегать куда-нибудь».

На другой день, когда все уже разошлось, приезжает на повозке красноармеец. Все чин-чином, буденовка со звездой, и дает требование санитарной части 41-й стрелковой дивизии. Тут пришел сторож, и, как всегда, под мухой. Я на него навалился, наклюкался, мол. Наливаю ему еще полстакана спирта, добавляю воды и говорю: «Бери, опохмелись, и пойдешь, сукин ты сын, выпишься хорошенько, пока я еще здесь».

Дахно снова попросил воды, медленно, блуждая глазами, выпил, и, поставив кружку, стал почему-то застегивать ворот рубахи.

– Сторож ушел. Мы с Аполлоном Васильевичем, Красковым этим, и дворником, которого он привел и который часто помогал нам при разгрузках, вкатили бочку со спиртом на подводу, уложили все прочее. Аполлон Васильевич говорит: «Бумагу давай обратно, красноармейцу, она нужна: вдруг остановят по дороге?» А я говорю: «Как же без документа?» Он ответил: «Выкрутишься, мол, как-нибудь, а бумага все равно фальшивая. Печать и штамп через картошку скопированы и потом, глянь, там в углу написано «копия». Это только для сопровождения». Мне чуть плохо не стало. Аполлон Васильевич давай меня успокаивать. «Не обидим, – говорит. – Хороший товар тебе передам, продашь, богатым будешь». И дал адрес к немцу Генриху Шульцу в немецкую колонию Карлсруэ, что по шляху на Вознесенск. «Скажи, – говорит, что ты от Аполлона Васильевича, и он тебе передаст пятьдесят новеньких покрышек для мотоцикла. При теперешних ценах это – куча золота». Подумал я, с медикаментами как-нибудь выкручусь: йод разведу пожиже и разолью в бутылки, да вот из-за внезапной ревизии не успел. Поехал за покрышками с моим родичем Андреем. А перевезти их через Варваровский мост невозможно – патрули стоят. Я и оставил их у Андрея в Большой Коренихе и попросил подыскать покупателей.

– Как фамилия дворника, который вам помогал? Где он живет? – спросил Горожанин,

– Не знаю, – ответил Дахно. – Еще при царе видел его швейцаром ресторана при Лондонской гостинице. Ну, скажите, ради бога, гражданин начальник, может, не будет мне расстрела? Я все, все сказал!

– Это дело трибунала. Там учтут.

Горожанин распорядился перевести Дахно в отдельную камеру и проследить, чтобы он ни с кем не общался.

– Валерий Михайлович, теперь будем всех брать? – спросил Сашка.

– Как это «всех»?

– Ну, «глухого», барышника и барышню эту, Благоволину. Ее ведь тоже контрразведка подослала.

– Ох, и приткие! Почему вы считаете, что это уже «все»? Подумайте, Троян, для какого дела потребовалось «глухому» и «барышне», безусловно агентам деникинской контрразведки, такое количество медикаментов? Здесь вопрос посерьезнее. Они не одни.

Их заберем, других напугаем. Тогда у нас, действительно, все провалится. И барышника сейчас не надо трогать. Никуда он не денется со своими покрывками.

На другой день около полудня в комендатуру губчека явилась очень расстроенная Ивановна, уборщица базы аптекоуправления. Не слушая никаких уговоров, она принялась шуметь:

– Мне срочно Сашка нужен! – кричала, Ивановна дежурному, – Сашку мне позови.

– Какой тебе, мамаша, Сашка нужен? – спросил у нее дежурный комендант.

– Как какой? Троян, комсомолец, что когда-то работал у нас на базе.

– Зачем он тебе? Я доложу начальнику.

– «Зачем? Зачем?» Раз говорю, значит нужен. Лопухие вы тут все! Срочное дело к нему. – И она стукнула кулаком по столу.

Она шумела, пока не прибежал Сашка.

– Успокойся, Ивановна, успокойся. В чем дело?

– Как в чем? Тебя зачем в чеку послали? Работать? А ты? Ивановна вдруг расплакалась и стала вытирать кулаком слезы.

– Барышню нашу новенькую, Варвару, убили. Смотрим, утром не пришла. А заведующему какие-то там журналы потребовались. Он и послал меня за барышней, чтобы срочно на работу явилась и ключи дала от шкафа. Бегу к ней на Привозную, стучу. Дверь никто не открывает. Стучу еще, без толку. Нажала я на дверь, а она нараспашку. Оказывается, не заперта. Вхожу, а Варвара, царство ей небесное, лежит, красавица, на кровати одетая, и не дышит. Я ее за руку, а она как есть холодная. Соседи сбежались, я говорю никому не входить, бегу, говорю, в чека. Нашелся один добрый человек, стал у двери, а я к вам – сюда.

– Пошли к начальнику! – Сашка взял для Ивановны пропуск и провел к Горожанину. Не дослушав до конца, тот приказал Трояну выехать на место происшествия.

Валерий Михайлович и Сашка прошли между расступившимися соседями и вошли в небольшую, аккуратно прибранную комнату покойной. На кровати, застеленной белым пикейным одеялом, лежала одетая и в туфлях Благоволина. Подушки на постели не оказалось, она валялась на полу. На столе, покрытом скатертью, стояла бутылка с недопитым спиртом, кружка, наполовину наполненная водой, и три стакана – два пустых, один с красным вином. Горожанин, обернув руку платком, взял один и другой пустые стаканы, понюхал. – Пахнет еще спиртом, – сказал он. – Здесь были двое, так надо полагать. Берите, товарищ Троян, мою пролетку и быстро привезите сюда начальника госпиталя.

Сашка опрометью кинулся из комнаты. Тем временем Горожанин, выйдя в коридор, стал расспрашивать людей о том, кто приходил к Благоволиной вчера вечером. Но никто ничего толком не знал. Одна соседка, правда, сказала, что вчера в одиннадцатом часу вечера какие-то постучали. Она открыла, и к Варьке пришли, вроде, двое. Через минут двадцать, а может, полчаса, они ушли.

– А какие они были на вид? – спросил Горожанин. – Как одеты, какого роста, какие приметы? Может, лица запомнили?

– Темно в коридоре, – ответила соседка. – А когда Варька открывала дверь к себе, я точно заметила, что были мужчина и женщина. Одеты обыкновенно. И лицо у каждого обыкновенное. Только мужчина был пониже чуток, а женщина повыше его, молодая, в темном платочке. Да, в темном, повязана как монашка. Это уж я точно помню.

Скоро приехал начальник госпиталя и с ним молодой хирург. Они внимательно осмотрели труп, хирург заявил:

– Шея чистая, странгуляционной борозды нет. Значит, не удушена. Отравление? – и он

понюхал стаканы, – Трудно сказать. Никаких внешних признаков, пятен на лице или на теле нет, пены у рта тоже. Да и после смерти прошло примерно часов шестнадцать-семнадцать. Причину смерти определить при вскрытии можно.

– А подушка? – спросил Горожанин. – Почему подушка валяется на полу?

– Да, подушка, вы правы, – ответил начальник госпиталя. – Может, задушили подушкой? Но тогда здесь было по крайней мере двое. Иначе соседи наверняка услышали бы шум борьбы.

– Но здесь и было два человека, если не три. – Горожанин показал на стаканы, стоявшие на столе.

6. АНОНИМКА

Под вечер Валерий Михайлович Горожанин взял пролетку и, оставив кучера, отправился в сторону железнодорожной станции Водопой. Миновав ее, он по пыльному проселку ехал некоторое время вдоль полотна железной дороги и остановился в сачке у будки путевого обходчика.

Хозяин приветливо встретил его у крыльца:

– Ждут вас, товарищ Горожанин.

– Василий Петрович, если не ошибаюсь? – протянул хозяину руку чекист.

– Так точно – Василий Петрович, – закивал хозяин. – Жена с дочкой в гости к свояченице, в Гороховку уехали. Мне на обход пора, так уж вы сами там с Кондратием Сергеевичем похозяйствуйте.

Лицо обходчика, прокаленное солнцем, изборожденное морщинами, тонуло в быстро наступающих южных сумерках.

– Спасибо, Василий Петрович. Давно меня ждут?

– Ждут-то не очень давно. С утра человек отсыпался. Здорово, видно, досталось. До свидания...

И обходчик привычным движением закинул на плечо молоток, гаечный ключ и отправился со двора. Зажженный фонарь в его руке несколько раз мигнул среди редких стволов деревьев сада и исчез на полотне дороги.

Привязав лошадь к короткой коновязи у крыльца, Горожанин прошел в темный, будто погруженный в сон, дом. Но в комнате горел свет, два окна были занавешены одеялами. У стола, на котором стоял самовар, сидел инженер-путеец. Поздоровались они спокойно и просто, будто расстались только вчера и заранее договорились о новой встрече. Не спрашивая согласия Горожанина, Кондратий Сергеевич налил тому кружку чая, заметив: «Настоящий», и пододвинул миску с медом: «свой».

– Благодарю, – сказал Горожанин и стал прихлебывать чай с большим удовольствием и сосредоточенностью, словно именно за тем сюда и приехал.

– Поздравьте Петра Николаевича, барона Врангеля с назначением на пост верховного главнокомандующего, – как бы между прочим сказал инженер-путеец.

– Ого! – усмехнулся Горожанин. – Что же это получается? То ссылка в Константинополь после тайного совещания в Ясиноватской. То исполнение всех желаний?

– Что поделаешь? – Кондратий Сергеевич был тучен и лыс. Его холодное лицо с чуть отвислыми щеками и маленькими глазками, спрятавшимися за отечными веками и кустистыми бровями, казалось маловыразительным. Но это только казалось. Легкое движение бровей или уголков губ тотчас меняло весь его облик до такой степени, что порой невольно хотелось задать самому себе вопрос: да тот ли это человек, с кем ты разговаривал минуту назад? – Что поделаешь... – повторил он. – Возможно, поспешный отъезд барона в Константинополь в феврале не являлся ни поспешным, ни бесцельным. Не исключено, что барон в Константинополе вел свою игру с представителями Антанты. Никто не может ни опровергнуть, ни подтвердить, – пока, по крайней мере, – что барон не выложил перед англичанами свои взгляды на ведение войны и свои критические замечания в адрес

Деникина. И представители Антанты, видимо, согласились с доводами барона. Иначе трудно объяснить тот факт, что 22 марта Деникин собирает в ставке высших военных начальников и объявляет им о своем бесповоротном и окончательном решении уйти в отставку. Затем Деникин обратился к собравшимся с просьбой выбрать ему крестника.

Кондратий Сергеевич сделал выразительную паузу и посмотрел на Горожанина. Тот сидел с таким видом, будто главной его заботой было чаепитие. Ему не очень нравилась манера инженера-путейца передавать разведывательные данные, но в конце концов никто, кроме Кондратия Сергеевича, не мог лучше, быстрее и безопаснее связываться с нужными людьми по ту сторону фронта, вплоть до офицеров ставки.

– Никто из военачальников не решался, а вернее, не хотел выбирать нового главкома. Ни сами не хотели брать на себя ответственность, ни на других возлагать.

– Еще бы, – усмехнулся Горожанин, – быть под Тулой и драпать с такой стремительностью, что через месяц снова оказаться у Черного моря.

– Тогда, – продолжал Кондратий Сергеевич, – взял слово сам Деникин и назвал своим преемником барона Петра Николаевича Врангеля. Врангель узнал о решении Деникина буквально тотчас и ни минуты не медля отправился на миноносце в Севастополь. Не в ставку, а в Севастополь. И уже 25 марта, на благовещение, новый главком появляется в Морском соборе. Молодой епископ Вениамин приветствует барона крайне воинственной речью: «Дерзай, вождь! Ты победишь, ибо сегодня – благовещение, что значит надежда, упованье...». И дальше в том же роде. За епископом выступили так называемые государственные и общественные деятели, бывшие сенаторы, члены Государственного совета. Они призывали к продолжению вооруженной борьбы с красными.

Затем Кондратий Сергеевич перешел к частным делам, к перестановкам внутри штаба и командования войсками. Это для Горожанина было особенно интересно и важно.

– А теперь о связях белогвардейского подполья со Слащевым, – заканчивал разговор Кондратий Сергеевич. – Разрабатывается план вторжения в междуречье Днепра и Буга, до Вознесенска. Этот район считается наиболее перспективным. Тут особенно много кулацких хозяйств и немецких колоний. И поэтому считается достаточно прорыва кораблей к Очакову, чтобы забурило и междуречье и левобережье Буга. Во всяком случае, Слащев не жалеет средств и людей для готовящегося мятежа. На Николаевщину засылаются лучшие, опытнейшие разведчики. Вы это особо учтите. Руководит всем делом какой-то молодой «полковник». Это кличка. Вот и все, что удалось о нем узнать.

– Мало, – сказал Горожанин.

– До обидного мало, Валерий Михайлович, – сокрушенно заметил Кондратий Сергеевич. – Но чувствуется, что щиплете вы их агентурную сеть крепко. Там в отделе разведки нервничают.

– Спасибо за добрую оценку, – улыбнулся Горожанин. – Вам, Кондратий Сергеевич, ничего не нужно?

– Оружие мне по штату положено, А деньги иметь подозрительно, да и кому нужны сейчас деньги?.. Купить кого-либо сейчас могут пытаться только белые, да их хозяева из Антанты. Мне предлагать кому-то золото – равносильно явиться самому в контрразведку белых. До свидания, Валерий Михайлович.

– Успехов вам, Кондратий Сергеевич. – Связь по-прежнему через Василия Петровича, хозяина этой сторожки.

Они попрощались. Горожанин вышел из дома, отвязал лошадь и, усевшись в пролетку, неторопливо поехал в город. Звезды светили ярко, но на земле ночь была темная. Валерий Михайлович отпустил вожжи, целиком доверившись лошади, и погрузился в размышления.

В районе Вознесенск – Бобринец появились хорошо вооруженные отряды атамана Тютюника. На станцию Казанка наскочила крупная банда Иванова. Помощь запоздала. Когда прибыли истребительные отряды бедноты из других сел, они застали у общего амбара изуродованные до неузнаваемости тела милиционеров и активистов. У всех были вспороты животы, выдавлены внутренности и вместо них насыпана пшеница. Такую же жуткую

картину заставляли в других селах – Братском, Живковичах, Марьяновке, Падежовке, где проходили банды Тютюника, Грома и им подобных атаманов.

Сообщение Кондратия Сергеевича лишь подкрепило уверенность Горожанина, что из Крыма всё чаще засылались офицеры корпуса Слащева. Вблизи Днепровского лимана курсировали белогвардейские корабли «Воля», «Ростаслав», «Кагул» и французская канонерская лодка «Ляоскард», с целью захватить Очаков и Херсон. Готовилось общее восстание на Николаевщине, чтобы обеспечить подходы к Одессе. Белогвардейцы явно рассчитывали с началом наступления белополяков выйти к ним на соединение и сразу захватить всю Украину.

Когда банда Тютюника ворвалась в Новый Буг и Бобринец, председатель губчека Буров вместе с губвоенкомом, мобилизованными коммунистами и комсомольцами выехали на место, чтобы помочь отрядам бедноты и прибывшим красноармейским частям. Тютюнику удалось прорваться на запад, но большая часть бандитов была уничтожена.

По всем данным, основные руководящие кадры белогвардейских мятежников базировались в Николаеве, Херсоне, Елизаветграде, Александровске. Много офицеров уже было арестовано, но Горожанин был уверен, что операция по предотвращению мятежа только разворачивалась.

В двенадцатом часу ночи Валя Пройда в коротенькой курточке, перешитой мамой из зеленого английского френча, сжимая в правом карманчике браунинг, быстро шагала по Соборной улице. Между Большой Морской и Спасской, у большого стенда, где были вывешены плакаты УКРРОСТА и громадная географическая карта военных действий с красными и белыми флажками, Валю остановили двое:

- Стой! Куда бежишь?
- Не твое дело! – огрызнулась она. – Куда надо, туда и бегу.
- Пароль! – комсомолец снял с плеча винтовку.
- «Бирзула».
- Ладно, беги.
- Как так беги? – возмутилась Валя. – Тоже мне патруль. Ты должен сказать отзыв.
- Ну, отзыв «Богодухов», – ответил комсомолец.
- Шляпа ты. – И Валя побежала, повернув на Спасскую улицу. В комнате у ребят от белеющего в темноте рояля слышался храп.
- Хлопцы! – закричала она. – Есть телеграмма от Бурова. Утром в шесть всем быть в губчека.

Хлопцы тут же повскакивали со своих лежбищ, зажгли свет. А Валя, стоя у дверей, помахала им рукой:

- Я побежала. А тебе, Кочубей, сидеть дома. Так приказал Каминский. В обед забегу перевязку делать.

Но Костя, Сашка и с ними, конечно, Матвей совсем не собирались торчать ночью дома. Они тут же отправились в ЧК.

Каминский кричал в телефонную трубку, передавая телефонограмму, и делал ребятам страшные глаза. Наконец он закончил разговор и набросился на пришедших:

- Чего вас принесло? Я же сказал, в шесть утра. А ты что, Матвей? Я же просил тебя не вызывать. – Успокоившись немного, он выяснил, как у Матвея рука.

- Почти зажила, – бойко ответил тот, – И потом, какое это имеет значение: рука-то левая.

Снова задребезжал телефон.

- Укладывайтесь и дрыхните тут до утра. – Каминский махнул ребятам рукой и взялся за трубку.

Комсомольцы приткнулись в углу на полу и уснули.

На улице светало, когда они проснулись. Из распахнутого окна тянуло приятным, немного приторным запахом белой акации. Отчетливо раздавались шаги прохожих, спешивших на утреннюю смену. Лошадь, цокая подковами по мостовой, тащила водовозку.

После шести на тротуаре застучали деревянные сандалии Вали. Открыв дверь и заметив Матвея, она набросилась на него.

– Ты чего пришел?

– Цыц, – оборвал ее Каминский. – А тебя почему в такую рань принесло? – и кивнул головой в сторону кабинета, дав понять, что Буров здесь.

Валя на цыпочках подошла к дежурному, взяла кипу почты, села за столик и ножницами стала вскрывать пакеты, откладывая те, что требовали вмешательства Букова.

Подойдя к ее столу, Матвей стал напротив, внимательно разглядывая лицо Вали и вслух считая веснушки.

– Девять, десять, одиннадцать, а вот двенадцатая. Дюжина!

– Отстань, Кочубей! Не мешай работать.

Вдруг Матвей заметил, что у Вали округлились глаза, а брови медленно поползли вверх. Она перевернула бумагу и стала снова перечитывать.

В это время с полотенцем в руках из кабинета вышел Буров.

– В чем дело? – спросил он.

– Есть сообщение, товарищ Буров, что в подвале у Цукермана, бывшего хозяина ювелирной на Соборной, спрятано много золота и бриллиантов.

– Чистая анонимка, товарищ Буров, – высказался подошедший Каминский. – Каждый день такие получаем. А вы знаете, сколько деловых сообщений из волисполкомов, из уездчека? Посылать надо помощь в Новый Буг, в Гурьевск, Снегиревку. Где я людей возьму?

Буров потер полотенцем затылок и присел на краешек стола:

– А вдруг действительно этот Цукерман спрятал свое золото? Оно нам ой как сейчас пригодится. Может, Матвея послать, пусть глянет... И Троян с ним. Касьяненко скоро вернется со своей группой. Отдохнут немного и можно их будет опять командировать, Они и Решетника с собой прихватят.

– И я пойду с ними, товарищ Буров, – попросилась Валя.

– Что там девченкам делать? – возразил Матвей.

– Нет, почему же? Пусть идет. Это ей пригодится. Не вечно же ей в канцелярии с бумагами, – ответил Буров. – Только без товарища Горожанина не начинайте. Продумайте с ним операцию. Это дело серьезное.

Горожанин сам решил посмотреть, где расположен бывший ювелирный магазин Цукермана. Рядом с ним шел Матвей и рассказывал, какую редкую книгу о византийском искусстве достал ему букинист. В ста метрах от них следовали Костя и Сашка, который по привычке ежеминутно протирал очки; за ними шла Валя, конечно, на этот раз без красной косынки. Она навсегда запомнила указание Валерия Михайловича.

Магазин находился на Соборной улице, некогда самом бойком торговом центре. Узкая дверь и низкие широкие окна витрин наглухо закрывали железные гофрированные шторы. Внизу на каждой шторе висело по тяжелому замку. Под окнами-витринами в тротуары были вцементированы узкие, чугунные решетки с прямоугольными, толстыми стеклами,

Рядом с ювелирным располагался магазин с такими же шторами. В нем помещалась оптовая продовольственная база губпродкома. База была крайней в квартале и выходила на Потемкинскую улицу.

Заглянув за угол, Горожанин и Матвей вернулись на Соборную.

Как и у ювелирного магазина, под окном базы была вделана чугунная решетка со стеклами, а у другого окна находился люк с дверцами, расширенный почти до проезжей части. Оттуда грузчики выкатывали бочки с подсолнечным маслом и грузили их на подводы.

Не долго думая, Горожанин и Бойченко прошли в контору базы. Валерий Михайлович поздоровался со своим знакомым – одноруким заведующим базой, старым коммунистом, инвалидом империалистической войны.

– Вы не скажете, магазин по соседству с вами действует?

– Да, – кивнул инвалид. – Только там торгуют не ювелирными изделиями, как было у Цукермана, а лимонадом и папиросами, гильзами. Если у вас есть табак, можете оставить, и

через полчаса будете иметь пару папирос.

– Частная лавочка?

– Нет, товарищ Горожанин. Это я выхлопотал. Еще в прошлом году кулаки вилами заporоли на продразверстке моего старого друга – коммуниста. Осталась жена его, Анна Ивановна, с четырьмя детишками. С голоду помирали. Я рассказал о ней в горкоме и ей разрешили временно занять этот магазин под продажу лимонада. Она получает сахарин и кислоту. Дома готовит лимонад и продает. Ей идет определенный процент. Потом, по моей просьбе, ей разрешили продавать и гильзы. Табака нет, папиросная фабрика закрыта, а гильз хоть пруд пруди.

– А подвал там тоже такой, как здесь? – опросил Горожанин.

– Не знаю. По-моему, у нее и подсобки нет. Там одна комната и вся шкапами заставлена. Анна Ивановна скоро придет, можно посмотреть.

– Но вы, пожалуйста, не говорите, что мы интересуемся магазином.

– Что за вопрос! Раз вы пришли, значит, ЧК интересуется – и молчок.

Горожанин велел Сашке сходить в исполком и навести справки по архивам, когда Цукерман приобрел магазин, где он жил в городе до революции и кто из его родственников остался в Николаеве. Сам Цукерман, как известно, еще при отступлении гетманцев перебрался в Париж.

– Так я, Валерий Михайлович, лучше сбегая к дворнику, – предложил Сашка, – быстрее будет.

– К дворнику нельзя, – возразил Горожанин. – Если это старый дворник, то, конечно, сотрудничал с полицией. Если же это дворник новый, то он ровным счетом ничего не знает. Откроют магазин, проверьте все как следует, – распорядился Горожанин, – потом доложите мне подробно.

Вскоре к бывшему магазину Цукермана подошла изможденная женщина с ведрами в руках. Она достала из кошелька ключи и большую старую отвертку, сняла замки, потом, поддев отверткой снизу железную штору двери, попыталась ее приподнять.

– Давайте мы вам поможем, – сказала подросевшая Валя. Костя, взявшись за ушко шторы, легко поднял ее вверх. Они вошли в магазин.

– Я вас, ребятки, лимонадом угощу. Еще холодный, прямо из погреба.

– Нет, спасибо, мамаша. Мы недавно чаю напились.

– А что здесь было раньше? – спросил Матвей.

– Здесь буржуй торговал всякими золотыми вещичками.

Тогда Матвей сказал Анне Ивановне, что они из губчека и их интересует подвал помещения.

– Никакого подвала нет. За месяц, что я здесь, я все выскребла, перемыла все углы и никакого люка в подвал не видела.

Ребята стали внимательно осматривать помещение. Три стены комнаты были заставлены красивыми черными шкапами с очень узкими полочками, оклеенными черным бархатом. Вернее, это был один сплошной шкаф, пристроенный к стенам магазина. Перед шкапами стояли узкие низкие прилавки с витринами, тоже застекленными, низ их покрывал такой же черный бархат.

Несколько раз простукав пол, задние стенки шкафа, Матвей и Костя пытались отодвинуть каждое отделение шкафа, но ничего не вышло.

– Странно, – сказал Матвей, – рядом на базе есть подвал и подсобка, а здесь ни подвала, ни подсобки.

– Вместо подсобки, со двора есть маленькая комната. В ней дворник живет, – сказала Анна Ивановна.

– Может, оттуда есть вход в подвал?

– Нет. Та комната, что со двора, на твердом грунте, как и подсобка базы. А подвал базы, я туда спускалась, когда искала заведующего, по-моему, точно такой же величины, как и помещение сверху, но без подсобки.

– А почему же впереди ваших окон чугунные решетки? – спросил Матвей.

– Здесь по Соборной улице под всеми витринами, есть ли подвал, нет ли, все равно вделаны решетки. Фасон такой и приказ был градоначальника. Ну зачем подвал ювелирному магазину? Недалеко тут кондитерская была, там тоже нет подвала. Убиралась я там.

Матвей снова зашел в соседний магазин к безрукому и убедился, что подсобка стоит на твердом грунте и из нее ведет заколоченная дверь в комнату дворника. Потом Матвей спустился с безруким в подвал, осмотрел его. Подвал был глубокий – метра четыре, а то и пять, вместительный, пол выстлан каменными плитами, как тротуары города, только плиты не квадратные, а разной формы и величины. У стены, в сторону Потемкинской улицы, стояли бочки в ряд, а к стене Цукермановского магазина, справа, высокими штабелями лежали мешки. К одному штабелю была прислонена узкая железная лесенка метра два с половиной.

– Может, за этими мешками есть ход в тот подвал? – спросил Матвей.

– Вряд, ли, – ответил безрукий. – Зайди после четырех. Базу закроем, тогда и глянем повнимательней. Но сколько перетаскивать придется! Это на всю ночь. Не знаю, захотят ли рабочие.

– Не надо рабочих.

Мимо них прошел счетовод, глянул на Матвея, спросил:

– Что, из губпродкома?

– Да, – ответил за него безрукий. – Вот пригласил посоветоваться, как нам избавиться от крыс. Просто сил нет. Все нижние мешки в дырах.

– Правильно, – ответил счетовод. – Давно бы так.

Всем рабочим продовольственной базы было объявлено, что в два часа начинается дезинфекция. Узнав об этом, соседи и дворник пришли выяснить, не могут ли крысы перебраться к ним, если их начнут травить. Костя их успокоил, обещав на следующий день провести дезинфекцию и у них.

Горожанин одобрил их план и предложил Сашке Трояну сходить к начальнику госпиталя и попросить на один день аппарат для обычной дезинфекции.

Базу закрыли, и ребята, в основном Костя и Сашка, стали перекладывать мешки с пшеницей, чтобы освободить проход к стене. Потом у основания стены они сняли несколько плит и ломом начали ковырять стену. Бут здесь был уложен на крепком растворе и оторвать каждый камень стоило больших трудов. Хорошо еще, что стена стояла не на фундаменте и, подкопав немного, можно было вывернуть нижний камень, а там уже пошло легче. Через несколько часов тяжелой изнурительной работы лом проскочил вверх, посыпалась земля, показался тусклый свет.

– Подвал! – отплеываясь известкой, ахнул Сашка Троян. – Есть подвал у Цукермановского магазина!

Лаз оказался таким узким, что Костя не мог протиснуть в него плечи. Только Матвей, шипя от боли в раненой руке, пролез в соседнее помещение.

Еще не темнело и в подвал через чугунные застекленные решетки проникало немного света. Заведующий базой просунул в отверстие зажженную шахтерскую лампу «Летучая мышь».

Пока Костя и Сашка расширяли отверстие, чтобы и они могли пробраться, Матвей осматривал подвал. Он был такой же высоты, как и подвал базы, но короче метра на два. Пол так же выложен каменными плитами разной величины, но стены и потолок тщательно оштукатурены и побелены известкой. На неровностях стен осела густая пыль. Пыль покрывала и пол. Высоко на стене со стороны улицы, под самым потолком виднелись два проема, скошенные книзу и прикрытые чугунными решетками, – такими же, какие они видели под окнами на улице. Матвей тщательно ощупал стены. Нигде никаких следов выхода. Он стал поднимать «Летучую мышь» выше и заметил, что на стене, противоположной той, что выходит на улицу, на высоте двух – двух с половиной метров еле приметна трещинка буквой «Г».

– Сашка, тащи лесенку! И что еще там есть – лом, гвоздодер. Хорошо бы большую отвертку.

Расширив проем, Костя втащил лесенку и инструменты. Матвей поставил лесенку и отверткой расчистил трещины. Они оказались довольно широкими. В стене стала ясно видна заделанная дверца, шириной не более сорока сантиметров и высотой в метр.

– Слазь, Матвей. Давай я попробую, – предложил Костя.

Он взял гвоздодер и отвертку и попытался открыть дверцу, но та не поддавалась. Тогда он попросил лом и, поддев дверцу снизу, нажал. Раздался протяжный скрип. Костя подsunул лом повыше, еще нажал, дверца со скрипом отошла от стены. Она оказалась прибитой самодельными конусообразными гвоздями, уже совершенно проржавевшими.

За дверкой была ниша, куда полез Костя, за ним Матвей. Они оказались в крохотной, чисто выбеленной комнатке, справа от нее была еще такая же комнатка с открытой двойной стальной дверью, как у сейфа. Справа и слева там были устроены полки, на которых стояли ящики с позеленевшими серебряными ложками и вилками. Наверху выстроились несколько серебряных самоваров самой причудливой формы. Тут лежали и связанные шелковые подушки, а в углу находился ящик из-под гвоздей, наполненный доверху позеленевшими медными пятакми.

– Вот те на... – разочарованно протянул Костя. – А где же золото и бриллианты?

– Давайте искать ход в магазин, – сказал Матвей.

Они вышли из кладовой и против открытой двери встроенного сейфа увидели маленькую винтовую лестницу. Матвей поднялся по ней и уперся рукой в деревянную доску. Он нажал ее. Раздался еле слышный звон бутылок. Он нажал крепче, бутылки задребезжали сильнее.

– Это шкаф в магазине, – обрадовался Матвей. – Беги, Сашка, туда, там Валька, вытаскивайте из шкафа бутылки с лимонадом.

В магазине Валя беседовала с Анной Ивановной. Сашка передал указания Матвея, и они стали вынимать бутылки из всех трех отделений шкафа. Саша стал стучать по доньшку каждого шкафа, и вдруг из-под приподнявшейся доски показалась рука Матвея. Он хотел просунуть голову, но это не удалось.

– Какой же это ход, когда даже голова не пролезает? – сказал Матвей. – Планки мешают.

Костя выбил большие шурупы, которыми были привинчены две толстые рейки, на них и держалась полка в магазине.

– Но где же золото? – спросила Валя. Она, да и остальные ребята, обнаружив подвал и тайник, уже во всем доверяли анонимному письму.

Доложить обстановку Горожанину и принести ребятам поесть отправились Валя и Саша.

– Интересно, – протянул Горожанин, – а ятам пролезу?

– Конечно, – поспешила успокоить его Валя.

– Что там ребята делают сейчас? – спросил Горожанин.

– Они полезли дыру закладывать, – ответил Сашка. – Заведующий базой сказал, чтобы немного заделали и уложили мешки.

– Ладно. Пойдете в столовку, поужинайте, – сказал Горожанин. – Скажите, что я распорядился выдать для Бойченко и Решетняка продукты из «НЗ». – Но вы, Троян, умойтесь хорошенько, в таком виде нельзя показываться на улице. Вы говорите, дверца была забита изнутри, со стороны подвала? Странная история. А как же оттуда люди выбирались, если другого хода нет? Поешьте и зайдите за мной. Я сам посмотрю, что там такое.

7. КАТАКОМБЫ

Прежде чем пройти в ювелирный магазин, Горожанин наведлся к заведующему продовольственной базой. Он попросил безрукого на всякий случай не уходить домой.

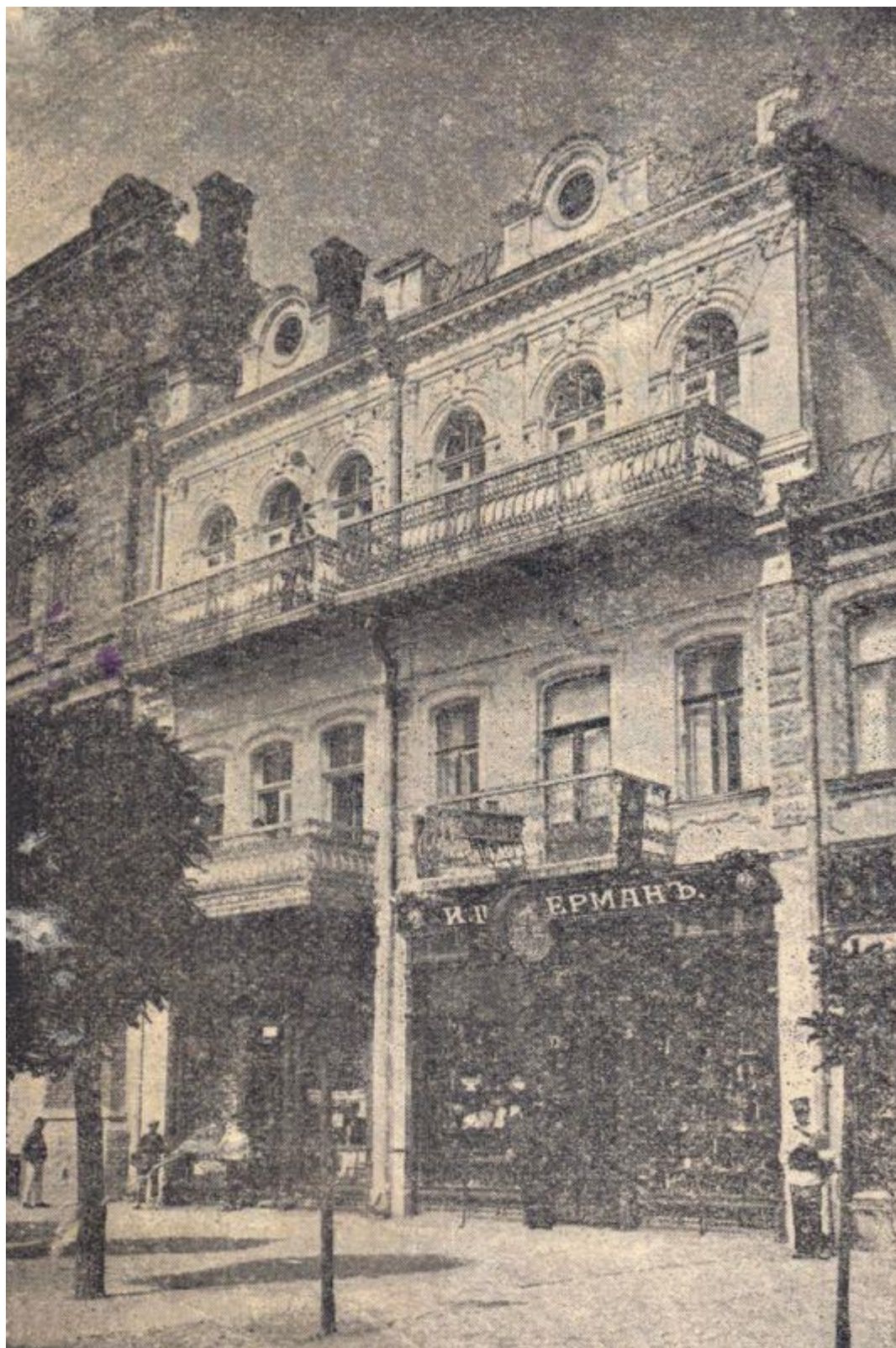
– Может быть, понадобится ваша помощь, – сказал Валерий Михайлович.
– Я могу хоть заночевать тут, – ответил завбазой. – Только вот сбегаю поем.
– Мои ребята что-нибудь принесут на ужин. Лучше лишний раз не возиться с замками.
Не хочется привлекать внимание жильцов дома.

– Верно, – согласился тот.

Когда Горожанин и Валя вошли в помещение бывшего ювелирного магазина, там толпились покупатели и требовали лимонада.

– Товарищи, – умоляла Анна Ивановна, – лимонад кончился. Магазин закрыт. Комендантский час скоро.

Недовольно ворча, покупатели ушли. Сашка помог продавщице закрыть шторы на окнах, потом сбежал к заведующему продовольственной базой и передал ему бутерброды с повидлом. На обратном пути он закрыл дверную штору изнутри, предварительно повесив на ушко шторы замок, чтобы видно было, будто магазин закрыт.

Магазин Цукермана

Валя зажгла фонарь, каким пользовались на железной дороге. Его слабый свет придал магазину с черными полками таинственный вид. Горожанин стал спускаться за Сашкой в подвал. Ему стоило больших усилий протиснуться в узкое отверстие на доньшке шкафа. Увидев Костю и Матвея, он невольно улыбнулся:

– Извините меня, товарищи, но вы оба на чертей стали похожи.

– С вами будет то же самое, – весело ответил Матвей. – Там, внизу, в подвале, лежит

столетняя пыль. Прямо жуть.

В подвале Горожанин беспрерывно чихал, стал при свете фонаря дотошно разглядывать каждый камень на полу, замазанные штукатуркой стены.

– Мы уже все простукали. Нет другого хода, – сказал Матвей. – А он должен быть, Валерий Михайлович. Иначе как можно изнутри подвала забить дверцу комнаты под магазином? Вот мы с Костей тут к крысиной норе присмотрелись. Следы идут от стен базы к наружной стене. Значит, здесь у них постоянная нора, куда они тащат еду. Тут бы и снять пару плит.

– Мысль правильная. Давайте попробуем, поднимем вот эту, у наружной стены. Она похуже других. С ней легче справиться.

Подняли узкую, плиту, и еще две – в разных местах. Но под ними кроме плотной глины ничего не было. Костя стал наугад ковырять ломом глину и у края одной из плит показался булыжник. Поддев его ломом, Костя и Сашка поднажали и вывернули камень.

Он оказался широким и плоским. Под ним открылся глубокий колодец, аккуратно выложенный бутом, но он был очень узок. В него с трудом мог протиснуться человек.

Горожанин опустил фонарь в колодец. Тусклый свет еще освещал отдельные камни. По сторонам колодца оказались вделаны железные скобы.

– Я спущусь, – сказал Матвей. – Давайте мне фонарь и лесенку железную.

– А может, там так глубоко, что несколько таких лесенок понадобится, – возразил Горожанин. – Так с бухты-барахты нельзя. Надо определить глубину. Свечи нужны, электрические фонарики. Товарищ Троян, поднимитесь в магазин и попросите Валю сбегать к Каминскому. Пусть возьмет свечи и фонарики с запасными батарейками. И скажет, чтоб усилили патрули в этом районе. А канат и бечевку попросите, пожалуйста, у заведующего базой.

Решетняк вернулся минут через десять. Скинул с себя тяжелый канат и, привязав для отвеса гирию к шпагату, стал спускать ее в колодец. Когда шпагат ослаб и чувствовалось, что отвес достиг дна, Костя завязал на шпагате узелок и вытащил гирию.

– Давай, Матвей, отмерь мой рост. У меня сто семьдесят. Сложив шпагат, мы узнаем глубину.

Оказалось, что до дна колодца около девяти метров.

– Я первый, – вызвался Матвей.

Привязав канат к верхней скобе колодца, Матвей с фонарем на шее медленно начал спуск. За Матвеем с трудом протиснулся вниз Решетник с «Летучей мышью».

– Ну, чего тут? – спросил Костя, держась за скобу. Стать на дно колодца он не мог – не хватало места.

– Вот здесь вроде ход, – Матвей посветил фонариком.

Среди вмурованных сбоку камней один довольно широкий неплотно прилегал к соседним. Взяв у Кости гвоздодер, Матвей попытался здоровой рукой сдвинуть камень, но ничего не получилось.

– Давай я попробую, – сказал Решетняк. – Ты спустись на самое дно, приляг, а я хоть одну ногу поставлю.

Опершись спиной о стену колодца, Костя что было сил нажал на камень. Тот вроде подался.

– Ага! – обрадовался Решетняк, – пошел! – И переместился чуток правее. Снова нажал. И камень со скрипом стал подаваться внутрь. Потом каменная плита на толстых шарнирах развернулась. Открылся боковой ход. Из черной пасти подземелья потянуло холодом и плесенью.

– Есть ход! – обрадовался Бойченко. – Катакомба или ниша глубокая. И там – клад. Конечно! Так и бывает! Ты, Костя, давай наверх, доложи Валерию Михайловичу и захвати большой моток шпагата. Может, нам далеко идти придется.

Пока Костя лазил наверх, Матвей попытался разглядеть подземелье, но свет фонарика лишь метался по тоннелю. Бойченко не терпелось двинуться вперед, но он знал, что

Горожанин вольностей не любит и за действия без приказа может отстранить от операции. Наконец, Костя вернулся:

– Горожанин сказал: «долго внизу не находиться», Конец бечевки он оставил у себя, чтоб мы могли, если надо, тревогу поднять. Велел проверить оружие, беречь свечи и батарейки в фонарях. Пека можно, пользоваться керосиновыми лампами.

Неожиданно вниз спустился Саша Троян.

– Ты зачем? – удивился Матвей.

– Горожанин послал. Мало ли что.

По прямой подземной галерее, вырытой в твердой глине, Матвей полз с фонарем. За ним Костя с «Летучей мышью», а следом, ориентируясь на свет, Сашка. Некоторое время они двигались, не разговаривая. Тьма за светлыми пятнами от фонарей была тугой и плотной. Дышать было трудно, спертый воздух душил.

Отстав от Бойченко, Костя посветил на пол и чуть не вскрикнул. По глиняной осыпи вилял тонкий след. Косте показалось, что он такой же, какой он однажды видел в балке, на песке. Тогда они с ребятами пошли по нему и догнали огромную гадюку, с которой едва справились.

Дрожь пробежала по спине. Воображение ясно рисовало больших страшных змей, каких он недавно видел в иллюстрированной истрепанной книге «Ад» Данте, которую читал Матвей. Змеи набрасывались на голых, людей, обвивали тела и втягивали их в чудовищный кишасый клубок. Костя глянул в сторону: прямо из глины на него глядела, гипнотизируя немигающими глазами, огромная змея. Он отвел взгляд в сторону, но и оттуда на него стала напирать еще одна отвратительная гадина. Он зажмурил на мгновение глаза и все исчезло.

«Вот чертовщина в голову лезет», – подумал он.

– Ты чего? – накинулся на него Сашка. – Нам нельзя отрываться от Матвея. Мало ли что может случиться

– Глянь-ка сюда. Змеиные следы. А вот еще!

– Какие там следы? Так глубоко их под землей не бывает.

– Ты посмотри, Саш... Настоящие змеиные следы.

– По мне хоть чертячи. Ничего не вижу. Очки запотели.

– Что случилось? – крикнул Матвей из глубины катакомбы. Голос его прозвучал глухо и тревожно.

– Следы змеиные...

Показалось, что Бойченко долго не отвечал.

– Ерунда, никаких змей тут быть не может, – услышался наконец голос Матвея.

– Хватит с вашими змеями, – почему-то рассердился Костя и подумал: «Германцев били, бандитов бьем, а тут что-то мерещится. Герои тоже мне...»

Решетняк в ту минуту забыл, что змеи «привиделись» ему, он поспешил к Бойченко.

Через несколько метров они увидели с правой стороны чернеющий вход в другую катакомбу. Ребята остановились, решая, куда идти. Из боковой катакомбы вроде тянуло свежим воздухом, дышать стало легче.

– Пошли вперед, разведаем, а потом посмотрим, как дальше быть, – предложил Матвей.

Костя воткнул у поворота гвоздодер, привязал к нему шпагат, и они двинулись. Метров через двести Матвей увидел впереди два ярких светлячка, потом еще два. Он пошевелил фонарем, светлячки исчезли.

– Крысы гуляют, – шепотом объяснил Костя. – У них здесь ход к норам. Может, там детвора появилась?

– Терпеть не могу крыс. И мышей тоже, – прошипел Матвей, его всего передернуло.

– У Махно, наверное, страшнее что видел, – заметил Сашка,

– Видел, но к крысам испытываю отвращение, – сказал Матвей.

– А вон одноглазая, – осветил Костя что-то сверкнувшее во тьме,

Матвей подался вперед:

– Это не крыса, а какой-то камешек блестит. Подобрался к нему поближе, Бойченко

осветил камешек, и тот заиграл голубоватыми лучами. Матвей поставил фонарь, взял камешек и поднес его к свету.

– Хлопцы, гляньте, серьга! И как будто с бриллиантами. Ура, хлопцы! Здесь клад!

Толкаясь, мешая друг другу, ребята поползли вперед. Через полтора-два метра они наткнулись на три позеленевшие медные кастрюли с плотно закрытыми крышками. Кастрюли были одинаковой величины, прямые, ведра по полтора каждая. У одной кастрюли крышка прилегала неплотно. Из щели торчало тряпье, войлок, изгрызенный крысами.

– Отойдите назад и пошарьте хорошенько внизу. Не валяется ли там еще что-нибудь, – сказал Матвей.

Но они больше ничего не нашли. Тогда Костя Решетняк поставил одну кастрюлю на стянутую с себя гимнастерку, чтобы ее легче было двигать за собой по катакомбе. Матвей подталкивал кастрюлю сзади одной рукой, а в раненой зажал драгоценную серьгу. Первым поднялся из колодца Сашка и закричал:

– Валерий Михайлович! Там клад! Там, у Матвея!. Какой-то бриллиант! И кастрюля... А всего целых три кастрюли! С золотом!

– Ну, молодцы, комсомольцы! – обрадовался Горожанин. Вскоре в подвал выбрались и остальные кладоискатели, усталые, перемазанные пылью и грязью.

По бокам кастрюли поставили фонари и свечи. Ребята присели на корточки и начали осторожно перебирать содержимое. Тряпки и войлок отложили в сторонку, а ценности выкладывали на разостланную гимнастерку. Потом Горожанин и Валя стали сортировать драгоценности, раскладывая их кучками: бриллианты с бриллиантами, рубины – с рубинами, изумруды с изумрудами, сапфиры с сапфирами, жемчуг к жемчугу, отдельно миниатюры с эмалью или украшения тончайшей филигранной работы. Были полные гарнитуры: браслеты, кулоны, кольца, серьги, диадемы с одинаковыми камнями, а также табакерки, маленький образок, икона-складень –и все из золота или платины и с драгоценными камнями. Горожанин разглядывал каждую вещь в лупу.

– Удивительно! – то и дело негромко восхищался Валерий Михайлович. – Работа знаменитого итальянского мастера Челлини! Вот на этой табакерке значится мастер – француз Мейссень. Без сильной лупы, да при таком освещении разобрать все очень трудно.

Одно могу сказать вам предварительно. Эти ценности никакого отношения к Цукерману не имеют. По справкам, которые принес Троян, Цукерман купил магазин только в 1907 году. Этим же изделиям не менее трехсот или двухсот лет. Работа старинная. Цукерман антиквариатом не торговал. Такие женские головные украшения во Франции называются парюр, они были в моде лет двести назад. Богатые и видные вельможи тогда гонялись за подобными парюрами. Достанем остальные кастрюли, осмотрим их, и, может быть, я смогу более точно сказать о хозяине клада. Но я уверен, что Цукерман здесь не при чем. Бойченко, кстати, прав: должен быть другой доступ в подвал, через катакомбы.

– И еще, – строго сказал Горожанин, – О кладе никому ни слова. Операция не окончена.

– Ясно, – сказал Матвей. Остальные понимающе закивали. На другое утро, завтракая в столовой ЧК, комсомольцы друг с другом не разговаривали, боясь что с языка сорвется неосторожное слово.

Потом они снова все собрались в ювелирный магазин, но пришел Горожанин и сказал, что пока они пойдут без Трояна.

Отведя Сашу в сторону, Горожанин стал тихо его инструктировать.

– Человек, с которым «глухой» фармацевт встречался за Бугом, ночевал в доме на девятой Слободской. В шесть утра он вышел из квартиры и отправился на хутор Водопой. Там он вошел в отдельный домик, где находится и сейчас. Как передаёт наблюдение, этому человеку, которого условно называли «Угрюмый», лет тридцать пять. Роста он среднего, коренастый, выправка военная. Внешних примет женщины с девятой Слободской мы еще не имеем. Ваша задача, товарищ Троян, учесть эти связи «глухого» фармацевта и заняться женщиной с девятой Слободской, у которой ночевал Угрюмый.

– А если я раньше освобожусь, можно будет мне прийти сюда? – спросил Сашка.

– Вряд ли вы успеете, – не сдержал улыбки Горожанин. – Вытащим из катакомбы оставшиеся кастрюли и несколько дней интересоваться там ничем не будем. Во вторую катакомбу тоже пока не пойдем. Впрочем, там видно будет.

Когда Троян ушел, Горожанин велел Анне Ивановне торговлю пока не начинать, и все они стали пробираться в подвал.

Второй спуск в катакомбу, казавшийся легкой прогулкой, на самом деле измотал ребят.

Вторую кастрюлю довольно быстро притащили к колодцу и подняли ее наверх. Когда укладывали в мешок последнюю, впереди от света фонаря что-то тускло блеснуло. Оставив мешок, ребята прошли немного, и метров через пятьдесят катакомба расширилась, они наткнулись на тупик, наполовину заложенный штабелем бутылок. Матвей посветил. Это были старинные пузатые бутылки с наклейками, разрисованные от руки русской вязью и латынью с названием вин и указанием года.

– Надо взять, – сказал Матвей. – На бутылках указан год, когда сделано вино.

Захватив несколько бутылок и уложив их в другой мешок, Матвей взвалил его себе на плечи. Тяжелую кастрюлю пришлось тащить одному Косте.

Выбравшись из колодца, Матвей и Костя совершенно выбились из сил. Горожанин велел им немного передохнуть, а Валя принялась стряхивать с них пыль и глину. Валерий Михайлович осмотрел этикетки и установил, что ни одной бутылки, датированной позже XVIII века, не оказалось. На этикетках значилось: 1687 год, 1707 год, 1716 год. Кстати, никакого вина в бутылках не было. Лишь на доньшке виднелся сгусток коричневой мастики.

Костя, по указанию Горожанина, с трудом снял крышки с обеих кастрюль. В них были золотые монеты старой чеканки: двойные червонцы Петра I, чеканка 1714 года, червонцы 1716 года с латинской подписью, червонцы 1729 года Петра I, золотые двухрублевки Екатерины I, имперIALы Елизаветы, венгерские дукаты, английские фунты, гульденy, франки...

– Вот видите. – сказал Горожанин. – Кладу около двухсот лет. Судя по всему, спрятано это, когда строилось Адмиралтейство, в конце восемнадцатого века. Никакого отношения к Цукерману оно не имеет. – Давайте все это закроем, положим в мешки, а Валя пойдет к коменданту и передаст, чтобы к магазину сейчас же пригнали повозку. Мы попросим Анну Ивановну, чтобы она помогла вам, товарищ Решетняк, вынести из магазина. Если кто спросит, скажите, что это ее вещи.

Когда Валя ушла, Матвей спросил:

– Валерий Михайлович, можно мы немного отдохнем и займемся второй катакомбой?

– Нет, сейчас есть дела поважнее, – ответил Горожанин. – Катакомба от нас не убежит, Переждем день-два, а пока оставим в магазине охрану. Все зависит, какие результаты будут сегодня у Трояна. Он выясняет связи «глухого» фармацевта. Вам надо умыться, поспать. Вечером, возможно, вы будете нужны.

Горожанин ушел. Матвей и Костя перетаскивали кастрюли с золотом в магазин и спрятали их под прилавок. Туда же перетаскивали мешок с бутылками от старого вина, и стали ждать повозки.

Троян вернулся после обеда и доложил Горожанину, что на девятой Слободской, в доме, где ночевал Угрюмый, проживает некая Пашкова Любовь Александровна. Примерно лет двадцати пяти, высокая, с серыми глазами. Поселилась она там еще при белых, в начале декабря прошлого года, приехала из Елизаветграда. Снимает маленькую комнатку у старушки-хозяйки. Безработная. Перебивается случайными заработками. Умеет шить. Нигде не бывает. Изредка ее навещают приезжие земляки. Раза два приходила родственница, пожилая женщина. Говорит соседям, что если в ближайшее время не найдет работы – уедет обратно в Елизаветград, хотя и там полно безработных. Пашкова, по словам соседей, женщина скромная, богобоязненная, одевается как монахиня. По данным наблюдения, сегодня днем она выглянула за ворота, постояла минут пять, вернулась и больше не выходила.

Угрюмый на хуторе Водопой в час дня вышел из дома вместе с хозяином дома,

лабазником. Потом хозяин вернулся и стал заниматься уборкой двора. Угрюмый направился пешком к городской больнице, а затем сел в трамвай и поехал к Варваровскому мосту. Наблюдение за ним и Пашковой продолжается. «Глухой» фармацевт сегодня из своей квартиры не выходил.

– Отлично. Все идет нормально, – сказал Горожанин. – Вы, товарищ Троян, всю ночь не спали, поешьте и отдыхайте.

– Валерий Михайлович, я уже обедал. Разрешите пойти к ребятам. Спать сейчас неохота.

– Бойченко и Решетняк уже отсыпаются. И Валю мы сегодня отпустили домой. Придется спать и вам. Учтите, утром у вас уйма работы по связям «глухого» фармацевта.

Вечером к Горожанину привели на допрос Дахно. Как и прежде, он испуганно оглядывался по сторонам, теребил в руках мятую шляпу.

– Садитесь, Дахно, – предложил Горожанин. – Кого вы здесь ищите? Чего это вы все оглядываетесь?

– Я думал, гражданин начальник, здесь уже трибунал, – ответил Дахно, присаживаясь на краешек стула.

– С трибуналом рановато, кое-что надо еще уточнить. Скажите, Дахно, вы все сказали?

– Все, гражданин начальник. Вот Христом богом клянусь, как на исповеди всю душу выложил. Ничего не утаил.

– Постойте, – остановил Горожанин. – Я буду вам задавать вопросы, а вы постарайтесь все вспомнить. Все до мелочи. Прошлый раз вы давали показания, что по рекомендации контрразведки Слащева первой пришла к вам на базу оптовой торговли аптекарскими товарами Благоволина, а через некоторое время появился этот «глухой» Красков. Он вам говорил, что знаком с Благоволиной?

– Нет, не говорил.

– А как они встретились у вас на базе? Как старые знакомые?

– Мне кажется, они раньше не были знакомы. Когда я представлял Аполлона Васильевича своим служащим, он галантно поклонился Варваре Игнатьевне, назвал себя и поцеловал ей ручку.

– А после этого они встречались? Разговаривали?

– Нет, не замечал. Только по утрам он подходил к ней, здоровался, а в конце дня прощался, как и со всеми.

– Может, вы еще что-то замечали в их отношениях? Может, Красков с особым уважением относился к Варваре Игнатьевне? Может, она ему нравилась?

– Нет. Не замечал. Вот только когда он здоровался с Варварой Игнатьевной, при мне, по крайней мере, Аполлон Васильевич всегда был спокоен, а Варвара Игнатьевна очень смущалась и отводила глаза в сторону, стараясь не глядеть на него. Она всегда была грустная. Я как-то спросил, почему у нее такая печаль в глазах, она ответила, что давно нет писем из Вознесенска и не знает, живы ли родные. Можете допросить ее, она вам все подтвердит...

– Нет никакой необходимости. Вы ответьте на такой вопрос. В тот день, когда с требованием из санчасти 41-й стрелковой дивизии приезжал за медикаментами красноармеец, Варвара Игнатьевна оставалась на работе? Ведь она отпускала медикаменты?

– Конечно. Она должна была оформить отпуск спирта и медикаментов.

– Ну и как, оформила?

– Нет, конечно! Когда Аполлон Васильевич забрал обратно требования, он велел отпустить ее домой. Она очень растерялась, сложила книги и ушла.

– Почему она растерялась?

– Не знаю. Она часто проводит по учетным книгам данные уже после отпуска медикаментов, когда я передаю ей документы.

– Она видела, как вы вернули требование Аполлону Васильевичу?

– Да.

– И видела, как грузился спирт и медикаменты без документов?

– Видела.

– Вы не заметили, красноармеец, который приезжал, поздоровался с ней?

– Да. Он сказал: «бонжур мадам» и все время ей улыбался. Варвара Игнатьевна интересная женщина, а этот красноармеец, видно, человек интеллигентный. Мне кажется, накануне я его видел в штатском. Он совершенно не был похож на красноармейца. Но не ручаюсь... Может, только показалось...

– Расскажите подробнее.

– Накануне этого дня я в обеденный перерыв вышел на улицу подышать воздухом, и присел на скамейку под акацией. Смотрю, в другом конце квартала прогуливается Аполлон Васильевич с каким-то человеком в штатском. Потом Аполлон Васильевич свернул на Адмиралтейскую, а человек этот медленно прошел мимо, внимательно меня разглядывая.

– Опишите его наружность.

– Ну, среднего роста. Такой стройный, на вид лет тридцать, лицо бритое, интеллигентное. Нос вроде прямой. Волосы и глаза темные. Синий, хорошо сшитый пиджак, серые брюки.

– Вы не замечали, встречался ли еще с кем-либо Аполлон Васильевич?

– Нет. Не примечал.

– А Благоволина встречалась с кем-нибудь?

– Нет, не видел.

– Расскажите, как выглядит дворник, который помогал грузить спирт и медикаменты? Как его зовут?

– Как его зовут, не знаю. Я его видел несколько раз. в компании с нашим сторожем. Как говорят, по пьяной части. Это простой, грубый человек. Рожа всегда красная. Усатый. Рост, пожалуй, выше среднего будет...

На другой день вечером Валя и Саша пришли в ювелирный магазин. С ними были два мобилизованных комсомольца, вооруженные наганам. Анну Ивановну, которая их ждала, отправили домой. Вскоре появились Матвей и Костя с сумками, в которых было все необходимое: карманные фонарики, свечи, спички, два пустых мешка, моток английского шпагата, запасная веревка и маленькая солдатская лопатка.

Ребята с некоторым превосходством оглядели вооруженную охрану. Комсомольцам было лет по четырнадцать. Каждый держал в руке наган, боясь спрятать его в карман.

– Отсюда до утра ни на шаг, – распорядилась Валя. – А мы с ребятами исчезаем. Испаряемся. Света, не зажигать, в магазин никого не впускать. Зажжете спичку – все провалите. А вообще учтите: язык за зубами. Никто не должен знать, где вы были в эту ночь, поняли? Дайте честное комсомольское!

– Честное комсомольское! – громким шепотом поклялись оба юнца.

Валю они почитали за старшую над ними, хотя ей едва минуло шестнадцать.

Валя, Саша, Костя и Матвей с фонариками и свечами в руках, по одному заходили за левую стойку и куда-то исчезали, словно проваливались. В магазине с закрытыми шторами стало совсем темно. Мобилизованным для дежурства комсомольцам сделалось жутко, не столько от темноты и тишины, сколько от загадочного исчезновения молодых чекистов. Куда это они могли испариться?

А тем временем Валя помогла Сашке и Косте спустить в колодец Матвея. Потом спустился Костя, а за ним и Сашка. Валя осталась одна. У отверстия колодца слабо светил фонарь. Но Валя уже привыкла к этому подвалу и чувствовала себя довольно уверенно.

Ребята прошли по знакомому пути четырехста метров и свернули в зловещую пасть второй катакомбы. Она сразу показалась страшнее первой, хотя в ней был такой же твердый грунт, только свод, правда, выше. Можно было идти согнувшись, а не ползти. Метров через триста они стали замечать, что свод становится все ниже, а грунт рыхлее, наконец ноги стали проваливаться по щиколотку. Показалось, что постепенно начался подъем.

Костя отгребал лопаткой землю, но по наклону скатывался новый слой. Сашка и

Матвей разгребали вязкую массу и все-таки пробирались на четвереньках вперед. Мешки, веревку и прочие запасы они оставили где-то на полдороге. Стало трудно дышать, огонь в лампах меркнул. Земля сыпалась за воротник, за пазуху. Рубахи намокли от пота, прилипли к телу. Сашка, боясь потерять очки, снял их, засунул в карман гимнастерки и продвигался на ощупь.

Наконец все трое выбились из сил и легли, растянувшись на бок, чтобы осыпь не запорошила глаза.

Вдруг послышался приглушенный грохот и далекий гул, который все усиливался. Ребятам сделалось не по себе. Происходило что-то непонятное. Со свода начала сыпаться земля. Потом гул постепенно стал затихать, откатываться и наконец совсем стих.

– Что такое? – изумился Матвей. – Прямо вся земля задрожала?

– Это, ребята, наверное, землетрясение, – сказал Костя.

– То змеиный след ему привиделся, то померещилось землетрясение, – съязвил Сашка.

– А что это за гул, по-твоему? – спросил Костя.

Гул и грохот надвигались снова. Ребята замерли, прислушиваясь, пока звуки не удалились.

Слух у Сашки был изумительный. Он мог услышать малейший шорох, в то время когда другие абсолютно ничего не слышали.

– Мы прошли по диагонали от первой катакомбы вправо метров шестьсот, – стал рассуждать Сашка. – Значит, мы сейчас находимся под самой серединой Потемкинской улицы, где-то между Соборной и Московской, а там проходит трамвай. Сейчас примерно одиннадцать с чем-то или около двенадцати. Значит, промчались вовсю последние трамваи.

– Верно, – поддержал его Матвей. – Вы заметили, что по этой катакомбе с самого начала независимо от завала, мы движемся по подъему, и, если мы прошли метров шестьсот, значит, мы находимся уже на глубине не четырнадцать-пятнадцать метров, а меньше десяти. Значит, мы приближаемся к такому выходу, который находится не на большой глубине, или мы наткнемся на тупик. И. потом, этот завал, если он образовался постепенно от движения трамваев, протянется не более пяти-восьми метров, а дальше опять будет свободная часть катакомбы.

– Да, но вот этой лопаткой и голыми руками мы пять или восемь метров не пророем, – заметил Костя. – Нужна нормальная лопата и обязательно грабли, придется подняться, наверх.

– Пошли все в подвал, – предложил Матвей. – Нам надо немного подышать и стряхнуть с себя эту пыль, а там что-нибудь придумаем.

Они отползли от завала туда, где лежали мешки, веревка, и направились к колодцу.

Первым вылез Костя. Он высунул голову и увидел, что Валя сидит, мурлыча себе под нос песенку, а по стенам подвала прыгают тени от фонаря. Увидев Костю, она придвинулась к его лицу, посветила фонарем и хмыкнула:

– Ну и вид у тебя! Что вы там, землю носом роете?

– Да, носом, – смиренно согласился он. – Точнее, голыми руками. Наткнулись на завал, а инструмента никакого, – говорил он, вылезая из колодца.

За ним поднялся Сашка, и общими усилиями они вытащили канат с лесенкой, на которой стоял Матвей. Сам он так ослаб, что выбраться не смог бы: рана еще давала о себе знать.

– Я что-нибудь притащу, вы отдохайте, – Валя тихо вылезла через шкаф в магазин и завывала: – Кто-о жи-и-ве-т п-о-од по-тол-ко-м? Гн-о-о-м!

– Ой! – закричал от неожиданности один из комсомольцев.

– Ха-ха-ха, – засмеялась Валя. – Ну и вояк мне выделили. Еще наганы вам дали!

– Это мы так, – заговорил второй мальчишка. – Мы же в первый раз по-серьезному. А тут ты еще завывала. Где вы там находились?

– Подрастете, узнаете, – торжественно произнесла Валя.

– Ты все же скажи, – настаивал мальчишка, – Раз нас послали, значит, мы должны

знать, что делаем. Мы же дали честное комсомольское.

– Вот что, ребята, рассуждать сейчас некогда. Скажите лучше кто где живет?

– Я на Рыбной. Здесь недалеко.

– А я на Московской, квартал отсюда, – ответил второй мальчишка. – А что?

– Хлопчики, бегите во всю прыть домой и притащите лопату и грабли. В общем, что-нибудь такое, чем можно было бы разгрести землю. Смотрите, пароль не перепутайте!

Мальчишки побежали домой, а Валя – в губчека к Горожанину. Но его на месте не оказалось.

– Он у председателя, – объяснил дежурный. – Туда сейчас нельзя. Поймали какую-то важную птицу, лазутчика. Идет допрос.

Однако Валя тихонько приоткрыла дверь в кабинет Бурова, просунула голову и пальцем поманила Горожанина. Валерий Михайлович чуть улыбнулся и вышел из кабинета.

– Что, Валя, нашли что-нибудь еще?

– Ой, Валерий Михайлович, ничего не нашли. Там, Матвей говорит, завал. За лопатами послал меня.

– Ладно. Часа через два я освобожусь и приду. Скажите, чтобы действовали не спеша, осторожно. Прямо скажите, что я приказал не рисковать. У дежурного для них еда приготовлена. Возьмите. Валя притащила в магазин лопату и метлу, а мальчишки – один грабли, другой тяпку.

– Положите все это на стойку слева, – распоряжалась Валя. – Свет не зажигайте ни в коем случае. Сидите как прежде и никого не пускайте. И не трусьте!

Матвей, Костя и Сашка выпили всю воду из чайника, который им оставила Валя, и, раскинувшись, лежали на пыльных каменных плитах, с удовольствием дыша спертым подвальным воздухом. После катакомбы он казался им легким и приятным.

Когда появилась Валя, они разом вскочили и стали рассматривать лопату, грабли и тяпку. Особенно Матвея обрадовала тяпка.

– Это как раз то, что нужно, – сказал он, – а метла зачем?

– Метла? – удивленно переспросила Валя, вскинув брови. – А ты что хочешь, чтобы я все время сидела здесь как в свинюшнике? Смотри, в какой пыли вы валялись. А потом еще Валерий Михайлович скоро придет. Убрать надо. Ешьте. – И Валя передала им пакет, где были сложены бутерброды и пудинг.

Быстро расправившись с ужином, ребята снова спустились в колодец и направились ко второй катакомбе. Дойдя до завала, Матвей ползком отгребал тяпкой землю назад. Костя отбрасывал ее лопатой подальше, а Сашка граблями разгребал по бокам.

Лампы погасли. Часа три ребята работали в темноте, продвинулись всего на несколько метров. Но дышать стало легче. Отдохнув немного, они снова взялись за работу и расчистили весь завал. Перед ними открылась катакомба с твердым грунтом и такая высокая, что по ней можно было ходить, не сгибаясь.

В «Летучей мыши» у Кости кончился керосин. Пришлось зажигать свечу. Карманные фонарики по-прежнему берегли.

– Жаль, что мы оставили второй фонарь у Вали, – сказал Костя. – Сейчас бы он нам пригодился... Ребята, чувствуете, как легко дышится.

Дышалось действительно хорошо. Почти не пахло гнилью и плесенью, но все улавливали непонятно резкий, щекочущий ноздри запах. Еще Матвей заметил, что пламя свечи стало колыхаться и тянуться вперед.

– Смотрите, ребята, тяга появилась! Значит, где-то близко выход. Давайте зажжем еще свечу, – предложил он, как будто не доверяя колебаниям пламени одной. Сам же карманным фонариком стал освещать грунт и неровности по бокам, внизу и по своду.

Как и в начале второй катакомбы, когда пошел глинистый твердый грунт, так и сейчас замелькали по полу «змеиные» следы.

– Мы идем по крысиному следу. Он тянется прямо к их норе, значит, к выходу, – сказал Костя. – Считай, Матвей, крысы теперь наши помощники и прошу тебя, пожалуйста, не

относись к ним с отвращением.

– Если только ты, Костя, им не проболтаешься, они об этом никогда не узнают, – отшутился Матвей.

– А вы потише, – шепнул Сашка. – Не то, действительно, они могут услышать и затаить обиду. Скажи, Матвей, ведь у крысы тоже какая-то мозга есть?

– Валерий Михайлович говорил, что у них очень тяжелый хвост и отличное зрение. Еще, я понимаю, что у них должны быть крепкие зубы, и точно знаю, что они очень противные, ну, как лабазники или спекулянты.

Так, болтая и подшучивая друг над другом, они незаметно дошли до тупика. Тут Матвей велел всем остановиться и стал внимательно рассматривать крысиные следы. Они вели к середине тупика. Там, в самом низу, была насыпана небольшая горка и в ней, действительно, была крысиная нора. Костя поднес к ней огарок свечи и пламя заиграло веселее. Тогда он взял гвоздодер и острым концом засунул его в нору.

– Нора идет прямо, и оттуда тянет довольно паршивый дух, – сказал Костя, – пробуя немного раскопать вокруг норы.

– Давай, я понюхаю. – И Сашка, сняв очки, стал на четвереньки. – Воняет чем-то едким, помоями или старым рассолом. Как бы мы не угодили в выгребную яму.

Костя солдатской лопаткой стал раскапывать тупик вокруг норы, глина здесь была нетвердой, и чем дальше он углублялся, тем больше стало в глине примеси песка. Сашка отгребал тяпкой выкопанную глину и разбрасывал ее по сторонам.

Когда Костя углубился в грунт почти во весь рост, то наткнулся лопатой на камень. Решетняк хотел приладиться, как за него взяться, чтобы вытащить, но камень легко подался. Костя стал толкать его, поворачивать, и вдруг впереди ухнуло несколько камней, а рука Кости оказалась в пустоте. Он подтянулся еще, пополз по камням вниз и, посветив фонариком, увидел, что находится в помещении, заставленном множеством ящиков разного размера. Воздух там был тяжелый, спертый, и едко пахло старым рассолом.

Матвей подался в дыру вслед за Костей, за ним Сашка. Оказавшись втроем, они стали освещать фонариками стены, пол. Вдруг Сашка спохватился.

– Ребята, я лезу обратно. Очки потерял в той дыре.

– Как потерял? – опросил Матвей. – Они у тебя в левой руке.

– Это совсем не очки. – И Сашка разжал кулак. В руке была морковка.

– Интересно, – сказал Матвей. – Мы находимся в каком-то погребе. Пахнет рассолом, а ни одной бочки не видно. Люди здесь осенью прятали в песок морковь, вот в этой дыре, откуда мы вылезли. Но дыра не сквозная. – Задняя стенка ее оказалась ровной. Впереди, метрах в трех, стояла сплошная каменная стена свежей кладки, с проемом из отесанных камней. Но проем был недавно заложен камнями. Боковые каменные стены, потемневшие от старости, были изрядно покрыты цвелью. Такие же темные камни с цвелью попадались и в передней, вновь выложенной стене. В ширину помещение было не менее шести метров. Потолок высокий, наверху поперек потолка, на баковых стенах, лежали две толстые балки.

– Мы в одной половине погреба, большого погреба, – сказал Матвей. – Задняя стена, видно, недавно разобрана и из камня уложена вот эта новая. С какой целью это сделано? Что за ящики здесь спрятаны?

Ребята начали внимательно исследовать удлиненные ящики, уложенные тремя высокими штабелями. Справа тоже в высоких штабелях стояли ящики покороче, а на самом верху, на ящиках, лежала несколько больших брезентовых свертков.

По бокам от заложенного проема притулилось два ящика. Костя гвоздодером попробовал открыть один, но ничего не вышло. Тогда он принялся за второй. Крышка оказалась неприбитой. Он приподнял ее. В ящике лежали аккуратно уложенные новенькие русские трехлинейные винтовки. В другом ящике, покороче, оказались драгунки.

«Вот это – да!» «Целый арсенал!» «Батальоны вооружить можно!» Комсомольцы вошли в раж и открывали ящик за ящиком. В одном находились цинковки с патронами, в другом – железные коробки с пулеметными лентами, винтовки, драгунки, гранаты...

– Надо посмотреть, что наверху, – предложил Матвей. – Давай, Костя. Возьми мой нож и режь веревки вон на тех свертках.

Решетняк, цепляясь за ящики, влез на самый верх, разрезал веревки одного свертка, брезент раскрылся, а под ним стоял на колесиках станковый пулемет «Максим». Всего пакетов было одиннадцать. Костя насчитал шесть станковых пулеметов «Максим», три французских «Гочкиса» и один английский «Виккерс». В одиннадцатом свертке, в густо смазанной маслом плотной бумаге, находилось три замка от трехдюймовых орудий, на каждом свой номер и год выпуска 1916-й. Пока Костя возился со свертками, Матвей насчитан сорок восемь ящиков.

– Давайте сюда, – предложил Матвей. – Надо сейчас же доложить Горожанину.

– А может, мы еще пройдем в ту часть погреба? – спросил Костя. – Верхние камни в проеме даже глиной не замазаны. Вынуть их пара пустяков.

– Давай, Костя, сними пока только один камень.

Вынув верхний камень из проема, Решетняк просунул в отверстие руку и нащупал клепки бочки, которая стояла вплотную к стене.

– Надо вынимать еще, – сказал Костя.

Только он ухватился за второй камень, как из-за стены послышался стук, потом лязг засова. Костя быстро уложил снятый камень на место. Ребята потушили фонарики и схватились за наганы. Со скрежетом откинулась и грохнула, видимо, наружная дверь погреба. За стеной послышалась какая-то возня и приглушенный разговор. Ребята приложились ушами к щелям.

– Начинай, Иван, за день сделаешь, – заговорил глухой грубый мужской голос. – Вот хозяйка обещает два полштофа, фунт сала, два хлеба и еще гроши на табак.

– Сегодня не могу. Всю ночь не спамши, а как сменился, лишку хватил, – отказывался другой. – Ей бо, вот тут засну. Не могу, хозяйюшка. А материалу хватит? Завтра начну.

– Вон стоят новые доски, крепкие, – объяснил женский старческий голос. – А гвоздей нету. Старые выровняешь.

Опять там завозились, потом с шумом упала тяжелая дверь и снова послышался скрежет засова, замка.

– Ушли, – сказал Сашка. – А знаете, ребята, один голос показался мне знакомым. Но чей он, вспомнить не могу.

– А какой? – спросил Матвей.

– Да тот, что сказал, что надо начинать сегодня.

– Вечно тебе что-то мерещится, Сашка, – сказал Костя, – то запахи, то голоса.

Костя быстро вытащил камень, потом другой, пытаясь пролезть мимо бочки, но не смог, слишком узко было. Тогда полез Матвей. Еле протиснулся он мимо здоровой бочки, стоявшей на двух камнях.

В отгороженной половине погреба тускло брезжил свет. Он просачивался сверху через расщелины наклонных дверей, над деревянной лестницей. Рядом с большой бочкой были еще две. В них, в старом заплесневелом рассоле плавали разбитые дощатые крышки и укроп.

Матвей посветил фонариком. Стены здесь были каменные, покрытые плесенью, как и в задней половине. В углу, возле лестницы, к стене прислонено несколько толстых досок. Сама лестница, довольно широкая, прогнила и несколько ступенек провалились. Матвей с трудом подобрался к дверям и, прильнув к щели, стал разглядывать двор, стараясь запомнить каждую мелочь. Против погреба стоял одноэтажный каменный домик под ветхой железной крышей, когда-то крашенной зеленой краской. Перед домом, у двери, торчала ветхая скамейка, а рядом росла корявая акация. Левее дома виднелась часть ворот. Справа – прошла молодая женщина с ребенком на руках. Она была в ситцевом голубом платье в белый мелкий горошек.

Матвей быстро спустился с лестницы, юркнул мимо бочки в проем и велел ребятам быстро уложить на место камни. Потом они зажгли фонарики и через лаз проникли обратно в катакомбу.

Горожанин и Валя с нетерпением ожидали их в подвале. Было уже одиннадцать часов. Матвей тут же доложил о складе с оружием и о всех приключениях.

Горожанин рассуждал вслух:

– Раз спрятаны замки, значит, где-то спрятаны и орудия. По вашим рассказам, по количеству оружия, можно предположить, что в городе существует хорошо организованное контрреволюционное подполье. Вечером соберемся на оперативное совещание, а сейчас – мыться и спать. Только товарищу Бойченко надо пройти по Московской улице, поближе к Потемкинской, и найти двор, куда выходит этот погреб. С вами, Матвей, пойдет товарищ Касьяненко. Значит, в двадцать два – у товарища Бурова.

8. ДЕНЬ УДАЧ

Лазутчика, которого допрашивали Буков и Горожанин, когда Валя Пройда заглянула в кабинет, задержали накануне. Это было под вечер, у села Терновки. Наряд охраны направился по шляху к развилке дорог, чтобы сменить своих товарищей. Тут и заметили в кустах подозрительного. Человек был в очках, солдатских ботинках и обмотках, и в помятом сером пиджаке. Скинув солдатский вещевой мешок, человек этот нырнул в придорожные кусты и стал устраиваться на ночлег.

Охранники из соседнего села потребовали у него документы. Покосившись на винтовки, незнакомец не спеша вытащил из внутреннего кармана пиджака темный платок. Развернув его, неизвестный показал удостоверение, которое гласило, что предъявитель сего Поныря Степан Афанасьевич, учитель из села Гурьевки и следует в Берислав, чтобы забрать к себе больную мать.

– Чего тебе вздумалось из Гурьевки на Берислав через наше село идти? – спросили его. – Тебе же, Степан Афанасьевич, прямая дорога на Снегиревку. Да и ближе намного.

– Я тут в Богоявленск заезжал, к родичу, – ответил задержанный. – Думаю, переночую, а утром, может, какая подвода попадется.

– А ты Паламарчука Федора, часом, не повстречал? Он наш, терновский, жинку взяв себе з Гурьевки и туда переехал, – не оставлял его крестьянин.

– Федора? Паламарчука? А как же! – с уверенностью ответил неизвестный. – Хороший селянин, молодой, хозяйственный. Хату какую себе строит, любо смотреть.

– Домой уже вернулся? – удивился охранник.

– Значит, вернулся, – резко ответил неизвестный. – Сейчас наши деникинцев с Украины повыгоняли и многих уже отпускают домой.

Что-то терновскому крестьянину показалось подозрительным. Белые еще в Крыму. Недавно в газетах писали, что наши побили десант, который двигался на Ростов, и опять же у лимана на Очаков корабли белые и французские шныряют. Да чтобы в такое время Федя домой вернулся? Не может того быть!

– Знаешь що, друже, – сказали ему, – мы тебя в сельраду отвезем, там и переночуешь.

Поныря спорить не стал, но и не обрадовался. Из сельсовета позвонили в Николаев в губчека, что задержан подозрительный, куда, мол, везти? Дежурный велел пока оставить у себя, а сам тем временем связался с Гурьевкой, с председателем сельсовета.

– Наш учитель Поныря? Степан? – удивился гурьевский председатель. – Да он летом девятнадцатого ушел в Красную Армию, а в ноябре мы получили похоронную. Погиб наш Поныря под Воронежом.

И сразу все стало ясно. Долго лазутчик изворачивался. Лишь после повторного личного обыска, когда у него под подкладкой пиджачного рукава обнаружили шифровку, он перестал отпираться. Письмо было невинное с виду:

«Дорогой тесть! Все у нас живы и здоровы, и племянничек, слава богу, не болеет. Ждем хороших времен. Скорее бы. С продуктами у нас пока неплохо. Тетя Дуся просила достать ей как можно больше изюму. Я скупил немного, где только мог в городе, в уездах и даже в немецких колониях. Это все очень дорого. Нужны еще деньги, а пока тетя Дуся

будет довольна. Ждут от вас весточки.

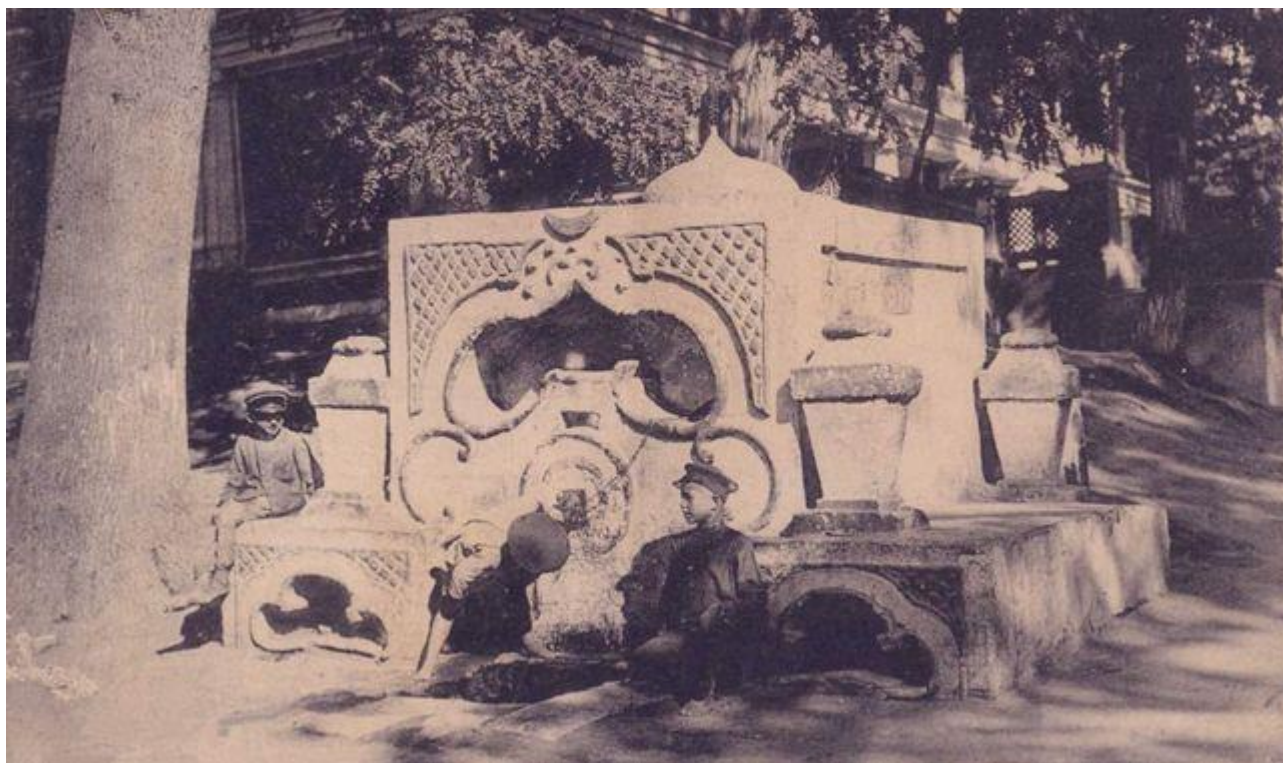
С поклоном ваш Олег».

– Вот что, Поныря, или как вас там, давайте начистоту! – строго сказал Буров. – Деваться вам некуда.

– Скажу, что знаю. Но должен предупредить: я не эмиссар, я – простой курьер, поручик Данилюк, Сергей Павлович. «Тесть» – это мой шеф – полковник Прохоров из второго отдела штаба армейского корпуса генерала Слащева. «Тетя Дуся» – это сам генерал Слащев. «Олег» – тот, от которого я получил письмо. Он полковник, наш руководитель на Николаевщине и Херсонщине. Фамилия его мне неизвестна. Он был здесь оставлен еще до того, как я начал работать во втором отделе штаба корпуса. Направили меня с письмом к этому полковнику Олегу из Мелитополя, Теперь я должен был вернуться обратно.

– Где и как вы встречались с полковником Олегом? Опишите его наружность, – потребовал Горожанин.

– Мне велено было в Николаеве явиться по адресу: Сухой фонтан, дом 12, спросить Полину Степановну и назвать себя. Три дня назад я пошел по этому адресу. Открыла мне сама Полина Степановна. Велела на следующий день в двенадцать часов быть в Яхт-клубе у грота. Там бьет источник из львиной пасти. На скамейке около должен сидеть пожилой человек лет пятидесяти, в старом чесучовом пиджаке кремового цвета. Мне следовало подсесть к нему, попросить зажигалку и передать привет от Полины Степановны. Он спросит: «Давно ли я ее видел?» Ответ: «Вчера в пять минут шестого». Этот человек заберет обратно зажигалку и пойдет берегом мимо лодочной станции в рощу. Через десять минут я должен последовать за ним. Я все так и сделал. Человек ждал меня. Я передал ему письмо от шефа, получил от него другое письмо и при нем зашил под подкладку. Умоляю вас, разрешите мне немного поспать. Четверо суток глаз не сомкнул.

Султанский источник в яхт-клубе

– Очень торопились в Мелитополь?

– Очень. Приказано было быть завтра утром.

– Хорошо, – усмехнулся Буров. – Отсыпайтесь.

Около полудня Матвей и Касьяненко шли по улице, на которую, по их расчетам,

выходил погреб, где хранилось оружие. Прошли квартал, но невозможно было сразу определить, за какими воротами находится погреб, который они искали.

– Так у нас ничего не выйдет, – сказал Касьяненко. – Надо обследовать дворы, а меня здесь могут узнать. Пойди ты один, – оказал он Матвею, – и как заметишь тот дом, дай мне знать. Я тогда организую наблюдение и проверю жильцов. Жду тебя на углу Большой Морской.

Матвей свернул в первые попавшиеся ворота. Двор как все николаевские вблизи центра города: два-три двухэтажных или одноэтажных дома выходили фасадами на улицу, за ними во дворе еще один-два домика, и посредине – выгребная яма. Однако ничего похожего на то, что заметил Матвей через щель закрытого погреба, в который он попал из катакомбы, не было. Значит, двор не тот.

Матвей направился к следующему дому. У ворот на скамейке сидела пожилая женщина, а рядом, с ней – молодая, с ребенком, та, которую Матвей утром видел через щель погреба,

– Ты кого ищешь, сынок? – спросила, вставая, пожилая женщина.

– Да я так, – ответил Матвей, – по нужде.

Бойченко вошел во двор и в глубине его увидел тот самый таинственный погреб, с тяжелыми наклонными дверцами. Напротив погреба он увидел дом с зеленой крышей и рядом корявую акацию, Матвей покрутился возле уборной, ушел со двора и направился к Большой Морской, где его ждал Касьяненко.

События разворачивались так, что спать не пришлось, несмотря на две предыдущие тяжелые ночи, проведенные в катакомбах.

Вечером, когда чекисты ждали Бурова и Горожанина, уехавших в губком, Валя отозвала Бойченко в сторонку:

– Слушай, Матвей, не знаю даже, как сказать... Сынишка Анны Ивановны – Васька знает, что я, ты и другие, и даже Горожанин – из ЧК.

Матвей укоризненно посмотрел на Валу, словно она в этом виновата.

– А что он еще знает? О подвале говорил?

– Нет, только спросил меня, где мы прячемся в магазине. Парень смысленный. И все за нами ходит. Я ему велела держать язык за зубами и обещала утром поговорить по-серьезному.

– Расскажи все Валерию Михайловичу, – предложил ей Матвей.

– Боюсь. Пойдем вместе.

– Пойдем, – согласился Матвей.

Только глубокой ночью вернулись Буров и Горожанин из губкома партии, и сразу же началось совещание. Выступление председателя было кратким и походило на боевой приказ.

– Товарищи! Мы все должны быть готовы к выполнению важных боевых заданий партии. Обстановка за последние дни осложнилась. Из Москвы поступили сведения, что Пилсудский договорился с Петлюрой о совместных действиях против Советской власти. К началу наступления белополяков петлюровцы обещали активизировать кулацкие банды и открыть внутренний фронт, т. е, фронт в нашем тылу. Эти сведения подтверждаются, В южных губерниях Украины и у нас на Николаевщине активно стала действовать белогвардейская агентура. По сообщениям за последние три дня, почти в каждом уезде стали оперировать большие и малые банды, кое-где в селах созданы кулацкие сельсоветы и под видом самообороны организованы вооруженные отряды из сыновей кулаков и разного деклассированного элемента. Отмечается усиление диверсионной и террористической деятельности контрреволюционного подполья. Белые офицеры, оставленные и специально засланные в наши тылы, усилили антисоветскую агитацию, среди населения городов и сел распространяются панические слухи.

Как стало известно, вместо бежавшего в Константинополь Деникина главнокомандующим так называемого войска юга России назначен генерал-лейтенант барон Врангель. Первым его приказом был приказ об уничтожении всех комиссаров и

коммунистов.

Имеется решение губкома партии: всем коммунистам и комсомольцам перейти на казарменное положение. Чекисты, свободные от выполнения оперативных заданий, должны неотлучно находиться в ЧК. Это относится и к техническому составу. Утром всем получить у коменданта запас патронов к личному оружию. А сейчас, товарищи, устраивайтесь кто как может, надо хорошенько отдохнуть.

Валя Пройда, не отходявшая от Матвея, толкнула его локтем в бок:

– Пойдем, Матвейка, к Горожанину.

– Идем, – выдохнул Бойченко, – морока мне с тобой. Горожанин принял сообщение Вали спокойно.

– А вы хотели, чтобы мальчишка, на глазах у которого происходят странные вещи, не любопытствовал, кто да что? Приходят люди в магазин, где работает мать, и вдруг куда-то исчезают. Его любопытство усиливается еще тем, что мать ему ничего не может толком объяснить.

– Валерий Михайлович, но он может проболтаться, – сказал Матвей.

Горожанин положил ребятам руки на плечи:

– Вы совершенно правильно сделали, Валя, что обещали утром поговорить с ним. Я уверен, что он ждет от вас какой-то большой тайны. Скажите ему, что ищите крупных спекулянтов, у которых где-то поблизости спрятан товар. Скажите, что он может помочь вам, если, конечно, умеет хранить тайну. Вася нам еще пригодится. Хотя бы для срочной связи. Вот так.

Потом Горожанин собрал у себя группу Касьяненко, комсомольцев и кой-кого из начальников отделов.

– Вы только что слышали сообщение товарища Бурова, – начал Валерий Михайлович. – Мы должны быть готовы к ликвидации белогвардейского заговора. Обстановка накалена, в любой момент может вспыхнуть кулацкое восстание. В нашем распоряжении три-четыре дня, и за это время мы должны успеть сделать многое.

Он говорил, что, к сожалению, чекистам не удалось проникнуть в офицерское подполье и выявить руководство этого заговора. Да и сами заговорщики, видимо, только с назначением Врангеля стали действовать активно. Данные, какими располагали чекисты о белом подполье, были невелики. При помощи комсомольцев выявлен весьма опытный и опасный контрразведчик Аполлон Васильевич Красков. Он проходит по материалам как «глухой» фармацевт. Красков уже дал ряд интересных связей. Второй канал, найденный комсомольцами, – тайный склад оружия в погребе дома 33 по Московской улице. Комсомольцы искали золото Цукермана, якобы спрятанное им в подвале, а вышли через катакомбы к складу с вооружением.

– Думаю, что этот склад, – продолжал Горожанин, – имеет прямое отношение к белогвардейскому заговору. Кстати, позавчера вечером с помощью терновских крестьян задержан курьер контрразведки штаба второго армейского корпуса Слащева подпоручик Данилюк. Он был заброшен сюда шесть дней назад с инструкциями для «полковника Олега». По показаниям, Данилюка этот полковник Олег является руководителем всего подполья на Николаевщине и Херсонщине. Фамилия «Олега», и его местонахождение Данилюк не знает или не хочет говорить. Необходимо установить этого полковника Олега. Прежде чем с ним встретиться, Данилюк имел явку к некой Полине Степановне. Она проживает на Сухом фонтане, дом 12. Это совпадает с адресом, куда ходил восемь дней тому назад «глухой» фармацевт, – тогда Валя в первый раз его проследила. «Глухой» фармацевт встретился на Верхней аллее Яхт-клуба с каким-то неизвестным. Можно предположить: полковник Олег и этот неизвестный, который встречался у Яхт-клуба с «глухим» фармацевтом, – одно и то же лицо.

– Да, но приметы неизвестного и полковника Олега не сходятся, – заметил Каминский. – Валя говорит, неизвестный выглядит лет на сорок, стройный мужчина, с военной выправкой. А по приметам, которые дает Данилюк, полковник Олег чуть ли не дряхлый

старик, в поношенном чесучовом пиджаке.

– А может, я ошибаюсь, дядя Яша, – возразила Валя. – Может, мне показалось, может, он старше.

– Валя, конечно, по неопытности могла ошибиться, – оказал Горожанин. – Что касается внешнего вида и походки, то это уже забота контрразведчика, на то он и контрразведчик. И потом, товарищ Каминский, обратите внимание: проходит всего несколько дней после встречи «глухого» фармацевта с этим неизвестным и «глухой» увольняется с работы, меняет квартиру. Тогда же он встречается за Варваровским мостом с кем-то, кто затем, по материалам наблюдения, проходит у нас как Угрюмый. После этого – загадочное убийство Благоволиной. Сегодня мы установили, что Угрюмый работает у нас снабженцем в штабе береговой обороны. Эта часть дислоцируется за Варваровкой, на берегу, при выходе в Бугский, а затем в Днепровский лиманы. Значит, Угрюмый имеет возможность в любое время бывать в городе, пользоваться ночным паролем, а может, имеет возможность у, установить связи с кораблями белых в Черном море.

Наконец, последние, очень важные данные. Угрюмый позавчера, перед комендантским часом, пришел к женщине, проживающей по девятой Слободской улице, и остался там ночевать. Утром он отправился на хутор Водопой и посетил дом лабазника, которого характеризуют как черносотенца.

Вчера товарищ Троян установил, что фамилия женщины, у которой был Угрюмый, Пашкова Любовь Александровна. Ей лет двадцать пять – двадцать шесть, она высокого роста, по словам соседок, скромная, богобоязненная, одевается как монашка. Поселилась она на девятой Слободской перед уходом белых, в декабре. Приехала якобы из Елизаветграда. Обратите внимание: и Благоволина – не местная, приехала из Вознесенска. По показаниям бывшего управляющего базой аптекоуправления Дахно, Благоволину и «глухого» фармацевта он принял к себе на работу в декабре, еще при белых, по прямому указанию контрразведки генерала Слащева. То есть перед уходом белые в спешном порядке стали оставлять своих агентов для подпольной работы. Я уверен, что все эти люди – здешние, они хорошо знают город и только переброшены с одной окраины на другую.

Пашкова, видимо, играет немаловажную роль в белогвардейской организации. Прежде всего, возникает вопрос, не она ли вместе с Угрюмым причастна к убийству Благоволиной? Им понадобилось убрать ненужного человека, который много знал. Это совпадает с показаниями свидетельницы, которая до убийства Благоволиной поздно вечером открывала дверь двум гостям – «высокой женщине в темном платке и мужчине пониже». Хотя и скудные приметы, но они совпадают с описанием Пашковой.

– Она выше Угрюмого, это точно, – сказал Троян. – Потом они могли так поздно пойти к Благоволиной, лишь зная ночной пароль.

– Совершенно правильно, – сказал Горожанин. – А пароль, как я уже говорил, мог иметь Угрюмый.

В каждой операции, впрочем, как и во всяком деле, обязательно наступает везучий, чертовски удачный день. Ничего не клеилось до этого, а тут; будто в сказке, все пошло само собой, все оказывается связанным, обусловленным, вытекающим одно из другого. Но чтобы такой день наступил, надо очень много трудиться.

Об этом часто говорил молодым чекистам Горожанин.

На другой же день Васька здорово помог Касьяненко в наблюдении за домом 33 по Московской улице. У мальчишек, игравших во дворе он узнал, что хозяйка погреба – та самая старушка, что часто сидит на скамейке у ворот. Фамилия ее Кривошеина.

Вот что значит рассчитать способности и силы подростка, доверить ему важное дело! Но ведь в каждом из молодых чекистов Горожанин видел такие возможности будущих удач. Учились у него – и действовали успешно.

...До четырех дня не появилось ничего нового. Но срок, данный чекистам, шел. Щелкали секунды, минуты складывались в часы.

В пятом часу пополудни Валя пришла на Московскую улицу, на наблюдательный

пункт против дома 33, где во дворе был погреб, ведущий в склад оружия.

– Ну, как у вас там? – спросил Касьяненко, отводя Валю в сторонку.

– Интересно! – с готовностью ответила девушка. – Гуляем мы с Матвеем по третьей Военной. Вдруг из дома шесть выходит молоденькая девушка. Такая, ничего себе. Матвей спрашивает ее: «Скажите, пожалуйста, милая девушка, не в этом ли доме остановился Петя Шорник? Молодой парень, недавно приехал». Та ему говорит: «Вы, молодой человек, наверное, ошиблись. Здесь только мы живем и у нас только один квартирант. Зимой поселился, в декабре. Он из Херсона. Но это не молодой парень, а очень солидный человек, интеллигентный». Матвей ей: «Так наш знакомый, Петя Шорник, тоже из Херсона. Может, он родственник какой и заходит к этому дядьке?» Девушка отвечает: «Вряд ли сейчас кто из молодых к нему может заходить. И он не Шорник вовсе, а Грушевский Ипполит Антонович, ему лет под пятьдесят. В царское время, говорит, служил управляющим Коммерческим банком в Херсоне. При белых к нему часто заходил его племянник Виталий, вольноопределяющийся, который потом пошел по мобилизации к белым. Сейчас, если кто и приходит к Ипполиту Антоновичу, так только солидные люди». Матвей говорит: «Где ж нам искать нашего знакомого, прямо не знаю. Извините, пожалуйста, за беспокойство». А девушка: «Вы, молодой человек, походите по соседям напротив». Матвей ей так вежливо: «Мерси». И где он только научился таким буржуйским манерам? Ну, стали мы прохаживаться по этой улице. Минут через двадцать из дома шесть выходит солидный такой дядя, лысый, брюки в полоску, выглажены. И в таком бархатном жилете, светло-коричневого цвета. Сел на скамейку, золотое пенсне на черном шнурочке, и стал читать журнал. Мы его передали сотруднику Каминского. Я вот сюда пришла, а Матвей – докладывать Валерию Михайловичу. Скоро вернется.

Матвей действительно вскоре появился и вместе с Касьяненко уселся у окна наблюдать за домом 33. Вскоре из ворот вышел, пошатываясь, плотник. Кроме ящика с инструментом, через плечо у него была перекинута набитая торба. Вслед за ним старуха Кривошеина, постояла немного, покачала головой, потом краешком фартука вытерла губы, мелко перекрестилась и вернулась. За плотником отправился оперативный работник.

– Пойду и я посмотрю, – сказал Матвей.

Дойдя по Московской до угла Спасской, плотник остановился, к нему подошел мужчина в картузе, и они уселись на скамейку. Плотник вынул из торбы буханку хлеба, полштофа и передал мужчине в картузе. Затем плотник вытащил большой кусок сала, разрезал пополам, половину положил обратно, а вторую по-деловому, без особой любезности, отдал «картузу». И они разошлись. Матвей пошел за картузом. У гостиницы «Лондонская», Матвей сблизился, с картузом и по походке узнал в нем дворника Филю. Сделав это открытие, Матвей остановился как вкопанный, потом прильнул к стене дома, чтобы Филя, обернувшись, не узнал его, и, переждав немного, вернулся к Касьяненко.

– Плотник встретился почти у нашего дома с нашим дворником, – выпалил Матвей взволнованно.

– Наш дворник? Филя? Филер? – вскочил Касьяненко. – Сволочь, подлец... – Матрос покосился, на Валю, сплюнул.

Тут из ворот дома 33 выплыла Кривошеина. На ней был платок, а в руках она несла большую и, видимо, тяжелую корзину.

– Я – за ней, – сказал Бойченко.

– Я с тобой, Матвей, – объявила Валя.

– Матвей, ты только держись от старухи подальше, – посоветовал Касьяненко. – Она вчера, когда ты заходил во двор, тебя приметил.

Кривошеина с тяжелой корзиной медленно поплелась по Херсонской улице, часто останавливаясь передохнуть и оглядеться. На девятой Слободской она вошла во двор дома, где проживала Любовь Пашкова.

– Целый день торчу, эта высокая не выходила, – буркнул Матвею сотрудник Каминского.

Старуха вскоре вышла с пустой корзиной, а за ней и Пашкова в темном платочке. Они постояли у ворот, разговаривая, потом обнялись, расцеловались. Старушка мелко перекрестила Пашкову и еще раз поцеловала.

– Матвей, – шепнула Валя, прячась с ним на противоположной стороне улицы за акацией, – глянь, это Гренадер. Помнишь, при Керенском на Соборной площади? Из женского «батальона смерти». А старушка Кривошеина – ее мама.

Матвей еще раз посмотрел на Пашкову и вспомнил: «Точно. Эта – правофланговая, та самая высокая грудастая деваха, только тогда на ней была папаха, солдатская гимнастерка с начищенными медными пуговицами».

– Беги, Валя, к Горожанину! Скажи обо всем, а я пойду за старухой.

– Что случилось, Валя? Выпейте воды, на вас лица нет, – встретил ее Валерий Михайлович. – Садитесь. В чем дело?

– Бежала прямо с девятой Слободской, – отвечала, тяжело дыша, Валя. – Совсем она не Пашкова и не Любовью ее зовут. Это Гренадер, честное комсомольское.

– Какой Гренадер? – с недоумением спросил Горожанин.

– Так это же Таська Кривошеина! Я только раньше ее фамилии не знала, дочка той старухи, у которой погреб на Московской! Мы Таську видели в семнадцатом на Соборной площади. Она была в женском «батальоне смерти» при Керенском. Спросите у Матвея! Он ее тогда тоже видел. Это она, точно она!

– Гренадер, говорите? Это, действительно, интересно. Значит, она служила в «батальоне смерти»? Теперь кое-что проясняется. Спасибо, Валя. Вы – молодчина. Увидите Бойченко, пусть зайдет ко мне.

9. В ЛОВУШКЕ

На девятый день после встречи «глухого» фармацевта с неизвестным на верхней аллее Яхт-клуба, после дня удачи, когда стало ясно, кто есть кто, не произошло никаких особенных событий. Однако срок, данный на разгром контрреволюционного подполья губкомом партии, истекал.

Вечером, после разбора донесений, Горожанин уехал на вокзал и там, в комнате дежурного по станции, в третий раз встретился с инженером-путейцем. На сей раз лицо путейца украшала благообразная борода.

– В Николаеве вместе с полковником действуют основные силы подполья, – сказал путеец. – Ждите крупных событий, готовятся диверсии. После этого группа должна будет возглавлять мятежи на местах, то есть разъехаться. Кроме полковника, в городе действуют: подполковник, штабс-капитан, его очень хвалят, и другие чины, поменьше. Но люди опытные – сливки царской разведки. Так говорят, – осторожно добавил инженер.

– Что ж, разведка в русской армии была неплохая, – ответил Валерий Михайлович, как бы подводя итог услышанному.

– Вам виднее... После разоблачения чекистов в Киеве в штабе Май-Маевского работать стало очень сложно. Люди проверяются и перепроверяются до седьмого колена.

– Их не спасет проверка и до Адамова колена.

– Это верно, Валерий Михайлович, – глянув сбоку сквозь пенсне, – сказал инженер. – Я только позволю себе повторить, что после диверсий в городе люди из подполья выедут на места, все инструкции по их дальнейшей деятельности – у полковника.

Они простились. Эта самая короткая встреча дала в руки Горожанина прочную нить для ведения дела. Нужно следить за каждым заговорщиком, координировать свои действия в зависимости от поведения «подопечных», не проморгать их сбора перед разъездом.

Такой вывод был малоуспокаивающим и неэффективным. Во всяком случае, для предупреждения диверсий в Николаеве не осталось шансов. Положение оказывалось чертовски щекотливым: приходилось ждать первого удара, чтобы накрыть всех заговорщиков и пресечь куда более серьезные последствия – восстания во многих городах и

селах юга России и всей Таврии, лишить будущих мятежников центра, раздробить и обезглавить их силы до выступления.

Жертвы – штука тяжелая, но в борьбе неизбежная. Самое неприятное в том, что было неизвестно, в чем эти жертвы состоят.

Можно, конечно, пойти по другому пути – взять подозреваемых и надеяться, авось кто-либо из них испугается и проболтается. Но коли уж говорят, что в Николаеве действуют сливки царской разведки, то расчет на испуг мог себя и не оправдать. А главное, еще не напали на след полковника Олега, ведь все связи у него в руках.

Во всяком случае, это следовало обсудить. Валерий Михайлович позвонил с вокзала Бурову и сказал, что им надо кое о чем посоветоваться в губкоме партии.

Там много не разговаривали и решили, что на медвежьей охоте за зайцами не гоняются. На заводах и военных объектах усилили охрану, а за всеми подопечными по делу слащевской разведки установили круглосуточное наблюдение или, как говорится, посадили их под стекло.

Утром следующего дня, часов в десять, впервые за последнее время «глухой» фармацевт вышел из своей новой квартиры и направился к Варваровскому мосту. Облокотившись о перила, он простоял с полчаса, приглядываясь к рыбалке любителей. А потом, не торопясь, вернулся в город и вышел на Пограничную улицу. На приличном расстоянии за ним наблюдал Костя Решетняк.

Варваровский мост

Как потом определили, почти одновременно из дома на девятой Слободской вышла Гренадер и направилась по Херсонской улице, затем свернула на Малую Морскую и тоже вышла на Пограничную, но с другого конца. Поравнявшись с ней, «глухой» фармацевт кивнул на человека, сидевшего на скамейке под акациями, и, не останавливаясь, они разошлись. Человек, сидевший на лавочке, поднялся и пошел за Гренадером. Был он высок и строен, а походка тверда и чеканна.

Костя, принявший наблюдение за Гренадером, хорошо видел мужчину, который

двинулся за ней. Он показался ему знакомым. Где-то он уже видел это гладко выбритое лицо, с пышными насупленными бровями, выдвинутой нижней челюстью, с горбинкой на носу, но где, Решетняк никак не мог вспомнить.

Пройдя квартал, Гренадер встретила дворника Филю. Она на ходу что-то сказала ему и пошла дальше. Костя спрятался за угол, ведь Филя знал его в лицо. Но дворник завернул на Московскую и отправился в сторону Потемкинской. Горбоносый с насупленными бровями последовал за ним. У дома 33 Филя остановился, вынул кисет, свернул козью ножку, насыпал махорки и закурил, а затем, как ни в чем не бывало, двинулся дальше. Но Горбоносый с военной выправкой не пошел за ним, а, поравнявшись с домом 33, огляделся и юркнул во двор.

Это заметил и Касьяненко, наблюдая из окна дома на противоположной стороне улицы.

– Васька! Дуй к пацанам. Посмотри, что там будет делать этот дядька.

– Есть, – по-боевому ответил Васька и умчался.

Только когда Васьки рядом не стало, Касьяненко дал волю своему языку. Ругался он долго и зло до тех пор, пока в дверях не показался Костя Решетняк. Увидев его, Касьяненко стал стаскивать с себя тельняшку.

– Давай, Костя, твою рубаху, Я сам пойду за ним. Теперь он от меня не уйдет. Знаешь, что эта за контра?

– Вспомнить не могу.

– Это горбоносый подполковник, что ранил тогда Матвея в Ефимовке, да бежал через окно.

– Точно! Действительно он! А я мучался, никак не мог вспомнить!

– Вот именно, – отрезал Касьяненко, с трудом натягивая на себя рубаху Решетняка. – Придет Валя, пусть сидит тут вместо меня, а ты дуй к Горожанину. Скажи, что я пошел за Горбоносым. Дам о себе знать. Беру с собой Ваську.

Только поздно вечером появился Васька на наблюдательном пункте и рассказал Вале, что дядя Касьяненко остался в Большой Коренихе. Из объяснений Васьки стало ясно, что «дядька», за которым они пошли, заночевал там у местного попа. Днем он с одним товарищем ездил в немецкую колонию Зульц, а потом неподалек, в Карлсруэ, – так велел сказать дядя Касьяненко.

«Значит, подполковник, можно сказать, в наших руках, – подумал Горожанин, узнав от Вали о донесении Васьки. – Это хорошо. Нам бы еще полковника Олега и этого красноармейца, что увозил медикаменты. Тогда все будет в ажуре».

– Завтра с утра, товарищ Бойченко, – обратился он к Матвею, – вы возьметесь за Угрюмого. Товарищ Решетняк обеспечит «глухого» фармацевта. А вы, товарищ Троян, отправляйтесь к себе, на Спасскую, и ночуйте дома, да так, чтобы дворник вас видел. Он не должен почувствовать, что мы к чему-то готовимся. Если вы его увидите, скажите, кстати, что ждете Бойченко и Касьяненко, они должны вот-вот явиться.

И Троян пошел. Он поднялся по темной лестнице и услышал шаги по коридору.

– А, это ты, сынок Лекс-с-андр? – послышался пьяный голос дворника Филя. – Молодой комиссар, значит?! Комсомол, значит! А я, раб божий, службу несть должен! Смотрю за порядком, чтобы кто чужой не забрался. Время-то в смуте какой проходит, И опять же, может, вашим комис-с-арам что потребуется. Правда, народ они простой, не капризный. Не то, что их благородия, господа офицеры, а все ж – власть! Хотя и без бога, но уважения к себе требует. А мне все едино, что белые, что красные! Я есть дворник! Вы, молодые, не за свое дело взялись. Рано вам про Ленина и Карла... этого. Сосунки вы еще! Бойтесь кары божьей и людской тоже. Никому пощады не будет!

– Что это тебя развезло, дядя Филя? – спросил Сашка, – напился, да еще вредную агитацию разводишь.

– Выпил малость, да, люди добрые угостили. Первач, во какой! Про власть, не моего ума дело, да! Я только говорю, что люди болтают: постигнет вас всех тяжелая кара, да поздно будет! А где пораненный ваш Матвей? Где матрос? Не видать. Матрос, хоть и

комиссар, но человек исправный, из крестьян. Образумится. Истинно говорю, сынок...

– Дядя Филя, иди отоспись, и мне пора.

– Ложись, ложись, сынок. Молодой ты, жаль, конечно, но кары не миновать. А скажи, Лекс-с-андр, придет матрос и эти сосунки? Может, я им потребен буду, тогда позови.

Дворник ушел, продолжая бурчать про кару божью. Сашка отправился к себе и лег на матрац.

«Вот контра, – подумал Троян. – Не скрывает своей ненависти. Конечно, он выпил лишнее, а то бы не болтал. Значит, Филя – человек «глухого» фармацевта. Специально к нам приставлен... Интересно получается».

Настала самая тревожная ночь весны 1920 года. Меры, принятые ЧК против белого подполья, оказались недостаточными. Из многих сел и городов Николаевщины в губчека поступали сведения о налетах банд, убийствах, грабежах и диверсиях. Между станциями Казанка и Долинская в трех местах было разобрано железнодорожное полотно. Севернее Долинской застряло несколько эшелонов с боеприпасами и продовольствием для южной группы войск Красной Армии. В районе Божедаевки объявилась объединенная банда Завгороднего, Черного Ворона и Грома, которые укрывались в Нерубайском лесу. Банда налетала на сельсоветы, убивала активистов и поджигала хаты незаможников. Еще вечером из Елизаветграда была выслана боевая группа из восьмидесяти коммунистов и батальон ЧК. Завязался ожесточенный бой с бандитами. Он длился до утра. Банда была обескровлена и ушла в леса. Преследовать ее не хватило сил.

В то время, когда Елизаветградские коммунисты и батальон ЧК вели бои с объединенной бандой, в Елизаветград ворвались махновцы. Их было около тысячи. Прежде всего, они бросились к тюрьме, захватили ее и выпустили всех арестованных, в том числе и уголовников. В городе начались повальные грабежи магазинов, складов, квартир. Комендантской роте, отряду курсантов кавалерийской школы и прибывшим на помощь батальону ЧОН со станции Помощней, махновцев удалось выдворить.

Под утро были получены сообщения, что волнения начались и в поселениях немецких колонистов. Однако пока это были лишь разрозненные стихийные вспышки. У врага еще не чувствовалось общего руководства.

В комендатуру губчека пришел Николай, сын дьячка из Большой Коренихи, и стал просить, чтобы его срочно пропустили к Бойченко или Саше Трояну. К нему вышел Троян и заказал пропуск к Горожанину. Николай стал рассказывать, что вечером в дом священника пришли незнакомые люди. Священник вызвал дьякона – отца Николая и велел пригласить к себе еще нескольких мужиков, среди них был и Андрей Дахно. Мать Николая отправилась к попадье, чтобы помочь той на кухне. Народ этот вечерил у священника до полуночи, потом местные разошлись, а один из приезжих с рассветом отправился на пролетке священника в Николаев, а другой – этакий стройный, похожий на барина, подался на повозке одного куркуля по Вознесенскому шляху.

Николай уже было собрался в город, когда его позвал в хату Андрей Дахно, у которого гостил немец-колонист Генрих Шульц.

– Вот этот человек, – показал Андрей на Шульца, – обещает достать тебе хороший мотоцикл, совершенно новенький. А я хочу просить тебя подежурить эту ночь у стога, где мы спрятали покрышки. Только одну ночь.

– А, Николи, я тебя знаю, – встретил его Шульц. – Ты перед самой революцией разрисовал нашу часовню в Карлсруэ. Ты хороший мастер. Наши колонисты довольны тобою.

– Дядя Андрей, – поздоровавшись, сказал Николай. – Мне сейчас в город позарез надо, на базар. Скоро вернусь, – забегу, договоримся.

– Давай, Николи, подвезу, – предложил Шульц. – Я тоже на базар. Хочу поменять сало на деготь или гвозди. Деньги советские теперь ничего не стоят. Этим бумажкам скоро капут.

По дороге Шульц расспрашивал Николая, что тот собирается делать, есть ли у него невеста. По его мнению, Николаю пора было обзаводиться хозяйством.

– Скоро большевикам капут, – словно молитву повторял Шульц, – Барон Врангель Петр Николаевич – это великий человек. Он из наших, из немцев. Он быстро наведет порядок в этой бедной России. Ты, Николи, не зевай, держись поближе к нашим. Делай, что скажет тебе Андрей Дахно.

Горожанин выслушал Николая терпеливо и внимательно:

– А где сейчас Шульц?

– На Конном базаре. Он советовал его не ждать. Думает лошадей присмотреть, знакомых навестить.

По распоряжению Горожанина Саша Троян и еще один сотрудник отправились на Конный базар.

Едва Сашка и Николай ушли, прибежал Касьяненко и сообщил, что Горбоносый сейчас в городе. Он оставил его на третьей Военной улице, в доме 6. Наблюдение за ним обеспечено. Вчера, когда Горбоносый был в селе Веселый Кут, там собралось человек двадцать. Хату он приметил, но фамилию хозяина не успел узнать. Горбоносый находился там очень мало и поехал в Карлсруэ к Шульцу. У того тоже набилось немало колонистов. Вообще чувствуется: что-то затевают. Ночевал Горбоносый у попа в Большой Коренихе. С ним был еще один барчук, но по виду человек военный. Утром барчук поехал по Вознесенскому шляху. Касьяненко послал за ним на повозке знакомого парня.

– По-моему, мне надо быть на третьей Военной, – сказал Касьяненко, – боюсь, как бы хлопцы не упустили Горбоносого.

– Идите, – сказал Горожанин. – И будьте готовы ко всему.

В город сходились все нити белогвардейского заговора. Но захлопывать дверь западни, которую устроили сами зачинщики мятежа, было еще рано.

«Глухой» фармацевт, как сообщили от Кости Решетняка, вернувшись, из дома не выходил до двух часов дня. А потом направился по Херсонской улице на Слободку. Недалеко от девятой Слободской он встретился с Гренадером. Не останавливаясь, что-то сказал ей и двинулся дальше к станции Водопой. Там потолкался среди пассажиров, ожидавших поезда на Херсон, и в четыре часа, очевидно, убедившись, что слежки нет, пошел на хутор. Костя Решетняк – за ним.

Через час после встречи с «глухим» фармацевтом вышла Гренадер, тоже подалась к хутору Водопой. Часто останавливалась, проверяла, не следят ли. Ее на далеком расстоянии сопровождала Валя и сотрудник из отдела Каминского.

Матвей в то утро отправился на Варваровский мост. Было часов восемь, когда он заметил Угрюмого. Тот сидел на первой из четырех армейских фур, съехавших на понтоны, рядом с возницей – красноармейцем. Судя по грохоту на булыжной мостовой, фуры были пусты. За ними поодаль шел сотрудник из отдела Каминского. За обозом двинулся и Матвей.

Телеги протащились через весь город к юго-западной окраине, где находились артиллерийские склады.

Еще не зная всего происходящего, той активности, которую проявили заподозренные в заговоре люди, Бойченко заволновался. Конечно, Угрюмому, как снабженцу, положено было на артскладах получать боеприпасы. Но коль уж он, подозреваемый по кличке Угрюмый, связан с белым подпольем, то каждый его шаг, каждое его действие могут носить двойкий характер: в одном случае агент маскируется под армейца, а в другом он может невольно выполнять правильное и нужное распоряжение, даже во вред себе, представителю штаба белой армии. Таково уж его положение. Это-то не очень приятное состояние Матвей знал по себе еще со времени пребывания и в логове Махно, и в штаб-квартире анархистов-набатовцев в Елизаветграде.

Фуры остановились у ворот перед загородкой из колючей проволоки, «которой были обнесены артиллерийские склады. Угрюмый соскочил с подводы и через проходную двинулся на территорию. Но повозки еще некоторое время стояли за воротами. Видимо, Угрюмому оформляли документы. Лишь минут через пять он в сопровождении начальника в английском френче подошел к часовому, которому было дано распоряжение пропустить

повозки на склад.

Часа полтора пробыли повозки на складах. Матвей успел умыться на берегу лимана, к которому одной стороной примыкала складская территория, и позавтракать ломтем хлеба, щедро посыпанного солью. Миновав складские ворота, в которых часовой достаточно придиричиво проверил документы и поклажу, обоз двинулся в обратный путь к Верваровокому мосту. Там, подав условный сигнал сотруднику из отдела Каминского, Матвей поспешил к Горожанину.

Валерий Михайлович не торопил Бойченко с докладом, но Матвей был достаточно опытен, чтобы не заметить некоторую обеспокоенность своего начальника.

– Сегодня с раннего утра все наши «подопечные» куда-то ходят, мельком встречаются... Это уже не подозрительно, а симптоматично. Что-то сегодня произойдет...

– А мы ушами хлопаем... – не сдержался Бойченко, но тут же пожалел о словах, сорвавшихся с языка. – Извините, товарищ Горожанин.

– Почему же... То, что вы сказали, думают и будут думать тысячи людей. И совсем не глупых. Кстати, то, что я скажу вам – фактически повторяю себе, может быть, в сотый раз: если даже все сочувствующие Советской власти будут помогать нам, мы окажемся не в состоянии знать все замыслы врага. Не говоря о том, чтобы предупредить все их действия.

– Тогда какой смысл...

Горожанин положил руку на плечо Матвея:

– По какой-то части данных можно разгадать замысел врага, хотя бы частный. По ряду действий – предположить общий план. Мы должны дорожить каждой крупницей сведений и тогда, зная заранее хотя бы общее направление их цели, сможем знать о враге все. Сейчас мы не знаем дня, часа, сигнала выступления, но то, что оно готовится, нам известно. По активизации вражеских агентов мы предполагаем выступление – не сегодня, завтра. Трудно сказать, где, но если основные их агенты в городе, значит первое, сигнальное – здесь. В чем оно состоит – пока не знаем...

– Вот видите, Валерий Михайлович...

– Если бы, – улыбнулся Горожанин, – начальник белой контрразведки полковник Астраханцев или тот полковник Олег, который представляет здесь штаб Врангеля, оказались у нас в ЧК...

– Они трусы, они выболтали бы все!

– Нет, они не трусы.

– Они не понимают движения истории! – воскликнул Матвей.

– Это их беда, но не вина. И вы будете чувствовать себя счастливым, когда хотя бы одному из своих заклятых врагов сможете объяснить это без угрозы, без пистолета.

– Им объяснить?..

– И дальше, – продолжил рассуждения Горожанин, будто не расслышав реплики Бойченко, – если враги, вот эти заговорщики у нас «под стеклом», то мы обезвредим их в самом начале выступления. Значит, сорвем весь замысел врага целиком по всему югу Украины и Таврии...

– Но когда? Враг-то тоже действует!

Горожанин рассмеялся:

– А как же ваше знание законов движения истории? А? Враг наш слеп там, где зрячи мы. Вот это, дорогой, надо зарубить на носу. Пожалуй, у всех народов есть пословица: кого хочет наказать бог, у того он отнимает разум.

– Бога нет, – рассмеялся Матвей и хотел пошутить на этот счет, но под окном послышался четкий шаг военного подразделения.

– Вот видите, Матвей! – сказал обрадовавшийся Горожанин. – И спасибо вам, что заняли у меня четверть часа, очень тревожные для меня четверть часа. Я уже думал, что заговорщики выступят раньше, чем в Николаев подойдет с севера этот ЧОНовский батальон. Ваш пост, Матвей, снова на Варваровоком мосту. Будьте особо внимательны к Угрюмому.

К воротам артсклада снова подъехали две подводы Угрюмого, и повторилась та же

процедура с пропусками, только на этот раз более шумная. Судя по громким разговорам, Угрюмому выдали не шрапнельные, а бризантные снаряды, и их надо поменять. Наконец фуры окрылись меж насыпными валами подземных окладов. Пустырь с этими валами, похожими на овощехранилища в богатых экономиях, казался безлюдным, скучным и глухим.

Часа в четыре дня к губчека нестройными рядами подошла группа мобилизованных коммунистов и комсомольцев. Их встретил Горожанин и предложил пройти в угловое одноэтажное здание, где находилась столовая. Окнами она выходила на юг и на запад. Солнце палило вовсю, и ставни были прикрыты. Пришедшие расселись в полутьме на деревянных скамьях за длинными столами. Горожанин собирался провести с мобилизованными инструктивное совещание к предстоящей операции.

Вдруг рядом на улице загрохотал гром, и тут же стих, потом рванул снова. Ударная волна сорвала ставни, и на пол посыпались осколки выбитых стекол. Помещение сразу осветило, но через мгновение стало темно, как будто солнце скрылось за тучами.

– Без паники! – приказал Горожанин. Он подскочил к окну, выглянул. – Похоже, это рвутся артсклады. Взрывы в той стороне, – и показал рукой на запад. – Товарищ Каминский, прикажите скорее пролетку. Всем организованным порядком за мной. Батальону ЧОН и нашему батальону – к артскладам. Вы, товарищ Каминский, обеспечьте порядок здесь. С вами остается часть чекистского батальона. Будут звонить Касьяненко или комсомольцы, пусть каждый выполняет порученное задание. Это основное.

Пролетка оказалась под окном, и, выскочив в проем, Горожанин помчался на юго-запад. По всем улицам бежали к артскладам рабочие, красноармейцы, мальчишки. Толпа теснилась к тротуарам, когда раздавались колокола пожарных команд. Воронье кони пожарников завода «Наваль», порта и городской команды то и дело обгоняли пролетку Горожанина. Взрывы с небольшими промежутками слышались на протяжении всего пути. Ближе к артскладам стали видны столбы черного дыма и вспышки очередных взрывов.

Территорию складов уже оцепили бойцы, но лавину горожан нельзя было сдержать. Люди в штатском и военные подбегали к горевшему складу, бросались в огонь, вытаскивали из склада тяжелые ящики, относили в сторону, складывали штабелями, накрывали громадными брезентами. Тем временем пожарники непрерывно поливали брезенты из брандспойтов.

Ударная волна взрыва сбила Матвея с ног. Едва очнувшись, он увидел, что Угрюмый на первой из двух фур выехал из артсклада, а затем, бросив повозки, побежал обратно к проходной. Матвей бросился за ним, но его остановил часовой. Бойченко показал ему красную книжечку губчека. Поблизости находился кто-то из командиров, и Матвея пропустили. Но Бойченко показалось, что когда его задержал часовой, Угрюмый на мгновение остановился и заметил, как он предъявил свое удостоверение.

Потом Угрюмый побежал прямо к складу номер семь, юркнул внутрь и вместе с другим бойцом потащил тяжелый ящик со снарядами, который они отнесли далеко от склада. Он распоряжался и показывал другим, куда складывать ящики, словно заранее знал, что делать. Матвей тоже включился в работу. Получилось так, что один ящик он вытаскивал вместе с Угрюмым. Одежда Угрюмого, лицо, руки были в грязи и копоти. По лбу и щекам его лился пот, перемешанный с грязью. Над их головами пролетали осколки рвавшихся снарядов и искры от горящего перекрытия.

– Ух, гады, – со злостью сказал Угрюмый, – какой подлец, мог это сделать? Держи, парень, руки поближе к себе – у поперечной планки. Не то ящик сорвется, ноги придавит.

Матвей глянул в его лицо и подумал: «Может быть, они ошибаются? Может, это вовсе не враг?» А Угрюмый, выбиваясь из сил, снова и снова бежал к складу спасать снаряды.

Вскоре в чаду дыма Матвей заметил Горожанина и подошел к нему.

– Валерий Михайлович, Угрюмый сзади меня. Все время таскает ящики, здорово это у него получается.

– Не обращайтесь внимания, товарищ Бойченко. Продолжайте свое дело. Главное, не упустить его именно сейчас.

Бойченко не упускал, лазил с Угрюмым в самое пекло пожара и взрывов.

Уже вечерело, когда взрывы и пожары на артскладах поутихли. Однако рабочие еще находились вблизи и уговорить их разойтись по домам было трудно.

От берега лимана к Горожанину подошли секретарь губкома партии, Буров и Каминский. Яша нес пару солдатских ботинок из сыромятной кожи и лист бумаги, на котором жирно, во весь лист была нарисована стрела.

– Валерий Михайлович, вот загадка, – оказал Бурое. – Нашли у самой воды. Бумага лежала стрелой на выход из лимана, а на бумаге стояли эти ботинки. Заметил их один из красноармейцев, тотчас же после первого взрыва. Кто-то, говорят, видел в середине лимана мостик и перископ подводной лодки. Говорят, один человек в темных трусах подплывал к этой лодке. Старый моряк утверждает, что то была английская лодка.

– Если это дело рук английской разведки, значит, заранее обусловлено, что диверсанта подберут. Зачем ему оставлять следы на берегу? – размышлял вслух Горожанин. – Может, соучастник остался?

– Да, история довольно странная, – заметил Буров. – Мы только что беседовали с бакенщиком. Он клянется, что за несколько минут до взрыва на лодке пересекал лиман и никакой подводной лодки не видел.

– Кое-что, пожалуй, проясняется, – ответил Горожанин. – Диверсия связана с делом полковника Олега. Вот сзади вас, недалеко от Бойченко, сидит Угрюмый. Он все время таскал ящики. Он здесь был утром, получал снаряды. Ему отпускал снаряды командир отделения Петушков, который отвечает за склады семь и девять. В обоих окладах были снаряды к стапятидесятидвухмиллиметровкам. При отпуске снарядов завскладом Петушков что-то напутал и вместо шрапнельных отпустил восемь ящиков бризантных снарядов. Угрюмый в два часа вернулся с подводами и учинил скандал. Начальник складов говорит, что после этого Петушков исчез и никто его больше не видел.

Матвей устроился среди группы военных, поодаль от склада семь, где находился Угрюмый. У колючей проволоки, ограждающей склад, Матвей заметил Ваську и вышел за ворота.

– Вася, откуда ты?

– Я с дядей Касьяненко был на третьей Военной. Оттуда мы подались на хутор Водопой. Потом он меня послал домой, но велел забежать сюда и передать тебе, Вале или Косте, что все в порядке, на хутор прошли. Сказал, что вы знаете, кто.

– Хорошо, Вася. Беги домой.

Через полчаса, когда стемнело, пришел Костя Решетняк. Он доложил Горожанину, что «глухой» фармацевт у лабазника на хуторе. Туда же пришла Гренадер. В другой хате сейчас находится Горбоносый и банковский чиновник; Туда же недавно на своей повозке приехал Генрих Шульц и остановился у приятеля лабазника. Мнение Касьяненко: их надо брать, а то могут улизнуть.

– Если они что-то замышляют, обязательно придет и полковник Олег. Пусть Валя следит за домом лабазника, она видела этого полковника на верхней аллее Яхт-клуба, – распорядился Горожанин. – Мы через час-два подтянем силы.

– Валя все время там. Говорит, что похожего на полковника Олега не замечала.

– Передайте Касьяненко, что без меня ничего предпринимать нельзя.

Матвей вернулся к военным у оклада.

Часов в одиннадцать вечера Угрюмый вышел к повозкам, разбудил возчиков, и они медленно двинулись в город.

Матвей крался за ними вдоль домов, благо ночь была темная, и он мог находиться так близко от фур, что слышал даже покашливание возчиков. На Херсонской улице повозки остановились. Угрюмый дал распоряжение, чтобы красноармейцы ехали на Варваровку, а сам быстрым шагом пошел налево, к Слободке. Его дважды останавливали, спрашивали пароль. На пятой Слободской он присветил карманным фонариком, посмотрел на часы и пустился бежать. За девятой Слободской, у кладбища, остановился. Из темноты показались

двое. Один из них приказал идти быстрее. «Это, наверное. полковник Олег», – подумал Матвей.

На хуторе Угрюмый вошел в дом лабазника, а через несколько секунд выглянул и пригласил остальных.

Вскоре в тот же дом пришли Горбоносый и банковский работник; а потом и Шульц. Матвей заметил, что вместе с Шульцем был еще кто-то в поддевке, кто сел на завалинке у дома лабазника и закурил.

Пока на хуторе Водопой не: собрались все: известные чекистам заговорщики, вырабатывать конкретный план захвата было трудно. Теперь предстояло действовать быстро и наверняка. По крайней мере, так предполагал Касьяненко.

Когда моряк высказал свой план – окружить дом лабазника, напасть на собравшихся, неожиданно ворваться в дом и захватить всех разом, – у Матвея аж руки зачесались, до того хорошим выглядело предложение начальника оперативной группы. Он с трудом сдержался, чтобы не выразить шумного одобрения плану.

– Постреляем половину... – сказал Горожанин, – это ли нам нужно? Зачем же мы следили за ними? Берегли, можно сказать?

– Берегли, что и говорить, – со вздохом согласился Касьяненко.

– А своих сколько потеряем в перестрелке?! – Нет, так рисковать не годится. Товарищ Касьяненко, брать постараемся тихо.

– Как же это? – не сдержался Матвей.

– Сомневаюсь, чтоб заговорщики вышли после совещания строем, – покосился на Бойченко Валерий Михайлович. – Как приходили, так и станут покидать дом лабазника – по одному. Подходы к дому блокируем. И они сами придут к нам в руки.

– А если осечка? Шум поднимется? – неуверенно сказал Касьяненко.

– Тогда – другое дело.

В темноте, заранее изучив местоположение дома лабазника, Касьяненко расставил прибывших на хутор чекистов и бойцов батальона ЧК и чоновцев.

Кругом было тихо. Даже собаки будто вымерли. Лишь за полночь уже коротко, гулко гаркнул на станции паровоз и смолк, словно сам испугался своего крика.

Днем стояла необычная жара, было душно. Ночью же промозглый воздух над Бугом быстро остудил тепло, и теперь рубаха на Матвее стала волглой. Легкий, почти незаметный ветерок пронизывал, сделалось зябко. Вдруг у станции послышался окрик, потом шум, борьба, вскрик. Касьяненко, стоявший рядом с Матвеем, кинулся на голоса.

Вернулся он не скоро, а, устроившись рядом, долго ругался и шмыгал носом. Бойченко с трудом разобрал, что около станции, на дороге к хутору задержали их дворника Филю.

– У меня же, пацаны, нюх на контру! – никак не мог успокоиться моряк. – Я ж эту гадость за полверсты чую. Ведь с первых минут, как харю его увидел, решил: беспримерная контра. От него и пахнет-то не сивухой, а контрреволюцией.

Опять хутор обложила тишина. Звезды начали меркнуть и наконец совсем исчезли. Поплыли волокна предрассветного тумана, который становился густым и плотным.

– Засовещались, гады, – проворчал Касьяненко. – Что они там, за третий поход Антанты байки ведут? Так дальше не пойдет! А ну, хлопцы, давайте скрадем часового.

Костя Решетняк и Матвей, крадучись, подобрались к человеку, который сидел на завалинке. Бушлатом Касьяненко накрыли его и оттащили подальше в сторону. В его поддевку и шапку оделся Костя, пришел к завалинке, уселся около двери в дом, поднял воротник и стал покуривать. Теперь опасаться охраны стало нечего.

Касьяненко и Бойченко устроились совсем рядом с тропкой, ведущей от дома.

Было часа четыре утра, когда скрипнула входная дверь дома и в щель просунулась и скрылась голова хозяина.

– Началось... – не сдержался Касьяненко.

Из двери дома боком вылез человек среднего роста в английском френче. Он двинулся сначала неуверенно, крадучись, но, отойдя шагов на десять, приосанился и твердым военным

шагом пошей прямо в засаду чекистов. Он только успел выхватить пистолет, как был сбит с ног. Матвей сразу узнал того командира, который утром пропускал Угрюмого на артсклад. Вслед за ним вышла Гренадер. Она свернула в сторону железнодорожной станции, дорога которой тоже была перекрыта.

Знакомые и незнакомые агенты белых покидали конспиративную квартиру, а главари все еще не появлялись. Никакого шума, свидетельствующего о том, что задержанные оказали сопротивление, не доносилось. И вдруг на крыльцо дома лабазника вышел Горбоносый. Он повертел головой из стороны в сторону, точно вынюхивая кого-то и давая возможность чекистам убедиться, что нос его действительно горбат и обмануться они не могут, потом сунулся в сени, и тотчас оттуда вышел мужчина лет пятидесяти.

– Прошу, Олег Игоревич, – услышал Бойченко.

Он опрашивал впоследствии у Касьяненко, действительно ли эти люди разговаривали, но и командир опергруппы не мог ответить на это ничего определенного. Едва полковник Олег вышел, Горбоносый обогнал его на ступеньках и первым свернул в переулок.

Горбоносый направился в сторону станции и тут же наткнулся на ближайшую засаду. С двух сторон на него набросились сотрудники ЧК, – а на помощь им подоспел боец из батальона ЧОНа. Однако взять Горбоносого оказалось не так-то просто. Он бешено сопротивлялся, ударил ногой в пах сотрудника, вышедшего на него, выстрелил в чоновца, ранил его и кинулся в сторону, продолжая отстреливаться.

К тому времени Касьяненко и Бойченко уже захватили не оказавшего сопротивления полковника Олега, и, оставив его на попечение Горожанина, побежали на выстрелы. Они увидели Горбоносого, петлявшего по улице и спешившего укрыться за толстым стволом акации. Но Бойченко знал, что там, в стороне от центра предполагавшихся событий, находится Валя с фельдшером. Пригибаясь при обстреле, Горбоносый не смотрел в сторону акации, интуитивно двигаясь к ней, как человек, отлично ориентирующийся в сложной обстановке перестрелки. А Валя и не пыталась выглянуть из-за своего убежища. Поздно, очень поздно, как тогда подумалось Матвею, из-за дерева брызнул огонек выстрела, за ним еще и еще. Шага четыре не дошел до акации Горбоносый. Он завалился на бок, но еще пытался стрелять с левой руки, выхватив второй пистолет. Валя выстрелила почти в упор и прикончила его.

Когда к Горбоносому подскочили Касьяненко и Бойченко, Валя вышла из-за своего укрытия. В правой руке она держала браунинг, а ладонью левой закрывала щеку, словно у нее болели зубы. Она по меньшей мере была поражена тем, что после того, как она несколько раз нажала курок, живой человек, бежавший на нее, оказался мертвым. Вдруг Матвей увидел Ваську, он по-пластунски крался к пистолету, который отбросил Горбоносый, и с опаской поглядывал на матроса.

– Это что за кренделя выворачиваешь? – закричал Касьяненко. – Я же тебе сказал домой. Как ты сюда попал? А?

– Я так, товарищ капитан... Может, думал, понадобится.

– Марш домой, – продолжал сердиться Касьяненко, и махнул рукой на Горбоносого; мол, чего добивался, то и получил. Контра она и есть контра.

Матвей же в наступившей тишине неожиданно остро уловил аромат цветущей белой акации и искренне удивился этому.

У арестованных при личном обыске и дома были изъяты списки коммунистов и комсомольцев города и села с указанием, кто кого должен убить.

Когда арестованных привезли в ЧК, первым заговорил, как ни трудно в это поверить, полковник Олег. Войдя в кабинет Горожанина, он на предложение сесть щелкнул каблуками, поклонился словно на светском рауте, и сказал:

– Вы очень любезны. Ну, что ж, игра проиграна. Ставок больше нет, как говорят. Расскажу все, что знаю.

– Прежде всего, расскажите о себе. Вы руководитель подполья беглых только по Николаеву? – задал вопрос Горожанин.

– Руководитель по Николаеву не я, а полковник Краснов Аполлон Васильевич, – ответил полковник Олег. – Я его помощник по Херсону. Красков у нас большой специалист, он прошел курс военной разведки в военной академии в Петербурге до 1914 года.

Затем он назвал фамилии руководителей подполья по уездам и городам юга Украины, а также по Одессе, Александровску, Елизаветграду, Екатеринославу⁵* и Харьков.

– Кто взорвал артиллерийские склады? – опросил Горожанин.

– Штабс-капитан Петушков, – ответил полковник. – Он у нас большой специалист по этому делу.

– Хищение медикаментов тоже дело рук ваших людей?

– Так точно. Их увез все тот же Петушков по подложным документам.

– Скажите, полковник, зачем вам понадобилось убивать вашего же человека, Благоволину? – спросил Горожанин.

– Оказалась истеричкой. Оставлять ее было опасно.

– Кто же ее убил?

– Штабс-капитан Петушков. И это по его части. Ему помогала Кривошеина.

При обыске в сарае у приятеля лабазника были обнаружены медикаменты и перевязочный материал. В поле, в двух километрах от хутора, были закопаны три трехдюймовые орудия без замков.

Началась ликвидация белогвардейского подполья в городах, по селам и немецким колониям.

Матвею Бойченко через несколько дней пришлось уехать из Николаева. Он отправился в логово врага, чтобы восстановить связь со своими людьми и продолжить работу по выполнению задания, полученного еще от бывшего председателя Николаевского губчека Абашидзе.

Лишь через два года, встретившись с Валерием Михайловичем Горожаниным, Матвей узнал, что операция, шедшая под шифром «Глухой фармацевт», оказала заметное влияние на весь ход борьбы с Врангелем, после того, как Черный барон вырвался в июне из Крыма в Таврию. Пресеченная Николаевской ЧК деятельность белой агентуры на юге Украины и на левобережье во многом определила и судьбу Каховского плацдарма.

То, что в городах и селам Херсонщины и Николаевщины белые лазутчики, посланные позже, не смогли найти сколь-нибудь надежной опоры, тоже подтверждает это.

– Буров передавал мне, – оказал Горожанин, что Феликс Эдмундович Дзержинский особо просил поблагодарить комсомольцев-кладоискателей. Он сказал, что если бы они случайно через катакомбы не наткнулись на основной склад оружия слащевской разведки, в действиях белого подполья было бы много неясного.

А Касьяненко – начальник отдела по борьбе с бандитизмом, уже два года женат на Полине – внучке дворника дома в Николаеве, где был найден клад и оружие белого подполья. Узнал от своей жены, что это она написала весной 1920 года анонимку о «тайнах» цукермановских подвалов.

⁵ Екатеринослав – ныне Днепропетровск